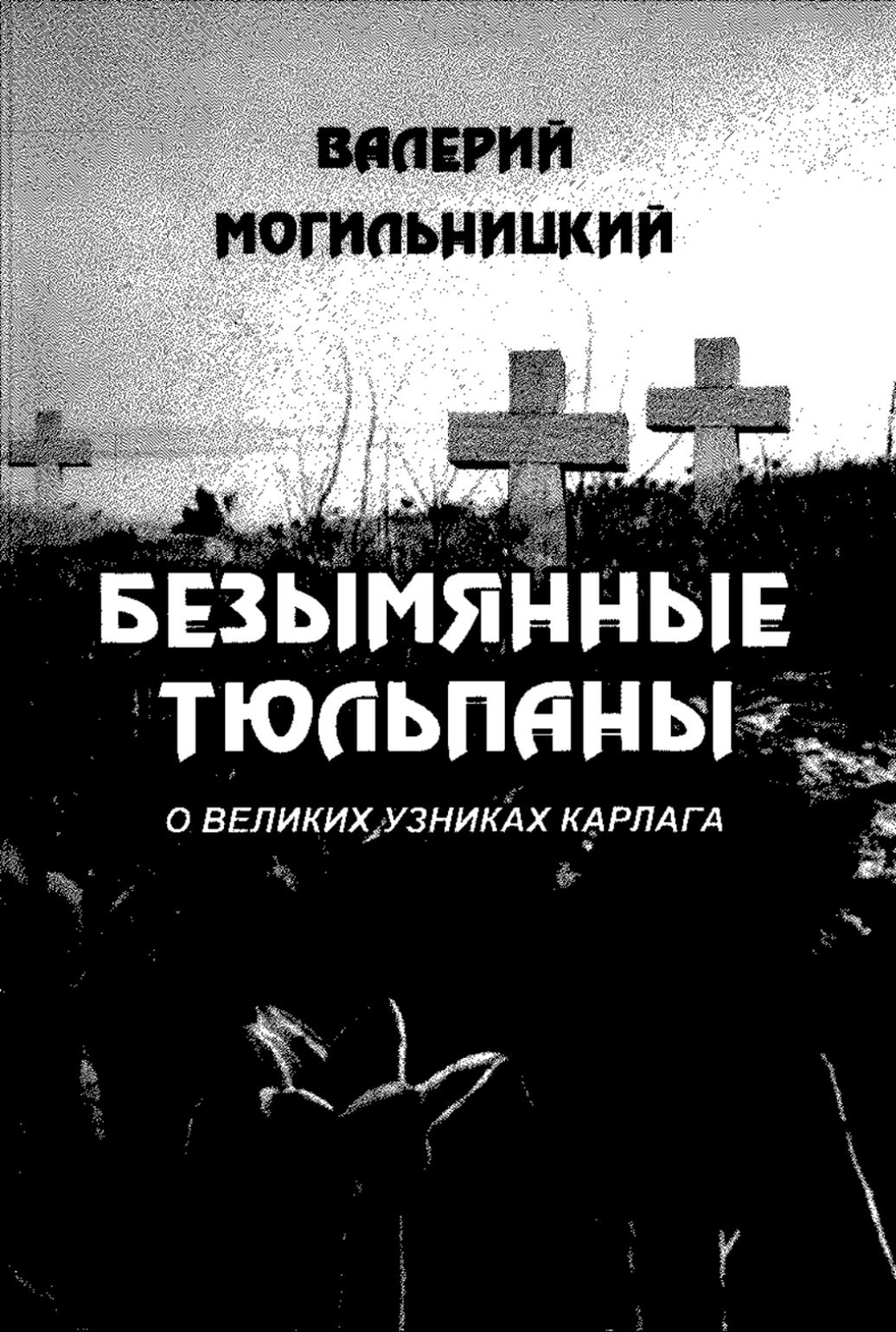

**ВАЛЕРИЙ
МОГИЛЬНИЦКИЙ**

**БЕЗЫМЯННЫЕ
ТЮЛЬПАНЫ**

О ВЕЛИКИХ УЗНИКАХ КАРЛАГА

ВАЛЕРИЙ МОГИЛЬНИЦКИЙ

БЕЗЫМЯННЫЕ ТЮЛЬПАНЫ

О великих узниках Карлага

Караганда – 2014

УДК 821 (574)
ББК 84(5 каз.-рус.) - 44
М 74

Могильницкий Валерий Михайлович.

М 74 Безымянные тюльпаны: художественно-документальные очерки о великих узниках Карлага. - Караганда: «Гласир», 2014 г. - 206 стр.

ISBN 978-601-7397-80-7

Новая книга Валерия Михайловича Могильницкого «Безымянные тюльпаны» является продолжением его известных произведений о великих узниках Карлага «Звезды Гулага», «Черные розы маршала», «Не склонив головы», «В долине слез», «Великие узники Карлага». В ней собраны очерки писателя последних лет, которые публиковались в газетах «Труд», «Страна и мир», «Казахстанская правда», «Индустриальная Караганда», «Темиртауский рабочий», а также в журналах «Нива», «Простор», «Астана – плюс», «Байтерек».

Автор книги более пятидесяти лет работает в печати, член Союза журналистов СССР и РК, академик Международной Академии информатизации, лауреат многочисленных творческих конкурсов, почетный гражданин города Жезказгана. Указом Президента РК Н.А.Назарбаева в 2011 году награжден медалью «Ерен еңбегі үшін» (За трудовое отличие). В 2013 году удостоен почетной международной награды «Святая София», а в 2014 году престижной международной премии «Интеллект нации» (I степени в программе «Лидеры XXI века»).

Книга посвящена памяти жертв политических репрессий. Издание рассчитано на массового читателя.

УДК 821 (574)
ББК 84(5 каз.-рус.) - 44

ISBN 978-601-7397-80-7

© Могильницкий В.М., 2014 г.

Вместо предисловия С верой, надеждой, любовью...

Президиум Международной имиджевой программы «Лидеры XXI столетия» недавно наградил известного казахстанского журналиста и писателя, академика МАИИН Валерия Михайловича Могильницкого нагрудным Знаком «Интеллект Нации» со статуэткой и дипломом за весомый вклад в интеллектуальное и духовное развитие современного общества, высокие профессиональные и общественные достижения. В приветственном письме генерального директора Ассамблеи деловых кругов СНГ, профессора Международного славянского университета, доктора философии Антона Ивановича Саввова говорится:

«Глубокоуважаемый Валерий Михайлович!

От имени Президиума Международной имиджевой программы «Лидеры XXI столетия» примите заверения в глубокой симпатии и уважении, а также поздравления с достойной оценкой Ваших заслуг – присуждением Вам международной награды «Интеллект Нации».

Отличие «Интеллект нации» (награда Международной имиджевой программы «Лидеры XXI столетия» I степени) вручается за персональный вклад в интеллектуальное и духовное развитие современного общества. Вы, уважаемый Валерий Михайлович, бесспорно, заслужили это признание. Ваше творчество находит свой отклик в сердцах читателей, а такие книги как «Великие узники Карлага», «Не склонив головы», «Черные розы маршала», «Верность призванию» вошли в сокровищницу современной русскоязычной публицистической литературы и известны далеко за пределами Казахстана. Заслуживает внимания и самой высокой оценки Ваша более чем полувековая журналистская деятельность, а также работа на посту Председателя Союза писателей Карагандинской области.

Именно такие люди как Вы, достойно представляющие творческую элиту Республики Казахстан, являются двигателем мировой деловой, научной и культурной интеграции. Пусть престижная награда послужит не только высокой оценкой Ваших заслуг, но и способствует укреплению положительного имиджа Республики Казахстан на международной арене.

Сожалея о невозможности личного знакомства с Вами, на-

деюсь на Ваше участие в последующих деловых и светских мероприятиях международной имиджевой программы «Лидеры XXI столетия» и ее партнеров. Ваш высокий авторитет, обширные знания и эрудиция, безусловно, придадут нашим инициативам более весомое значение, усилят их влияние на международную общественность.

Желаю Вам лично, Вашим близким, друзьям и коллегам плодотворной работы, покорения новых высот, здоровья и процветания».

Действительно, более 50 лет трудится В.М. Могильницкий в журналистике и литературе. За это время создал 25 книг, около трех тысяч статей и очерков. Он стал лауреатом премий журнала «Крестьянка», имени Николая Погодина, республиканской газеты «Казахстанская правда», воина-публициста Баубека Булкишева, Союза журналистов Казахстана, Карагандинского металлургического комбината. В 2000 году ему присвоено звание «Почетный гражданин Жезказгана». В 2006 году он избран академиком Международной академии информатизации. Указом Президента РК Н.А. Назарбаева в 2011 году награжден медалью «Ерен еңбегі үшін» («За трудовое отличие»). В 2013 году В.М. Могильницкому присуждена международная награда «Святая София» с вручением ордена, статуэтки и диплома.

В.М. Могильницкий – член Союза журналистов СССР и РК с 1965 года. В 1998 году он избран председателем общественно-го объединения «Союз писателей Карагандинской области». По версии «Mail.ru» и «Википедии» В.М. Могильницкий признан одним из лучших поэтов XXI века.

И вот новая международная награда «Интеллект нации». Как не порадоваться за коллегу, который в свои 74 года сохранил бодрость духа, творческую силу, энтузиазм и продолжает писать статьи, книги, выступать перед многочисленными читателями в школах, музеях, библиотеках, колледжах и вузах, по радио и телевидению. Он вдохновенно и настойчиво несет свет знаний и творчества, любовь, надежду и веру людям.

Передо мной новая книга В.М. Могильницкого «Безымянные тюльпаны», которая скоро поступит в книжные магазины и киоски области. Она является продолжением знаменитой серии писателя о великих узниках Карлага. На этот раз В.М. Могильницкий представляет нам новых героев серии – великих заключенных Карлага, о которых прежде почти ничего не было извест-

но. Это – поэтесса Генриэтта Фикс, киновед Ванда Росоловская, помощник режиссера Любовь Бабицкая, корреспондент фронтовой газеты, писатель Даниил Фибих, художник Юло Соостер, редактор Детгиза Генрих Эйхлер, поэтессы Любовь Рубцова и Анна Зимина, ученый с мировым именем, генетик Владимир Павлович Эфроимсон, потомок князя-декабриста, доктор наук Андрей Трубецкой, писатель-переводчик Давид Выгодский и другие.

Книга В.М. Мозильницкого воскрешает в памяти людей, которые попали в ад сталинских репрессий и о которых мы стали незаслуженно забывать. Спасибо писателю за то, что он сохранил не только их имена, но и сумел интересно и притягательно рассказать о трагических страницах их жизни.

Директор Музея памяти жертв политических репрессий в Долинке Светлана Климентьевна Байнова высоко отзывается о творческом поиске писателя, его великолепных очерках о великих узниках Карлага. Она говорит: «Жаль, что книги Валерия Михайловича Мозильницкого выходят небольшими тиражами, они быстро расходятся среди читателей... Надо бы издавать и распространять их большие, ибо это живая история нашего советского страшного времени... Я считаю, что не зря нашему писателю присуждена вторая Международная награда «Интеллект нации», он вполне заслужил ее как и первую награду «Святая София». Его вклад в духовное развитие общества неоценим».

Тут надо заметить, что престижной награды «Интеллект нации» в предыдущие годы были удостоены такие выдающиеся деятели мировой деловой, научной и культурной общественности как президент Международной Академии наук духовного развития, почетный профессор Международного университета Вены (Австрия) Лариса Безукладова, академик НАН Республики Казахстан Зейнулла Мулдахметов, президент Экибастузского инженерно-технического института имени К.И. Сатпаева Марат Марденов, генеральный конструктор авиадвигателей, руководитель Запорожского машиностроительного конструкторского бюро «Прогресс», доктор технических наук Федор Михайлович Муравченко, генеральный директор ТОО «КарагандаГИИЗ и К*», лауреат Сократовской премии, доктор технических наук Виктор Никитович Попов, ветеран ВОВ, кавалер многих орденов, житель Крыма Андрей Петрович Плеханов, ректор Академии телевидения РК Куляш Болсанбек, народный целитель Казахстана Базылхан Дюсупов.

И вот в этот список достойных людей теперь надо добавить и имя нашего писателя Валерия Михайловича Могильницкого. Я охотно присоединяюсь к многочисленным поздравлениям в его адрес в связи с новой наградой и желаю счастливого плавания к читателям его популярным книгам, в том числе сборнику очерков «Безымянные тюльпаны». Пусть никогда Валерия Михайловича не покидают огонь творчества и любовь к людям!

**Барлык Альмагамбетов,
член-корреспондент Международной
Академии информатизации,
главный редактор газеты «Темиртауский рабочий»,
писатель, журналист**

Глава первая Мимозы Генриэтты

Она подошла ко мне в сквере и протянула мимозы. И сказала:
- Я сразу догадалась, что это вы. У вас в руках свежие газеты.

Мы договорились о встрече по телефону. Она несколько раз звонила мне:

- Я хочу почитать вам стихи, написанные мной в Карлаге. Может, благословите?

Мы присели на скамейку. Вокруг пахло арчой. Накануне прошел весенний дождь, и его капли блестяли на веточках этого дивного можжевельника. Одинокие прохожие исчезали в дверях огромного ЦУМа.

Сложив руки крестом на коленях, Генриэтта Моисеевна Фикс (так представилась моя незнакомка), приступила к долгому рассказу о своей жизни. Она родилась в Латвии в 1908 году в городе Двинске. Училась в гимназии в Риге, затем была выселена в Еврейскую автономную республику в Биробиджан, где работала заместителем главного бухгалтера отделения Госбанка. Но в 1938 году ее арестовали как родственницу врагов народа, затем последовал приговор: 8 лет исправительно-трудовых лагерей по статье 58-4 УК РСФСР. Реабилитировали ее только в феврале 1956 года... Таким образом, она считалась репрессированной целых 18 лет! И до сих пор благодарит судьбу за то, что попала на просторы казахстанских степей, а не в треклятый холодный Магадан или продуваемый ветрами туманный Владивосток.

В Карлаге она пасла овец, была сакмащицей. Весь день ей приходилось быть на солнце, а оно в Казахстане печет немилосердно. Только что и делаешь – ждешь вечерней прохлады. А то в стог сена заберешься с теневой стороны, тетрадь ученическую из-за лазухи вытащишь и карандашом стихи пишешь.

Да, поэзия помогала ей выжить. Смахнув набежавшую вдруг слезу, Генриэтта Моисеевна прочитала мне первые стихи:

*«Уж когда-нибудь кончится день,
И когда-нибудь вечер наступит.
Ночь набросит лохматую тень,
И косматые брови насупит.»*

*Загоню я в кошару овец,
Постараюсь быть твердой и стойкой,*

*И смогу я прилечь, наконец,
На свою арестантскую койку.
И смогу я тогда помечтать,
А мечтами умчусь я далеко
В те края, где осталась кровать
На пружинах с подушкой высокой».*

* * *

Немного помолчав, моя собеседница опять принялась читать стихи:

*«Опалило солнце Казахстана
Мою душу, голову и грудь...
Кажется, что больше я не встану,
Кажется, закончен здесь мой путь.
Но теперь я даже не жалею,
Хоть гнетет мучительная боль.
В жизненной великой лотерее
Мне достался страшный номер «ноль».
И внутри все сразу опустело:
Чувство придавили тормоза.
Только поет утомленно тело
И слезятся глупые глаза».*

* * *

Почитав еще немного стихи, Генриетта Моисеевна спросила:
- Ну как?

Что сказать? Я был поражен ее поэзией, скупостью и точностью ее строк, выражающих образно чувства и мысли этой незамеченной никем поэтессы. В ней было что-то от обреченности Анны Ахматовой, жертвенности Марины Цветаевой... Но было больше своего – карлаговского, неповторимого горя, тоски и грусти.

И глядя на седую маленькую женщину, пережившую красный террор Сталина, я вдруг спросил:

- Как же вы выжили, Генриетта Моисеевна?

Она опять ответила стихами:

*«Есть ресторан, под именем Ашуровой
Известен он,
Туда идут походкою поцурой
Со всех сторон».*

*Туда спешат, едва продравши очи,
Забыв про сон:
Наш ИТР, конторщик и рабочий
Как на поклон.
Три раза в день течет, как по команде,
Людской поток.
Чтоб получить один черпак баланды
В свой котелок».*

* * *

- Вот так я и выжила: поэзия и черпак баланды... А вокруг – овцы, кошары. Правда, встречались и очень интересные люди.

Она отбывала свой срок в Бурме, знаменитом отделении Карлага, где локоть к локтю вместе с ней горевали в одних бараках гражданская жена адмирала Александра Колчака – княгиня Анна Васильевна Тимирева-Книппер, киноактриса Мариэтта Каппист, актриса Фира Лейзерова, режиссер Анна Лацис... Мало кто знает, что в Бурме отбывала свой срок и сестра видного большевика, основателя Коминтерна Григория Евсеевича Зиновьева Лия Ароновна Апфельбаум. Она была замужем за журналистом Самуилом Марковичем Заксом. В апреле 1917 года отец купил ему за 144 тысячи рублей типографию «Труд», в которой он печатал большевистскую литературу и листовки. Этой типографией охотно пользовался Григорий Зиновьев – правая рука Ленина, его друг и защитник. На знаменитой картине «Разлив» вначале был изображен не только Ленин, но и Зиновьев. Да, они вдвоем скрывались на этом озере от царской охранки после возвращения в Питер из Германии. Но великий фальсификатор истории Иосиф Сталин, уничтожив ее братишку Григория, дал команду убрать из картины Зиновьева, оставив одного Ильича. И в таком искаженном виде картина была растиражирована на весь Союз.

Об этом искажении не раз с возмущением говорил ее муж, который считал себя сторонником Зиновьева. Он одобрял позицию Григория Евсеевича по вооруженному восстанию, считавшего, что к социализму можно перейти мирным путем, а не кровавым. Чтобы избежать лишних жертв у Зимнего, Зиновьев с Каменевым и опубликовали в газетах время начала восстания, дабы население знало, когда начнется стрельба и избежало крови.

Самуил Закс после революции не расставался со стальным

пером революционера-журналиста. Он был первым редактором знаменитой «Ленинградской газеты», затем заведующим иностранным отделом ТАСС. Его погубила любовь к Зиновьеву, второму после Ленина великому человеку в партии большевиков. Он всюду говорил о том, что место Григория Евсеевича несправедливо занял Сталин. И в 1936 году Закса расстреляли «за покушение на Сталина».

Помнила Генриэтта Моисеевна и прекрасного человека, писателя Даниила Владимировича Фибиха, участника Великой Отечественной войны. Он попал в Карлаг в 1943 году также, как Солженицын, за антисталинские высказывания и критические записи в своем фронтовом дневнике. Фибих работал в Бурме сторожем то на огороде, то на складе продовольственном. В столовой его сразу примечали по небольшому рукомоюнику, который ему выдали вместо котелка. Дно рукомоюника было запаяно наглухо, а по верху приделана железная ручка. Котелков тогда в Бурме не было на складе, и Фибиху пришлось хлебать баланду из рукомоюника. Все заключенные, увидев его, говорили:

- Вон рукомоюник идет!

Даня не обижался и добавлял:

- Ешь до дыр, Мойдодыр!

Еще до войны Фибих хотел написать роман об адмирале Колчаке, его незаурядных способностях первооткрывателя Арктики и создателя морских мин. Знал Фибих и о волнительном романе Колчака и Тимиревой, по разным документам. А когда ему сказали, что «любовь адмирала» сидит в столовой за одним столом с ним рядом, он сразу не поверил. И только на третий день спросил красивую, но рано поседевшую женщину:

- Вы Анна Тимирева?

- Та самая, - ответила как ни в чем не бывало бывшая любовь адмирала и добавила. — Как видите, заслужила у большевиков высокую честь жить в казахстанских степях...

Анна Васильевна была общительной женщиной. Она работала в клубе художницей, и часто приглашала к себе в гости тех, кто любит искусство, театр, поэзию. Она сделала оригинальные декорации к пьесе итальянца Гольдони «Забавный случай», которую зэки поставили на сцене клуба. Генриэтта Моисеевна присутствовала на этом спектакле, и была в восторге от игры актеров, самобытного оформления пьесы.

Однажды она накануне Нового Года заглянула в клуб и была

поражена: там стояла большая елка с разноцветными гирляндами, игрушками и лампочками. Откуда эта елка? Ведь в Бурме вокруг ровная как скатерть степь да степь... Анна Васильевна ей подсказала: подходи поближе к елке, секрет и откроешь... Генриэтта так и сделала, и поняла: елка соткана из ветвей арчи, которой так много в местных сопках... Вот какая придумщица была Тимирева - Книппер!

Я посоветовал Генриэтте Моисеевне взяться за написание мемуаров о Карлаге. Она махнула рукой:

- Где там мне! Да и душа не лежит к прозе. Иное дело – стихи.

Прошло несколько лет после той памятной встречи, давно не стало Генриэтты Моисеевны. Как-то захожу в Карагандинский областной музей изобразительного искусства, и Тамара Александровна Угланова, тогда главный хранитель, передает мне книгу стихов бывшей заключенной Карлага Генриэтты Моисеевны Фикс. Оказывается, накануне своей кончины она оставила в музее этот сборник для меня.

- Передайте ему спасибо за добрые слова о моих стихах, - сказала она Тамаре Александровне.

Я листаю самиздатовский сборник, и вспоминаю встречу с Генриэттой Моисеевной в сквере у ЦУМа, и подаренные ею желтые мимозы. Они долго стояли на моем письменном столе в вазочке для цветов, напоминая об удивительной судьбе Генриэтты Моисеевны Фикс, настоящей поэтессы прошлого столетия.

Глава вторая

Любовь декабристки

Она была высокой морали женщина. Когда ее мужа, потомка князя - декабриста Андрея Владимировича Трубецкого отправили в Степлаг (Джезказган) на медные рудники на 25 лет за то, что побывал в годы Великой Отечественной войны в фашистском плену, она не подала на развод с ним, не стала сотрудничать с НКВД, хотя ей это предлагали много раз. Она гордилась тем, что вышла замуж за князя, она сама была княгиней из рода Голицыных, и не позволительно ей было падать духом и становиться на колени перед сталинскими ублюдками.

Когда Елена Владимировна Голицына была еще двенадцатилетней девочкой, она впервые услышала от матери о восстании дворян на Сенатской площади в 1825 году. Был среди них и князь Трубецкой. Его за измену царю приговорили к вечной каторге в Сибири. И его жена Екатерина Ивановна Трубецкая первой из жен декабристов отправилась вслед за каторжанином – мужем в Сибирь, чтобы «во глубине сибирских руд он хранил гордое терпенье»... Позже Елена Владимировна прочтет немало литературы о подвиге жен декабристов. Особенно по душе ей придется образ Екатерины Трубецкой, которая несмотря на трудности, нищету и голод будет нести свою любовь к мужу, «пока смерть не разлучит нас»... Шесть тысяч верст пройдет она по мерзлой земле Сибири вместе с уголовными преступниками, прежде чем увидит своего сердечного друга в Благодатском руднике на добыче свинца. Очевидцы писали, что когда Трубецкая сквозь щель тюремного забора увидела мужа в кандалах, в оборванном и грязном тулупе, худого, бледного, последние силы покинули ее, и она упала в обморок. Но, придя в себя, Екатерина воскликнула:

-Любовь моя, жизнь моя, отныне мы вместе и навсегда!

Она осталась жить в поселке рудника только ради того, чтобы видеть своего возлюбленного, чтобы поддерживать его. Долгие годы она ела только черный хлеб, запивая его квасом. Ходила она в истрепанных башмаках и отморозила себе ноги... Свои теплые башмаки она переделала в шапку для товарища мужа, чтобы защитить его голову от падающих обломков породы.

Елена Владимировна Голицына – Трубецкая очень хотела быть похожей на героиню некрасовской поэмы «Русские женщины». И она в первый же год пребывания Андрея Трубецкого на

джекказганских рудниках отправляется в казахстанскую степь, чтобы найти его обитель и обнять своего любимого. То, что увидела она, ее потрясло до глубин души. Жарища стояла невероятная, когда она приехала в поселок Рудник, песок из Бетпакдалы слепил глаза, забивал рот и скрежетал на зубах... А вокруг — низкие мазанки. Они спрятались за сопками, тут летал пух, вокруг грязь, пыль... Этот район городка называли «Шанхай». И там ей сказали, что ее муж, видимо, занят на карьере шахты 47 — бис, долбит руду... Она сразу бросилась туда. Сам А.В. Трубецкой позже в своей книге « Пути неисповедимы (воспоминания: 1939 — 1955 годы)», изданной в Москве в 1997 году, об этом расскажет так:

«Была уже вторая половина рабочего дня. Мы сидели на дне котлована, опустившегося почти на метр, и лениво переговаривались, ожидая съема. Ко мне подошел и присел рядом тот самый бандеровец, когорый раньше работал поваром в лазаретной кухне. «Андрей, слушай, это не твоя жена там приехала? Вроде, похожа, как на карточке показывал». — «Где?!» — «А вон, у вахты».

Я вскочил сам не свой и быстро пошел между штабелями камней к проволоке. Меня как молнией ударило! Да, это была моя Елена. Она стояла недалеко от проволоки в стороне от вахты, увидела меня, приветливо махнула рукой, заулыбалась. Я прислонился к штабелю и мог только улыбаться, а она поднесла руку к лицу и поцеловала кольцо. Это движение сделал и я. В голове все смешалось, и мы молча стояли друг против друга. Потом Елена сказала: «Я добыюсь свидания», — и отошла к вахте.»

Конечно, Андрей Трубецкой понимал, что никакого свидания с Еленой ему не дадут, ибо порядки в лагере были прямо — таки фашистские, к тому же, он за скверное поведение был отправлен в режимную бригаду.

Так оно и случилось, — не разрешили свидания. Но уже на второй день Елена опять появилась у колючей проволоки близ карьера. А.В. Трубецкой писал:

«Я увидел ее, бодро спускавшуюся с переезда с рюкзаком за плечами, маленькую, стройную, всю какую-то собранную, и побежал навстречу. Потом весь карьер я шел рядом с ней только через проволоку. Она улыбалась этой неожиданности и тыкала пальцем в рюкзак, говоря: «Это тебе». Потом зашла на вахту — маленький домик у ворот карьера с неоштукатуренными стенами и окошечком в нашу сторону. Скоро она вышла вместе с началь-

ником конвоя, сержантом, и я слышал, как упрашивала его разрешить нам свидеться, передать передачу. Сержант, чувствовалось, колебался. Это был новый, не вчерашний конвой, а надзиратель в этот момент почему-то отсутствовал. На мое несчастье подъехал грузовик с солдатами и офицером. Они приехали за углем, который был сгружен на карьере. Сержант, видно, побоялся офицера и разрешил Елене только поговорить, да и то немного, через окошко вахты. Разговор был очень короткий и бессвязный: она мне о хлопотах для свидания, о передаче, я ей — свидания не дадут, но попробуй через начальника лагеря полковника Чечева, а так — уезжай. Да всякие возгласы: как ты, как дома, что братья?»

Ей удалось передать ему рюкзак. Оказалось, это рюкзак его фронтовой, партизанский, с ним он не раз ходил в бой с фашистами в Августовских лесах, с ним вернулся домой в Москву. В рюкзаке лежали новенькая фуфайка, которая спасала его позже в сорокаградусные морозы на работах в карьере, сало и, что восхитило, несколько пар огромных очков — консервов, защищающих глаза в карьере от каменных брызг при ударе ломом руды.

Все это пригодилось Андрею Трубецкому и его товарищам — узникам. Рассказывая о своей дружбе в Степлаге с Андреем Трубецким, поэт Юрий Грунин в своей книге «Спина земли», подаренной мне автором в 2006 году, писал, что тот подарил ему очки — «консервы», предохраняющие глаза от осколков камней, которые долбили заключенные. «Откуда добыл их Андрей для себя и для меня, я не знаю», — добавил Грунин.

А ведь это все дело волшебных рук Елены Трубецкой, жены Андрея! Нашел в рюкзаке Андрей и записку от нее, всего три слова: «Люблю, люблю, люблю!»

Начальник лагеря, полковник Чечев не разрешил Елене свидания с Андреем. «Ты что — декабристка, — крикнул он ей. — А мы что, — мягкотелые царские офицеры... Чтoб духу твоего не было в окрестностях лагеря, иначе попадешь в Алжир как жена изменника Родины!»

Получается, царь был гуманнее Сталина. Он разрешал женам свидания с мужьями — декабристами, разрешал им даже жить рядом с ними в одном поселке. Елена тоже просила разрешить ей поселиться в «Шанхас» рядом с лагерем — ей в ответ язвительное: «декабристка».

Елена вынуждена была покинуть Рудник. Но, находясь вдали от казахстанских рудников, она постоянно добивалась в Мо-

ске досрочного освобождения мужа, дошла даже до президента Академии наук СССР А.Н. Несмеянова, уговорила его отправить письмо Генеральному прокурору СССР Р.А. Руденко с просьбой пересмотреть дело А. Трубецкого.

И оно было пересмотрено! В январе 1955 года Андрей Трубецкой был освобожден, возвращен в Москву. Вот что может любовь! По совету Елены он восстанавливается в МГУ, получает высшее образование, затем защищает кандидатскую и докторскую диссертации. Преуспела в творческом плане и его жена. Став архитектором, Елена Владимировна Трубецкая – Голицына многое сделала для сохранения древних памятников архитектуры в Москве. По ее проекту на средства семьи Трубецких была восстановлена Никольская церковь в селе Озерецком Сергиево – Посадского района. Эту церковь до сих пор считают памятником любви двух сердец – «декабристки» Елены и великомученика Андрея.

Глава третья Лихолетия кино

Ванду Сигизмундовну Росоловскую и Любовь Васильевну Бабицкую сдружила в Карлаге любовь к кино. Арестованные и осужденные в знаменитом на репрессии 1938-м к пяти годам лагерей как социально опасные элементы, они честно и добросовестно отбыли свой срок на разных тяжелых работах в степи. Но в 1943 на свободу не были отпущены: шла Великая Отечественная война. Их оставили в системе Карлага как вольнонаемных сотрудниц. Ванду Сигизмундовну определили как специалиста по кино в культурно-воспитательный отдел управления Карлагом, а Любовь Васильевну Бабицкую – ведущим киномехаником лагеря.

Утвердив бывших зэков в этих должностях, начальник Карлага Чичев сказал:

- Товарищ Сталин назвал кино самым могучим оружием партии. И мы должны пользоваться этим оружием умно и умело, чтобы перевоспитывать заключенных – врагов народа.

И тут Чичев наклонился в сторону Ванды Росоловской:

- Вам-то это особенно понятно, вы ведь были киноведом, критиком...

Да, В.С. Росоловская была квалифицированным киноведом в 30-е годы, работая в научно-исследовательском секторе ВГИКа (института кинематографии). Она занималась проблемами истории создания кино в России, и написала довольно емкую монографию «Русская кинематография в 1917 году». Она пашла в архиве Музея Революции СССР ряд бесценных документальных киносъемок периода Февральской и Октябрьской революций, первых лет власти Советов. Это были съемки В.И. Ленина, И.В. Сталина, Я.М. Свердлова, Ф.Э Дзержинского, М.Ф. Фрунзе, В.И. Чапаева, о чем сообщалось в газете «Кино». Наконец, в 1937 году Ваида написала предисловие к книге мемуаров А.А. Хапжанкова «Первые годы русской кинематографии», выпущенной в издательстве «Искусство».

В Москве она была довольно известным человеком, ее знали и любили многие киноведы, режиссеры, сценаристы, актеры. Она читала во ВГИКе лекции по истории советского кино, и радовалась, что этот вид искусства подхватывает новое поколение моло-

дых, вдумчиво и сердечно осваивая профессии сценаристов, актеров, режиссеров.

В 1938 году, несмотря на многочисленные ночные репрессии, культурная жизнь столицы шумела и бурлила. Казалось, все было «впервые», всюду мы были первыми... Достаточно вспомнить, что в Москве началось строительство телевизионного Центра, вышли первые цветные фильмы, были возведены десятки новых кинотеатров, в том числе «Родина»... Сельская киносеть была вдоволь насыщена звуковыми узкоплечными киноаппаратами...

По совету старших преподавателей Ванда стала вести дневники. В них она отмечала интересные события тех лет в кинематографии. Она с удовольствием перечитывала свои строки: «В Московском доме кино состоялся просмотр фильма М.С. Донского «Детство Горького». Комитет по делам кинематографии издал приказ о запуске в просмотр фильма С.М. Эйзенштейна «Александр Невский». Получили солидные премии съемочные группы фильмов «Если завтра война», «Папанинцы». С успехом прошел в Москве творческий вечер киноактера М.И. Жарова. На экраны вышел фильм И. Никитченко и В. Нововежина «Руслан и Людмила». Под аплодисменты зрителей прошел документальный фильм В.С. Геймана «Памяти великого летчика В.П. Чкалова». ВГИК впервые выпустил 40 сценаристов кино... Депутатами Верховного Совета избраны кинематографисты Н.К. Черкасов, С.С. Дупельский, И.О. Дунаевский, В.И. Лебедев-Кумач и другие. М.А. Шолохов завершил работу над сценарием «Поднятая целина».

С восторгом Ванда писала о том, что за рубежом успешно проходят показы фильмов В.П. Вайнштока «Дети капитана Гранта», А.Л. Птушко «Золотой ключик», А.Н. Рау «По щучьему велению». Всего на экраны было выпущено около 40 полнометражных художественных фильмов. По данным «Союзинтеркино», только в августе 1938 года в США было показано более 30 советских фильмов, во Франции – 21, в Чехословакии – 22, в Дании и Норвегии – по 13, в Швеции – 12, в Англии и Болгарии – по 5, в Афганистане – 3. Это был триумф советской кинематографии!

В то же время записи в дневнике Ванды пестрили словами «арестован», «расстрелян», «осужден как враг народа». Десятки записей касались высказываний зарубежной прессы о советском кино. Так, газета «Содружество» (Выборг) в июне 1938 года печатала: «Как далеко оставило бы за собой европейскую продукцию

(не говоря об американской) русское киноискусство, если бы оно было свободным от социальных заказов Кремля».

С печалью Ванда записала, что в ноябре 1938 года незаконно была арестована ее ближайшая подруга, актриса, балерина Ида (дорогая Итта) Пензо. На полях дневника пестрели пометки ее рукой: «Верните ей свободу! Итта ни в чем не виновата!». Действительно, никакой вины Иды не было доказано, одна у нее беда: мужа – «враги народа».

Ида была очень талантливой киноактрисой. Еще в 1927 году на экраны СССР вышел художественный фильм Александра Довженко «Сумка дипкурьера», посвященный Теодору Нетте. Да, да, тому самому, о ком Владимир Маяковский написал стихи «Товарищу Нетте – пароходу и человеку». Основой фильма послужило убийство за границей советского дипкурьера. В этой картине Ида сыграла роль балерины. Ее игра была такой великолепной, что на нее сразу обратил внимание Александр Довженко. Он влюбился по уши в Иду и у них был роман. К сожалению, Саша уже был женат, любовь к Иде у него как неожиданно пришла, так и ушла. А в актрису влюбился известный кинооператор Владимир Нильсен, он-то и предложил ей руку и сердце. И только счастье постучало в двери их квартиры в Москве – Володю арестовали как врага народа и в 1938 году расстреляли. И сразу же на Лубянку бросили Иду. Ей предложили стать осведомителем. Однако она отказалась.

Так Ида впервые попала в концлагерь как жена врага народа. Накануне войны ее освободили, на фронте она создала театральный ансамбль, который выступал в часы затишья перед бойцами.

Ида Пензо вторично вышла замуж. На этот раз ее избранником стал главный конструктор Московского автозавода имени Сталина Борис Михайлович Фиттерман. Его арестовали как шпиона Америки... Иду вторично отправили в лагерь как ЧСИР.

Но есть Бог! В 1955 году их реабилитировали. Борис Михайлович не сломался в лагерях Речлага. После отсидки он стал доктором технических наук, был дважды лауреатом Госпремии СССР, его наградили орденом Ленина, Трудового Красного Знамени. Он написал книжку мемуаров «Театр ужасов», в которой тепло и сердечно отозвался о своей Иде.

Ванда после освобождения из Карлага много раз бывала у них в гостях на Плющихе, и радовалась их покою и взаимной любви.

Но это еще будет... А тогда в лихолетнем 1938 году в днев-

ник Ванды попадали многие известные ей люди, ставшие жертвами сталинских репрессий. С некоторыми из них она встретится в Карлаге... Так, в Алжир отправили арестованную в марте 1938 года киноактрису Рахиль Михайловну Мессерер-Плисецкую – мать будущей знаменитой балерины Майи Плисецкой. Там же будет отбывать свой срок арестованная в августе 1938 года как член семьи изменника родины сотрудница управления кинематографии Ксения Семеновна Кладовикова. 18 октября она прибыла в Алжир Карлага, работала на строительстве бараков, швейной фабрики.

В Бурме Ванда встретится в клубе во время демонстрации фильма «Мы – из Кронштадта» с Анной Лацис. Ее звали подружки просто: Ася. Она – блистательный театровед, работала в «Советкино». В 1938 году ее приговорили за контрреволюционную деятельность к 10 годам лагерей. После освобождения она долгое время трудилась главным режиссером Валмиерского театра.

В дневнике Ванды были записи об арестах многих деятелей кино и театра, пострадавших в 1938 году. Вот их имена: студентка школы-студии киноактера при киностудии «Мосфильм» Ксения Кузьмина, актриса киностудии «Беларусь» Галина Антонова Егорова (впоследствии расстреляна), военрук ВГИКа Михаил Гозьдзевский (расстрелян), критик-востоковед Моисей Рафес (умер в тюрьме), монтажница «Мосфильма» Лидия Болгуцкая - Блюхер (расстреляна), писатель, журналист, критик Михаил Ефимович Кольцов (Фридлянд), создатель первого советского киножурнала «Кино-Неделя» (расстрелян), актер Георгий Жженов (отправлен на Колыму)... Дошла очередь и до самой Ванды Росоловской. Как раз ее дневники и послужили причиной для ареста. Энкэвдэшники долго рылись в ящиках ее стола, гардеробе, но взяли только их, - синие тетради в клеточку. И на первом же допросе следователь строго спросил:

- Что это у вас за заметки об арестованных коллегах? Для чего они? Романы о врагах народа писать? Или зачем зарубежная печать о советском кино и довольно неместно? Для чего?

- Обычная хроника наших дней, - отвечала смело Ванда. – В ней нет лжи, все правда...

- Что-то ваша правда тенденциозна, все в сторону защиты умерших и расстрелянных врагов народа... Вот о том, что лучшие кинематографисты страны Тарханов, Леонидов, Степанова, Грибов награждены орденами Ленина, Трудового Красного

Знамени у вас нет, а о срыве строительства новых кинотеатров в СССР чересчур много... Расстрельный список в дневнике великоват, через страницу – арестован, расстрелян... У нас в СССР это не напечатают, значит, за рубеж нацелилась дневник продать.

И как обухом:

- Мы вам не доверяем... Можете себя тоже в расстрельный список внести...

Что делать? К кому обратиться за помощью? Может, к Ворошилову? Был ведь случай, когда Климент Ефремович защитил актера театра и кино Дмитрия Дорлиака от ареста на Дальнем Востоке и даже послал за ним специальный самолет для доставки в Москву. А, может, коллеги освободят? Актер Николай Вальяно был включен в «расстрельный список», но за него заступилась актриса Е.П. Корчагина-Александровская, и его освободили. Тоже самое произошло с ученым, изобретателем в области кинотехники Евсеем Михайловичем Голдиевским. Его обвинили в намерении отравить членов Политбюро парами ртути в просмотровом кинозале Кремля. Однако он отверг все эти измышления следователей. Его супруга М. Голдиевская обратилась с письмом к Сталину о ничемных обвинениях. И в конце концов Евгений Михайлович был освобожден, правда, уже без единого зуба и с бессонницей на всю жизнь. Он боялся открывать двери своей квартиры и как только раздавался стук, кричал: «Я не виноват! Дверь не открою!»

Ванда тоже написала письмо вождю. И хотя ответа не получила, ее в расстрельный список не внесли. Отбывая срок в Карлаге, она показала себя добросовестным работником и на рытье каналов, и на пастьбе овец... Но больше всего она сделала для Карлага, работая в культурно - воспитательном отделе управления. До 1943 года в лагерных отделениях по сути не использовались стационарные и передвижные киноустановки, да и было их – с гулькин нос. Благодаря стараниям Ванды и ее подруги Любови Бабицкой уже к 1945 году в Карлаге было смонтировано 26 киноустановок, которые за год демонстрировали в среднем от 1300 до 2500 киносеансов. Москва привыкла к многочисленным заявкам Ванды Росоловской на новые фильмы и охотно откликались на них. В 76 клубах, красных уголках, а то и прямо в столовых Карлага постоянно демонстрировались такие фильмы как «Петр Первый», «Ленин в Октябре», «Волочаевские дни», «Депутат Балтики», «Богатая невеста», «Веселые ребята»... Кстати,

Любовь Бабицкая была ассистентом режиссера на съемках этого фильма, и заключенные всегда с интересом слушали ее рассказы о Леониде Утесове, Любви Орловой, Александрове... Кажется, это было недавно, а ведь это было так давно... Специально для заключенных-шахтеров Ванда как-то «выбила» документальный фильм «Горняки», посвященный великому трудовому подвигу Алексея Стаханова, а затем организовала его обсуждение в библиотеках.

...Ванда порой встречалась с Любовью Бабицкой у фонтана в сквере близ здания управления в Долинке. Они усаживались на скамейке, и при дуновении ветра тысячи свежих капель струй фонтана освежали их лица. Они ждали весенней оттепели, и дождались-таки больших перемен после Великой Победы. Они приехали в Москву поездом на рассвете под звуки маршей, надеясь, что их больше не тронут, что они по голову уйдут в проблемы развития советского кино... Так оно и произошло. Пройдя кошмары ужасов сталинских лагерей, подруги сохранили себя для спокойного труда и новых фильмов. В 1956 году они были реабилитированы, и пламя новой жизни охватило их жизнелюбивые души.

Глава четвертая Правда Фибиха

Корреспондент фронтовой газеты Даниил Владимирович Фибих хотел писать правду и только правду. Василий Гроссман ему сказал:

- Ты что с ума сошел! Военная газета – это агитка, а не литература. Тут все надо писать так, чтобы других учить, как стоит жить, каким быть на фронте, подвиги как совершать... Своего Матросова ищи и не ошибешься!

Но «своего Матросова» искать Даниил Владимирович не захотел. Он видел совсем другое на фронте, чем писали в газетах, а выдумывать ему сплошь героические подвиги и будни, чтобы отличиться, не хотелось.

- Ну, тогда делай записи для будущих книг, и молчи, - посоветовал ему Гроссман. – Придет время – напишешь, как тебе душа диктует.

Так появились фронтовые дневники Даниила Фибиха. Он писал их впрок, и никто из коллег не мешал ему ни в землянках, ни в деревянных домах, общежитиях, ибо все думали, что он «строит» в газету. И все же нашелся «некто», кто наступал в штаб, что Фибих делает такие записи в дневниках, в которых порочит фронтовую действительность и советских солдат-героев великой битвы. И вот уже Фибиха вызывают в штаб, к самому генерал-лейтенанту Мехлису. Он едет туда несведомленный, так как ему никто не говорит, зачем вызывают. В дороге он фантазирует, что ему будут вручать награду... Ведь он не раз и не два вместе с солдатами поднимался в бой с наганом в руке, освобождая сожженные фашистами села и поселки, станции и города... Он одним из первых ворвался в подмосковный Клин и был поражен зверством фашистов. Почти все дома были разрушены, сожжены. Даже Дом-музей Петра Ильича Чайковского пострадал от варварского нашествия и присутствия фашистов – ворота повреждены въезжавшим сюда немецким танком, пристройки сожжены, экспонаты разворованы. Бюст Чайковского разбили, отколотив ему нос и уши.

При том, при этом в некоторых селениях Фибих встречал людей, враждебно настроенных к Красной Армии. Крестьяне отказывались пускать к себе голодных, промерзших командиров и бойцов, предлагали им сдаваться в плен к немцам: «Там вас на-

кормят». Одному политработнику крестьянин сказал: «Отдай мне свои часы, получишь хлеб». Политработник, умирающий от голода, снял с руки свои часы и отдал. Крестьянин вынес ему небольшую краюшку хлеба.

Так что не все советские люди были патриотами. Да и политработники нередко встречались какие-то «серые, им часто не хватало и военной, и общей культуры». Да какой же это пример для бойцов, какое их воспитание, если офицер-политработник ходит пьяным, матерится, оскорбляет рядовых, грубо пристаёт на виду у всех к девушкам...

С подобными мыслями ехал Даниил Владимирович на встречу со Львом Захаровичем Мехлисом, тогда генерал-лейтенантом, членом Военного Совета фронта. И, наконец, эта встреча состоялась. Вот как описывает ее сам Фибих:

«Поставив чемодан у порога, по всем правилам военной субординации доложил я о своём прибытии.

- Садитесь, - сказал Мехлис, не вставая из-за стола и вглядываясь в меня, словно бы с любопытством.

- Скажите, вы писатель?

- Писатель, товарищ генерал-лейтенант, - ответил я, усевшись за длинный стол.

- Скажите, пожалуйста, как вы относитесь к войне?

Вопрос был неожиданным и более чем странным. Что это означало? Ведь не для того же затребовал меня к себе Бог весть откуда член Военного совета фронта генерал-лейтенант Мехлис, чтобы поинтересоваться моим мнением о войне.

- Кажется, вы всдёте дневник? - последовал новый, ещё более неожиданный вопрос.

- Да, веду. - Я был окончательно озадачен.

Откуда это было известно Мехлису? Никогда я не говорил о своём дневнике окружающим, никому его не показывал. Дневник был глубоко личным, интимным моим делом, которое, право же, никого не касалось.

- Покажите! - приказал Мехлис и утвердил на переносице пенсне без ободков, заранее приготовившись к чтению моего дневника. Теперь член Военного совета фронта совсем стал похож на заслуженного провизора.

Делать нечего, я открыл чемодан, извлёк несколько тетрадей, подал их и опять уселся на место. Мехлис принялся читать.

- Та-ак! Всё понятно! - вдруг проговорил Мехлис зловеще-

удовлетворённым тоном, как будто нашёл наконец именно то, что и хотел найти. И громко для всех собравшихся военных людей прочёл:

- ...Хорошими ораторами у нас были Луначарский, Троцкий и Киров...

- Да как вы смеете ставить рядом с Троцким святое имя Кирова? Знаете, кто убил Кирова? - продолжал Мехлис, повысив голос, и снял пенсне. - Какой же вы подлец!

Всё помутилось и поплыло у меня перед глазами. Никто никогда в жизни не называл меня подлецом, да ещё и публично.

Не знаю, выстрелил бы я в Мехлиса, но рука инстинктивно, сама собой, хватилась за висевшую кобуру.

- Обезоружить его! - поспешил крикнуть, изменившись в лице, Мехлис. Такая реакция на оскорбления, которые он наносил подвластным ему людям, была, вероятно, ему в новинку. Наверное, приближённое лицо привыкло к тому, что офицеры, которых он осыпал ругательствами, стояли перед ним навтыяжку.

Огромный полковник, сидевший напротив меня и следивший за каждым движением, с неожиданным проворством перегнулся животом через стол и мгновенно очень умело выхватил оружие из моей кобуры. И тут я сразу обессилел и сник — будто рухнуло что-то внутри. Озарённый вдруг каким-то мрачным светом, я только теперь понял, что это начало чего-то страшного. Будто сквозь горячий душный туман увидел, как Мехлис, держа пенсне, торжественно поднялся из-за стола во весь рост — все, кто сидел вокруг, тоже поднялись. Лицо его расплывалось передо мной мутным пятном. Откуда-то издали, из какого-то потустороннего мира, донёсся театрально-напыщенный голос:

- Передаю вас карающему мечу революции!»

Из штаба Даниил Фибих попал прямо в Лефортово, затем в Бутырку. Следователи, проштудировав его дневники, в чем только военкора не обвиняли. Они цитировали его строки и комментировали их.

Первый говорил: «Вот вы пишете о поездке к партизанам. И даёте такой текст: «Партизаны, пожалуй, - более заманчивая тема, нежели жизнь действующей армии». Зачем вы оскорбляете армию?»

Второй спрашивал: «Вы пишете: «Партработники не дают читать немецкие листовки, сразу вырывают из рук. А вдруг писатель начнет разлагаться»... Это зачем издеваться над партработниками?»

Третий следователь ухватился за место в дневнике, где Фибих критикует новую неудобную для носки форму советских военнослужащих с погонами. И пишет: «Лучше бы у англичан поучились». Следователь комментирует: «Вы не патриот, Фибих. Сам Сталин одевает новую форму!»

Особенно следователи придирались к фразе Фибиха: «Мы хорошо деремся, но воевать не умеем». Последний следователь Коваленко даже вознамеривался его избить. Но Фибих сумел себя защитить, схватив его за оба запястья.

- Все равно тебя расстреляют! – шипел следователь. – Ты же Троцкист, как сказала товарищ Мехлис. Всех твоих товарищей-троцкистов давно расстреляли, очередь за тобой.

Фибих пишет в своей книге «По ту сторону», изданной в Москве в 2010 году:

«Да, среди безвременно погибших, большей частью забытых ныне писателей и поэтов немало было моих знакомых: Борис Пильняк, Артём Весёлый, Иван Касаткин, Сергей Буданцев, Сергей Клычков, Пётр Орешкин, Николай Зарудин, Иван Катаев, Борис Губер. Давид Бергельсон. Перечисляю лишь тех, кого знал лично, тех, у кого — у многих из них — бывал. Написанные ими книги, как положено, были изъяты из библиотек и сожжены в особом крематории».

- Скоро попадут в крематорий и все твои книги, - пообещал следователь и тут же спросил. - А как твой дружок Василий Гроссман, тоже такие дневники пишет?

Следователь хотел во что бы то ни стало получить «компромат» на Гроссмана, чтобы, объединив его с Фибихом, обвинить их в создании троцкистской контрреволюционной группы в армии. Но Фибих сразу сказал:

- Не троньте Гроссмана. Он прекрасный спецкор газеты «Красная Звезда», отличный писатель. Его повесть «Народ бес- смертен» - пример того, как надо писать о войне – правдиво и в то же время воспевая силу духа нашего народа...

Следователь отступил. И все же Фибиху дали 10 лет за пропаганду контрреволюционной литературы.

Свой срок Даниил Владимирович Фибих отбывал в Карлаге в Бурье. В книге «По ту сторону» он расскажет о дружбе в лагере с любовницей адмирала Колчака, поэтессой Анной Тимиревой-Книппер и киноактрисой Мариеттой Капнист. Эту дружбу он продолжит с ними в Москве после освобождения из Карлага. Именно они познакомят его с вдовой писателя Ильи Кирилловича Са-

фонова Людмилей Николаевной. Однажды Даниил Владимирович попросит ее спрятать у себя на квартире на Плющихе рукопись его новой книги «По ту сторону», в которой он повествует всю горькую правду о Карлаге.

- Чего ты боишься? – спросила Людмила Николаевна.

- Боюсь, что снова получу десятку за правду, - ответил Даниил Владимирович. – Ведь нам до настоящей демократии еще далеко.

Это было в 1970 году, незадолго до ухода из жизни Фибиха. Более 30 лет пролежала папка с его рукописью на квартире Сафоновой, прежде чем быть изданной. Ее не нашли даже во время обыска в 1983 году работники КГБ. Она хранилась в ящике с детскими книгами, а детскую литературу чекисты не трогали.

В 2000 году Людмила Николаевна передала книгу Фибиха «По ту сторону» его внучке Марии Дремач, и та издала ее. Я с большим интересом прочитал мемуары Фибиха о лагерной жизни в нашем крае, вначале в Бурме, а затем в Карабасе. Подробно и правдиво рассказывал он о подневольном труде политических заключенных на полях Бурминского отделения, о том, как они ухаживали за коровами, быками и овцами, добываясь рекордных привесов животных. Они принесли большую культуру в казахские степи, построив в Бурме клуб, поставив в нем первые спектакли, в том числе пьесы Константина Симонова «Русские люди», Александра Корнейчука «Фронт» и другие. Сам Фибих, когда его переведут в Карабас, поставит там во Дворце культуры пьесу «Константин Заслонов» - о руководителе партизанского движения в Белоруссии, Герое Советского Союза...

Издав мемуары своего деда, писателя Даниила Владимировича Фибиха, внучка Мария Дремач восстановит его незаконно забытое имя в памяти современников. К сожалению, многие книги Фибиха, в том числе повести «Святыни», «В снегах Подмосковья», романы «Угар», «Родная земля», были уничтожены по велению чекистов после его отправки в сталинские лагеря, по ту сторону жизни. Нет их в наших библиотеках и по сегодняшний день. А жаль. С их переизданием мы имели бы более полное представление о жизни и творчестве замечательного писателя и человека Даниила Владимировича Фибиха, бывшего узника Карлага.

Глава пятая

Его звезда не погаснет

Каждый раз, когда я приезжаю в Жезказган, мысленно отмечаю, как свято и бережно чтят здесь людей, отдавших много сил становлению нашего карагандинского края: рабочих, ученых, писателей, акынов. Всюду названия улиц напоминают о них.

Выхожу к культурному комплексу «Сарыарка», и передо мной открывается величественный памятник Сакену Сейфуллину. Он был сооружен к 100-летию со дня рождения известного казахского писателя. И это логично - Сакен Сейфуллин много писал о международном крае, первых рудокопах, революционерах Жезказгана. Он погиб в конце февраля 1938 года, став жертвой сталинских репрессий. Долгие годы его имя было предано забвению. Только в 1957 году он был полностью реабилитирован. Но даже после этого всю правду о Сейфуллине не было принято говорить. Тем не менее его имя, словно родник, продолжало жить в народе, было любимо и почитасмо среди простых людей.

За что же его арестовали и расстреляли? В различных архивах Москвы, Астаны сохранились документы о жизни Сакена Сейфуллина, его трагедии в годы сталинизма. Вот что рассказывают некоторые из хранящихся в Центральном государственном архиве литературы и искусства в Москве. Например, выступление Сейфуллина – в прениях по докладу Н.Бухарина – на первом съезде Союза писателей бывшего СССР. Сейфуллин подверг резкой критике тех русских писателей и поэтов, которые, не зная уклада и обычаев казахского народа, однобоко, порой ошибочно пишут о нем. Особенно сильно досталось Всеволоду Иванову и Виктору Шкловскому. Цитирую:

«Всеволод Иванов много пишет из жизни азиатских народностей. Но в его тоне, особенно в тоне его ранних произведений, проступает барское отношение к малым народностям. Он иногда рисует героя малых народностей наивным, а иногда и идиотом. Он иногда даже географии не знает, он не знает, где находится Казахстан и кто такие казахи, он не знает, где находится Киргизстан и кто такие киргизы»...

«... Шкловский, когда проезжал по Турксибу через Казахстан, написал очерки о казахах из окна вагона, причем утверждает, что казахи называют себя киргизами».

И далее:

«Такие примеры в литературе, описывающие жизнь национальностей Советского Союза, к сожалению, встречаются. Все это доказывает, что писатели и поэты, не знающие языка наших национальностей, безответственно пишут об этих национальностях. И эти свои писания преподносят русскому читателю как подлинное, художественное, реалистическое изображение. Мы должны беспощадно бороться против таких искривлений нашей действительности в литературе»...

Сейчас нелегко себе уяснить ту обстановку, в которой находились в сталинские годы литературные таланты. Ведь в той обстановке писатели клялись на верность «вождю» и зачастую сами навешивали друг на друга ярлыки «троцкистов».

Сейфуллин всегда с уважением относился к омскому писателю Феоктисту Березовскому, отправлял ему доверительные письма. Даже признавался ему в том, что почитает его талант: «Только я везде и всюду у наших руководителей рекламировал Вас. Поймите это. Были люди из писательских руководителей, относившиеся к Вам ехидно. Они с некоторым ехидством поговаривали мне: «Твой Березовский!»

В январе 1936 года в Минске проходил очередной пленум Союза писателей. В составе почетного президиума сидел «железный нарком» Ежов. И вот в его присутствии Ф.Березовский, оценивая творчество писателей Казахстана, сказал о Сакене буквально следующее: «... В своей поэме «Красный конь», а также в ряде других произведений Сейфуллин допускал политические ошибки, которые сродни троцкизму».

Что означало в то время сказать такую фразу? Это означало чуть ли ни приговорить своего коллегу к смертной казни. Думал ли об этом Березовский? Сейчас трудно судить об этом. Скорее всего, нет. В письме Сейфуллину от 22 апреля 1936 года он пишет с сожалением о том, что доставил неприятности Сакену своим необдуманном, поспешным высказыванием на пленуме. Но слово – не воробей. Сразу после выступления Березовского за Сейфуллиным была установлена слежка. А 24 сентября 1937 года Сакена арестовали, обвинив его в тяжких связях с троцкистами из Москвы, врагами народа, а также с антисоветской националистической организацией.

Первые десять дней Сакен Сейфуллин не дает никаких признательных показаний, наоборот – он глубоко возмущен тем, что его причисляют к черной орде врагов Советской власти. Следова-

тель И. Серембаев, который допрашивал свободолюбивого писателя, в рапорте от 8 октября 1937 года сообщал: «7 октября 1937 года утром на допросе от обвиняемого Сейфуллина Сакена я требовал правдивых показаний, но он категорически отказался их давать. Когда я назвал его врагом народа, Сейфуллин ругал меня нецензурными словами».

Второй следователь Баймурзин тоже добивался от Сейфуллина признательных показаний. Но Сакен в ответ на этот спрос, как пишет Баймурзин в докладной от 6 октября 1937 года, бросился «избить меня, выхватил стул и пытался ударить».

Вскоре к писателю были применены страшные пытки. Однако он продолжал твердить душегубам:

- Подумайте, какой же я враг народа? Сам Калинин вручил мне орден Трудового Красного Знамени!

Но это не действовало на сталинских стервятников. Тогда Сакен не выдержал – крикнул:

- Вы хоть мои стихи о Ленине читали? А мой роман «Тернистый путь»?

В ответ – только насмешки:

- Тернистый? Это о чем? Твои тернии только начинаются...

Действительно, тернии Сейфуллина не знали границ жестокости, издевательств, надругательств, оскорблений. Замученный до невыносимых болей, он просил у судьбы одного: быстрейшей смерти.

До сих пор в голове у многих читателей никак не укладывается простая мысль: как можно было довести преданного партии писателя – коммуниста Сейфуллина до высшей меры? За что? Еще в 1936 году Сакен первым из казахских писателей был награжден орденом Трудового Красного Знамени, а спустя всего два года он был расстрелян как враг Советской власти. Повторяем: уму непостижимо, никак необъяснимо ни с точки зрения психологии, ни с точки зрения морали, как мог исповедующий марксизм – ленинизм, провозглашающий на всех перекрестках идеи коммунизма большевик стать за два года злейшим предателем партии Ленина – Сталина? Первые произведения в казахской советской литературе, посвященные В. И. Ленину, принадлежат золотому перу Сакена Сейфуллина. Первый историко-мемуарный роман о гражданской войне в Казахстане написал Сакен Сейфуллин. Он был для молодой республики и Маяковским, и Фадеевым. Ибо писал кровью своего сердца, а не чернилами, как пи-

шут сегодня скучные до озноба казенные журналисты. Ибо стоял у истоков создания писательской организации Казахстана, надеясь, что в этом суровом краю со временем появится много поэтов хороших и разных. Да только за создание эпопеи «Тернистый путь» местные советские власти должны были лелеять и носить на руках великого Сакена, оберегать его от клеветы и преследований ежовских банд. В свое время враги СССР пытались уничтожить Шолохова, истоптать в грязи его имя и книги, но на его защиту встал даже палач народов Иосиф Сталин, запретив Ежову и Берии разжигать костер инквизиции для уничтожения автора «Тихого Дона». Ибо Иосиф Виссарионович хорошо понимал, как резко падет имидж СССР в глазах цивилизованных стран, если власти загубят талантливейшего и самобытного писателя, по сути второго Льва Толстого. Время показало, что этот поступок вождя был справедливым, как мы знаем, Шолохов стал лауреатом Нобелевской премии. Иностранцы, когда вспоминают советскую Россию, непременно шепчут: «Шо-ло-хоф... Тихий Дон»...

Как же так получилось, что в Казахстане не сохранили талантливого вожака интеллигенции и великолепного писателя, человека с горячим сердцем коммуниста и нежнейшей душой поэта? Да очень просто – в то время Казахстан еще оставался дикой страной с дикими нравами варваров – сталинских чиновников и черносотенцев из НКВД. Все, буквально все, кто вел дело Сейфуллина, были далеки от литературы, искусства, у них грамоты едва хватало, чтобы без ошибок написать фамилию заключенного. Вся процедура следствия сводилась к одному вопросу: «Ты – враг народа?» И если арестованный начинал доказывать обратное, его били до потери сознания. И никто, представьте себе, никто не мог выдержать этих пыток, и в конце концов клеветал на себя, на тех, с кем дружил, кем дорожил. Так случилось и с Сакеном Сейфуллиным. Его довели до такого болезненного состояния, что ему уже весь свет был не мил, он уже ничего не соображал, не мог отличить белое от красного.

Когда его супруга Гульбахрам Батырбекова в конце концов добилась свидания с любимым мужем, то не узнала его. Как мне рассказывал карагандинский писатель Жаик Бектуров, она даже вначале не поняла, кто перед ней. В сумрачной комнатке на стуле тихо стонал ее родной человек, вернее, то, что от него осталось. «Серое лицо, щеки ввалились, нижняя челюсть обтянута иссохшей кожей, выдавалась вперед, угасший, отрешенный взгляд

устремлен в пол... И это – мой Сакен... Что же они с ним сделали, если его черные волосы побелели?»- такими словами обрисовала вдова Жайку Бектурову картину последней встречи с Сакеном.

Не удивительно, что вскоре писатель дал «признательные показания». Они хранятся сегодня в Астане в музее Сакена Сейфуллина. Главный хранитель музея Батеш Рахметжановна Акпасова ознакомила меня с рядом документов тех мрачных лет. Вот хотя бы этот документ:

«Заместителю начальника НКВД КазССР, майору госбезопасности Володзько

Заявление

Я решил искренне рассказать перед советской пролетарской властью. Настоящим заявляю, что, оказавшись с 1934 года под влиянием Нурмакова, был вовлечен им в антисоветскую националистическую организацию. Подробные правдивые показания о своей антисоветской деятельности, а также об антисоветской других... дам на допросе.

*Сейфуллин.
1937 год»*

Но на допросе Сакен, несмотря на сильные издевательства над ним чекистов, по-прежнему отрешенно молчал. Ему выбили два зуба, однако он так и не вымолвил ни слова. И тогда энкавэдэшники решили «нарисовать сами» показания Сейфуллина. Зная о его творческой дружбе с советской писательницей Галиной Серебряковой, они превратили эту дружбу в преступную связь Московского антисоветского центра троцкистов с казахскими буржуазными националистами. И якобы Галина Иосифовна была связной в деле контрреволюционного заговора, свержения советской власти. В этот заговор входили также Тюрекулов, Нурмаков, Джансугуров, Майлин, Муканов и другие. Они бывали в гостях у Нурмакова на даче под Москвой, и там он заявил всем: «Надо дискредитировать советскую власть и пропагандировать националистические идеи».

Чего только ни выдумали от имени Сакена сталинские псы! Фантазировали до бесконечности, ведь сам Ежов требовал расстрела Сейфуллина, держал под особым контролем дело писателя. Он не поладил с Сакеном, когда работал в Казахстане секретарем Семипалатинского губкома. Как-то Сейфуллин приехал туда в командировку из Оренбурга. Ежов спросил его с ехидцей:

- Почему это ваши казахи такие жалобщики? Чуть что – строчат один на другого.

Сейфуллин ответил:

- Наши казахи так долго жили в нищете и унижении, что им больше ничего не оставалось, как писать жалобы на своих угнетателей... А те сталкивали темных людей либами, и они писали доносы друг на друга.

Ответ Сейфуллина явно не понравился Ежову, как не понравились ему и его гордо поднятая голова, независимые суждения, манера держаться с достоинством. На Сейфуллина поступали жалобы в партийные органы, как правило, анонимные, и всякий раз при проверке оказывалось, что их писали люди, настроенные против Советской власти. И арест Сейфуллина всякий раз откладывали, но, ясное дело, до поры-до времени.

Березовский помог Ежову ускорить дело, когда с трибуны съезда уличил Сакена в троцкизме. Нарком сразу взял на заметку высказывание омского краеведа. И потребовал от собратьев – краснопогонных соколов в Казахстане собирать жарфакты на Сейфуллина.

Конечно, Сакена мог бы защитить от ежовых рукавиц первый секретарь ЦК КП Казахстана Л. И. Мирзоян, который с большим уважением относился к Сакену Сейфуллину как к государственному деятелю и писателю. Но он сам в то время находился под подозрением НКВД. В 1939 году, как мы знаем, Мирзоян был репрессирован. А тогда? Сейфуллин пришел к нему за защитой и понял, что тот не сможет этого сделать, власть уходит от него к непонятным темным силам. Они обнялись, прощаясь навеки.

Дело Сейфуллина можно назвать самым мерзким и грязным делом Ежова и его пособников. Не зря сам Сталин назвал наркома кровавых арестов и следствий «мерзавцем». Тысячи загубленных жизней на его счету. Среди них – прекрасный поэт и писатель Сакен Сейфуллин, воспевавший родной Казахстан, его историю и природу талантливо и неповторимо.

И еще хочу сказать о том, что такие одаренные люди, как Сакен Сейфуллин, всей своей жизнью, книгами и песнями приближали для нас пору независимости, свободы творчества и вдохновения. И хорошо, что ему в Жезказгане, а чуть позже в Караганде соорудили памятники. Звезда Сакена, судя по всему, никогда не погаснет...

Глава шестая Танго любви

В Долинском музее памяти жертв политических репрессий установлена фотогалерея выдающихся заключенных Карлага. На стенде можно увидеть и снимок жены казахстанского писателя Беимбета Майлина Кульжамал. Она была арестована в 1938 году сразу после расстрела мужа, приговорена к 8 годам содержания в ИТЛ.

Ее направили в Карлаг, она отбывала свой срок на лагерном отделении Батык, где работала чабаном. Ее дочь Разия в годы Великой Отечественной войны трудилась на Карагандинском мясокомбинате, к ней относились все с большим почтением. Когда она шла по территории предприятия, люди говорили друг другу:

- Вон дочь писателя Майлина идет ...

Все казахстанцы в то время хорошо знали имя Майлина как автора сценария фильма «Амангельды». В годы войны в Караганде можно было увидеть афиши, извещавшие о показе этой картины – первого звукового игрового фильма казахского кино. Тогда еще никто не знал, что отец Разии Беимбет Майлин расстрелян, а мать брошена за колючую проволоку Карлага.

Они встретились в степи в местности Купко недалеко от станции Жарык – жена и дочь репрессированного писателя. У костра по вечерам вспоминали Беимбета, его большую любовь к людям, Казахстану. Как можно было сделать Майлина контрреволюционером-националистом, если в своем творчестве он придерживался принципов интернационализма, а его герои всегда исповедовали идеи дружбы народов, взаимопомощи и взаимопонимания? Сам Майлин был воплощением братского интернационализма, не раз говорил родным, что «с русскими ребятами дружить надо, быстрее на ноги республику поставим ...»

Почти месяц Разия жила вместе с осужденными женщинами, помогала им пасти овец. Мать рассказала ей о таком случае. Однажды, испугавшись волков, ее отара загерялась где-то в степи. Сколько ни искала овец Кульжамал, не смогла найти. А тут, как на зло, разыгралась метель... В поисках овец Кульжамал забрела в контору совхоза имени Кирова. Директор хозяйства, узнав, что Кульжамал – жена писателя Беимбета Майлина, сразу организовал бригаду поисковиков, чтобы разыскать пропавших овец. А Кульжамал он сказал:

- Нечего тебе киснуть! Если не найдем отару, тебя в обиду не дадим. Соберем с каждого дома по барану, восстановим твоё стадо ...

Тогда энкавэдэшники зверски расправлялись с заключенными за каждую пропавшую овцу. Был даже случай, когда на откормочной площадке, не досчитав необходимых баранов, лейтенант НКВД застрелил на месте двух заключенных-скотоводов, ухаживающих за животными. И ему начальство объявило благодарность!

К счастью, джигиты аула, оседлав лошадей, вскоре нашли в заснеженной степи жмушихся друг к другу овец, вернули их Майлиной.

Из лагеря Кульжамал освободили в 1945 году. Она долгое время жила в Караганде в глинобитной хибарке с одним окном. С ней обрели сыновья Мереке, Едил, дочь Гульсим - сестра Разни ...

Чтобы заработать на жизнь, Кульжамал стирала одежду шахтерам, мыла полы в административных зданиях угольных предприятий. Вскоре ее реабилитировали, вернули квартиру в Алма-Ате. Ее пригласил в гости Мухтар Ауэзов, угощал чаем, расспрашивал о жизни в Карлаге. Кульжамал пожаловалась, что ее дочь Гульсим, имея золотую медаль, никак не может поступить в институт. Ее всюду продолжают считать дочерью «врага народа» и не принимают. Мухтар Ауэзов заступился за девушку, имя которой дал в свое время на большом тое Сакен Сейфуллин. И вскоре ее зачислили в мединститут. Училась она только на отлично, получила красный диплом.

После окончания вуза Гульсим или, как ее еще называли, Галя работала в первой горбольнице в Алма-Ате. У нее была хорошая надежная семья, двое детей – дочь Шуга и сын Арман. Своего внука она назвала Беимбетом в честь отца.

К сожалению, о самом Майлине написано очень мало. Между тем, это был очень интересный человек, немного мечтательный и романтичный, требовательный к себе, к своему творчеству. В 1985 году главный редактор республиканской газеты «Казахстанская правда» Альберт Александрович Устинов подарил мне свою книгу «Точка опоры». В ней я нашел несколько эпизодов о дружбе Б. Майлина с М. Каратаевым и С. Сейфуллиным. Встретившись в Ленинграде после первого съезда советских писателей, трое друзей разговорились о судьбе казахской литературы. Майлин под впечатлением доклада Максима Горького с восторгом го-

ворил о будущем литературы Казахстана как о продвижении вперед великого кочевья, у которого не будет жатаков (бедняков).

- Хочешь сказать, что малых литератур не будет? – спросил полусушутя Сакен.

Майлин уверенно ответил:

- Малые литературы по количеству писателей и произведений, конечно, будут, но отсталых не должно быть.

Ну, как же ни назвать Майлина после этого его высказывания романтиком? К счастью, он сам никогда не ходил в отсталых. И кроме сценария кинокартины «Амангельды» написал пьесы «Фронт», «Наши джигиты», повести «Памятник Шуги», «Коммунистка Раушан», роман «Азамат Азаматович», цикл стихов «Мыркымбай» и другие. Он живо откликался на злобу дня и, будучи заведующим отделом редакции республиканской газеты «Социалистик Казахстан», постоянно посещал шахты Карагандинского угольного бассейна. Его очерк «Караганда» о новом социалистическом городе, его людях был издан в сборнике «Шаги великана» (1934 год).

Майлин первым среди казахских прозаиков написал в 1929 году повесть о росте самосознания женщин-казашек после установления Советской власти в Казахстане, их раскрепощении и утверждении равноправия, равенства с мужчинами. В те годы большая часть женщин-казашек все еще была привязана к казану, никогда не переступала порог своей юрты, не участвовала в общественной жизни. Героиня повести Майлина Раушан тянется к знаниям, новому образу жизни, она решила доказать, что женщины-казашки умеют работать и думать не хуже мужчин.

В повести «Коммунистка Раушан» Беимбет Майлин показал себя не только мастером слова, но и отличным психологом.

Беречь бы и беречь такого талантливоего литератора и редактора. Однако его в 1937 году арестовывают вместе с поэтом Ильясом Джансугуровым как пособника и ближайшего соратника националиста – контрреволюционера Сакена Сейфуллина, долго держат в алма-атинской тюрьме, добываясь зверскими пытками признаний в заговоре против Советской власти, против Сталина, в антисоветской пропаганде и агитации.

Тюремный врач Русина, обслуживавшая узников НКВД С. Сейфуллина, Б. Майлина, И. Джансугурова писала в июне 1955 года в комиссию КГБ Казахской ССР по вопросам реабилитации: «Я неоднократно оказывала медицинскую помощь арестованным, возвращавшимся с допроса следователей. У некоторых

подследственных обнаруживались явные следы побоев – синяки, ссадины, а некоторые получали медицинскую помощь в связи с резким нервным расстройством».

Майлина, как и его друзей, довольно часто избивал помощник оперуполномоченного Александр Зернов по кличке «Сашка-колун». Был он крепкого телосложения, хорошо владел приемами профессионального бокса. Одним ударом он сбивал с ног заключенного, затем поднимал его и лупил по лицу, как по боксерской груше, до тех пор, пока тот не «расколется», то есть пока не даст согласия подписать надуманные чекистами показания. Так возникло и дело Майлина о том, что он является членом так называемой «сейфуллинской» националистической группировки, ее идеологом и пропагандистом.

«Контра, враг, антисоветчик», - к этим словам Майлин привык и уже не опровергал их, как в первые дни ареста. Когда Кульжамал увидела его на свидании в тюрьме, то не смогла сдержать слез. Его бровь была рассечена, нос опух и посинел от ударов, на костюме были видны следы запекшейся крови. Его глаза были полны печали и страха, пальцы рук дрожали.

Она перестала плакать, ей захотелось крикнуть: «Будьте вы прокляты, сталинские палачи!» Но тут вошел тюремщик и сказал:

- Свидание окончено.

И включил радиоприемник, стоящий на подоконнике. И в темную комнату свиданий ворвалось танго...

«Танго смерти!» - почему-то подумалось Кульжамал, и она опять зарыдала. И тут Беимбет заговорил:

- Не плачь! Писатели никогда не умирают, слушай, это звучит танго жизни.

«Танго... Танцуем танго...» Как это было давно, как это было недавно - признание в любви Беимбета, танцплощадка в парке, слабые желтые огни вдоль деревьев. Они танцуют танго, нежно касаясь друг другу щеками. Так бы всю жизнь!

Но танго любви Беимбета неожиданно и навсегда замолчало в 1938 году. Первое после его ареста свидание с Кульжамал в алматинской тюрьме оказалось последним. Больше они никогда не встретятся, не увидятся, не обнимут друг друга. Только в глазах своих дочерей Кульжамал будет находить искры любви Беимбета Майлина. Искры его жизни - они не погасли и не погаснут. Пока жив род Майлиных, пока люди читают его книги.

Глава седьмая **Восторг души Шашкина**

Недавно я подарил историко – культурному центру Первого Президента книгу Зеина Шашкина «Темиртау». Мало кто знает, что это - первый роман о городе металлургов, его замечательных людях. Он был выпущен в 1960 году в знаменитом тогда издательстве «Молодая гвардия» в Москве, и сразу получил признание читателей. Достаточно сказать, что его высоко оценил Мухтар Ауэзов, отослав письмо своему другу с поздравлением литературной удачи, отметив, что ему удалось создать образы металлургов нового поколения, становление казахской технической интеллигенции, в том числе женщин-казашек.

Надо сказать, что я сам с удовольствием читал роман «Темиртау». Меня покорила чистый литературный язык писателя, его образное мышление, психологическое проникновение в характеры людей. Он сумел показать величие дел патриотов Казахстана, сумевших освоить черную металлургию – основу промышленности республики, о чем мечтал Каныш Имантаевич Сатпаев...

Не каждому писателю под силу раскрыть тему героизма на примере рабочего класса. О развитии металлургии в СССР, стальном характере людей – металлургов хотел написать еще советский писатель Александр Фадеев. Он несколько раз выезжал в Магнитогорск, собирая материалы для темы. Но освоить ее легко и быстро ему не удалось. Писатель скончался. Так его роман о металлургах остался незавершенным.

Что не удалось А. Фадееву, оказалось под силу Зеину Шашкину. Только объектом его литературных изысканий стал не Магнитогорск, а Темиртау, Казахский металлургический завод. Просто удивляешься, как врач и литератор по образованию Зеин Шашкин смог вникнуть детально в процессы производства стали и поэтично, достоверно их описать. Но самое главное – ему удалось раскрыть любовь людей к своей профессии, привязанность к родному заводу. Директор металлургического предприятия, инженер Каир поясняет аульскому старику:

- Куреке! По-моему, сталь есть кровь нашей страны. Без крови человек не в состоянии жить, а без стали страна не могла бы строить поезда, автомобили, самолеты, трактора...

Он с восторгом рассказывает деду о строительстве новой до-

мны, о чугуне, который получит страна. Он думает о реконструкции маргенов, металлургическом заводе, который будет давать в два-три раза больше стали! И в этом ему помогает Дамеш, первая казашка-инженер, новатор производства. Каир вначале скептически встречал ее проект реконструкции завода, а затем, поддерживая технический прогресс, становится на ее сторону, выступая против регрессивных взглядов консерватора – главного инженера Муслима Мусина. И новое побеждает!

Огромна любовь героев книги к Темиртау, со страницы на страницу они смотрят на него восторженными глазами. Даже первостроитель города, старик Курьшбай, приехавший в город металлургов из старого аула, думает: «Нет, он никогда не променял бы этот строящийся город, эту гигантскую домну, всю теперешнюю жизнь на прежнюю. Тяжкая доля была у народа... Но он восстал для новой жизни... Незабываемые годы! Годы строек.» И Курьшбай говорит внуку:

- Вот, Болат, в чем счастье человека... В том, что он сам строит свою жизнь и знает, что она будет прекрасной...

Главная героиня книги Дамеш тоже восторгается Темиртау, его улицами, площадями, его аллеями и цветниками. Ее привезли из аула, когда она была подростком, она любила коньки, хватала их под мышку и мчалась к Самаркандскому озеру. Она вспоминает: «Каким жалким выглядел город в те годы! Всего три улицы. Заложили его в тридцать седьмом году, когда на этом месте насчитывалось с десяток казахских мазанок. На своих низкорослых лошаденках казахи возили кирпич, закладывали дома - одним словом, строили город. Почти все они стали рабочими металлургического завода».

Дядя Дамеш Асхар, который по ложному доносу Муслима Мусина попал в Гулаг, затем был реабилитирован, вернулся в родные края и не узнал их. Пятиэтажные дома, длинные улицы, проспекты и всходы – цветы, цветы... Его обвинили в 1937 году как врага народа в том, что он якобы назначал яды для больных металлургов, умертвлял их. Это был явный вздор, непомерная ложь! Это все выдумал Муслим, который завидовал любви Асхара к врачу Айше (на ней сам хотел жениться). И Муслим добился своего, отправив честного врача в черное логово сталинизма – Гулаг...

Образ Асхара выглядит правдиво, ибо его прототипом был сам автор книги. Обвиненный в антисоветской агитации и пропа-

ганде, Зеин Шашкин в 1938-1948 годы находился в лагерях Сталина. Его отправили в Иркутск, где он провел долгих 10 лет. Там работал в тюремной больнице, где подружился с сокамерником-врачом М.С. Бинпиком, бывшим профессором, работником Крымского института климатотерапии. Под его влиянием Зеин Шашкин всерьез увлекается медициной и так преуспевает в ней, что его назначают помощником врача в спецбольнице НКВД.

Это подтверждает и двоюродная сестра З.Шашкина – Макиза Шапкина-Раимкулова: «В тюрьме он познакомился с русским профессором. Тот заметил склонность Зеина к медицине и сумел его каким-то образом пристроить учиться заочно в Иркутский медицинский институт. Благодаря новой профессии Зеин в лагерях лечил травами не только себя, но и тех, кто сидел с ним вместе: Мухамеджана Каратаева (ученый, литературный критик), Утебая Турманжанова (детский писатель), Хамзу Есенжанова и многих других. Правда, после окончания медицинского института ему дали справку вместо диплома. После освобождения в 1948 году Зеин сдал экстерном экзамены и получил диплом врача».

Вернувшись из Иркутска, Зеин Шашкин работает врачом – физиоларингологом санатория «Бармашино» в Боровом. Выступал на научных конференциях с докладами по вопросам лечения туберкулеза гортани. В газетах и журналах выходили его статьи о санитарии и гигиене человека. Он одним из первых в Казахстане начал заниматься научными исследованиями в области лечения туберкулеза легких и гортани с помощью рентгеновских лучей. Данные исследований были высоко оценены Министерством здравоохранения и рекомендованы для применения.

Признанием заслуг писателя в медицине является мемориальный музей Зеина Шапкина, открытый в 1989 году в санатории «Боровое».

Работая в Боровом, З.Шашкин часто выезжает в Темиртау, где жили его родственники. К тому времени он уже был не только признанным врачом, но и писателем. В 1956 году выходит его повесть «Степное зарево», в 1958 году – роман «Токаш Бокин». Оба произведения высоко оценивает критика. Токаш Бокин – это легендарный революционер типа Амангельды Иманова, но действующий в степях Семиречья, борющийся за установление советской власти.

З. Шашкина тепло встречают в Темиртау. В городской библиотеке он проводит творческую встречу с читателями, на которой

выступают металлурги. Они приглашают писателя в цеха металлургического завода, на передовую, где «куется заря коммунизма». Сохранились записи Зеина о встречах с рабочим людом металлургического комбината, о его беседах с людьми о Темиртау, расцвете нового Казахстана. И всюду – восторг!

Вдохновленный встречами с читателями Темиртау, писатель, вернувшись в Боровое, надолго садится за свой рабочий стол. Быстрее, быстрее рассказать всем о «восторге его души» - Темиртау, первенце черной металлургии республики, первых казах-металлургах – эта мысль не покидает его ни днем, ни ночью. В результате рождается его роман «Темиртау».

Я не ошибусь, если скажу, что этот роман делает имя писателя бессмертным, а его дружбу с металлургами – вечной. После выхода книги Зеин Шашкин не порывает своих творческих связей с темиртаусцами, его, как магнитом, тянет в цеха металлургического предприятия, на новые стройки. Недавно исследователи нашли записные книжки писателя, а в них имена тех, с кем он встречался, о ком думал. Тут и металлург Тулеген Адам-Юсупов, и строитель Укен Турмагамбетов... Наконец, есть и такая запись: «Нурсултан Назарбаев, 1940 год. Каскелен, Чемолган... Учился в техникум при Днепропетровском заводе. В 1960 году в апреле приехал сюда. Работал на стройке, поступил на завод. Доменное производство. Участвовал в работе 14 съезда ЛКСМ Казахстана, в 1962 году в Хельсинки, в прошлом году в сентябре женился, дает в день сверх плана 1849 тонн (металла)».

Эта запись говорит о том, что Зеин Шашкин встречался с молодым Назарбаевым и с его слов записал его биографию. Об этом свидетельствует еще одна запись Зеина: «На Карагандинском металлургическом заводе я встретил возле первой домны Нурсултана Назарбаева, члена ЦК Комсомола, ударника Коммунистического Труда. Прочитав роман «Темиртау», он пошел работать горновым»...

Двоюродная сестра писателя Макиза-апа Шашкина утверждает, что Зеин хотел написать еще одну книгу о металлургах. Если в романе «Темиртау» он рассказывает, в основном, о мартеновском цехе, его людях, то вторую книгу он хотел бы посвятить рабочим доменного цеха, горновым, Назарбаеву. Он прямо сказал Макизе: «В Темиртау я встретил интересного парня, Назарбаева, у него – большое будущее. Буду писать о нем книгу».

К глубокому огорчению, Зеин Шашкин не успел написать вто-

рую книгу о металлургах. В 1966 году перестало биться сердце больного мастера пера. Его ровесник, писатель Николай Анов так отозвался о нем: «Зеин Шашкин принадлежал к тому типу писателей, которые рождаются в литературе нелегко и нечасто, он обладал настойчивостью искателя, знаниями ученого, тактом и интуицией художника-реалиста. Шашкин внес значительный вклад в развитие современной казахской прозы, в повышение её художественного уровня».

Глава восьмая
Телогрейка Аграновского

Мне везет в моем поиске: как-то я встретился в Долинке с Владимиром Ваколкиным, бывшим фотокорреспондентом газеты «Казахстанская правда», и он мне сказал:

- А ты знаешь, что в Долинском отделении Карлага отбывала свой срок мать знаменитых журналистов Аграновских Фаня Абрамовна Аграновская.

- А ты откуда знаешь? – спросил я.

- Мне отец сказал об этом. Он ведь как враг народа был осужден в 1934 году и сослан сюда в Долинку. Еще он мне говорил, что Фаню Абрамовну заключенные называли «агроном» (по звучанию фамилии). Это так прижилось, что вскоре все поверили, якобы она агроном. И ее поэтому даже бригадиром овощеводческой бригады назначили. Выращивала она вместе с подружками горемычными и картофель, и помидоры, и огурцы на орошении.

Как же попала Фаня Абрамовна в наши края, когда? Из ее учетной карточки в спецархиве Прокуратуры РК я вскоре узнал, что Фаня Абрамовна Раппопорт (девичья фамилия) родилась в Харькове в 1899 году. Когда ей было 18 лет, она познакомилась с журналистом Абрамом Давыдовичем Аграновским. Медик по образованию, он тем не менее стремился попасть в большую литературу, как Антон Павлович Чехов. И уже накануне Великой Отечественной работал в редакции харьковской газеты «Коммунист» и даже «умудрился» издать свою первую книгу «Дымовщина. Записки журналиста».

В этом ему охотно помогала машинистка Фаня, с которой он познакомился в редакции и влюбился в нее «навечно, навсегда», как признался ей в записке. Ясное дело, они вскоре оформили брак. В 1922 году у них родился первый сын Анатолий.

Работая в харьковской газете «Коммунист», Абрам Давыдович одновременно посылал свои материалы в «Правду». Его заметили там, и вскоре вызвали в Москву. Журналистов тогда – толковых и расторопных, работающих на совесть, не хватало. И Абрама Давыдовича взяли в редакцию первой газеты страны, предоставили хорошую квартиру в центре столицы.

В 1929 году в семье Аграновских родился второй сын Валерий. На его «обмывку» Абрам Давыдович пригласил самых именитых, влиятельных журналистов Москвы, в числе которых были

главный редактор газеты «Известия» и журнала «Новый мир» Иван Михайлович Гронский, писатель Илья Эренбург... Они сердечно поддерживали Абрама Давыдовича в его творческих устремлениях, давали одобрительные рецензии на его книги. В тридцатые годы у него вышло восемь книг публицистики. Казалось бы, жить да радоваться!

Но наступил жестокий 1937 год. По указанию Сталина Берия создает новое дело на контрреволюционный центр в Москве. Арестовывают и Абрама Давыдовича Аграновского. В обвинительном заключении констатируют, что он «изобличается как член троцкистской организации». Приговор жестокий, несправедливый: 10 лет лагерей плюс пять лет поражения в правах. Новое дело было, как говорится, шито-крыто белыми нитками.

Во главе этой организации чекисты поставили Ивана Михайловича Гронского, которого не взлюбил Сталин за смелую самостоятельность, самобытность мышления и действий. Гронский никогда, как Бухарин, не согласовывал с Иосифом Сталиным необходимость публикации той или иной статьи, критику, за что и поплатился. А вместе с ним поплатились и его друзья - публицисты. Избежал ареста лишь Илья Эренбург, ибо Сталин понимал: не будет хотя бы одного ведущего талантливого писателя-публициста, на кого же равняться остальной пишущей братии?

В июле 1937 года была арестована как ЧСИР и жена Абрама Давыдовича – любимая Фаня Абрамовна Аграновская-Раппопорт. Ее выслали вначале в Сегежу (Карело-Финская ССР), где она работала на бумажном комбинате, а затем, посчитав, что это ей «слабо», чекисты перекинули ее в Карлаг в Долинское отделение.

Двое сыновей остались в Москве одни, без родительского ока. В своей книге «Последний долг» (Москва, Academia, 1994 год) Валерий Аграновский вспоминает, как вместе с братом Анатолием пытались вызволить из неволи ни в чем неповинного отца. Они записались на прием к председателю Верховного Совета СССР М.И. Калинину. И их, как ни странно, пропустили к нему.

Они вошли в кабинет Михаила Ивановича с кипой книг и статей отца. Всесоюзный староста, ясное дело, читать их не стал, но для интереса полистал. И только после этого спросил:

- В чем дело, ребята?

Слушал он их внимательно, сочувственно кивая поседевшей головой. У Михаила Ивановича самого жену сделали «врагом народа», отправили в один из лагерей на Урал.

- Помогу чем могу, - коротко сказал он, провожая озабоченно мальчишек к двери.

Этот поход в Кремль не остался без результата. Видимо, Михаил Иванович нажал на рычаг телефона, позвонив кому следует.

Как бы там ни было, в 1941 году дело А.Д. Аграновского было пересмотрено и закрыто «за недоказанностью его участия в совершении преступления и исчерпанием всех возможностей это доказать».

Однако в Москву Абрама Давыдовича не возвращают. Его отправляют пароходом из Норильска в Красноярск. Так как он все лагерные годы добросовестно трудился как врач, начальник самотдела Норильлага Золотарев вручает ему похвальную грамоту, а вместо премии - телогрейку первого срока носки, почти новенькую, не потрепанную... Она спасала его в пятидесятиградусные морозы в Красноярске, почти как шуба.

Он очень дорожил этой телогрейкой. Уже будучи освобожденным полностью по прибытии в Москву вместе с семьей Абрам Давыдович продолжал носить ее. И только, поступив на работу в редакцию журнала «Огонек», он распрощался с ней. Но долго еще надевал ее, работая на даче в саду или на огороде. «О! Свидетельница моих мук! - восклицал он. - Да тебе сносу нет, ты принесла мне свободу творчества. Можно сказать, что я как журналист возродился из телогрейки ээка».

В этой телогрейке А.Д. Аграновский пробудет в Красноярске вплоть до 1947 года. Большую скрипку поддержки в его судьбе сыграет первый секретарь Красноярского крайкома партии Аверкий Борисович Аристов, в будущем секретарь ЦК КПСС, посол в Польше, Австрии. В июне 1942 года Абрам Давыдович пишет жене в Долинку: «Значит, я решил остаться в Красноярске, сюда собрать всех вас. В Красноярске я, во-первых, буду восстанавливаться в партии - через крайком. Переговоры начал... Буду писать в местной газете «Красноярский рабочий», получил даже аванс у редактора, и он ждет, чтобы я дал первый материал». Далее говорится, что встретили его в крайкоме партии тепло - «вплоть до того, что кормят меня, пошили костюм, устроили в гостиницу и т.д.»

А.Б. Аристов привечает А.Д. Аграновского, пригласив его на работу в отдел пропаганды крайкома партии. Он разрешает ему съездить в Долинку, навестить свою супругу, а затем помогает ему в ее освобождении. Правда, это освобождение необосно-

ванно затянулось. Об этом можно судить по письмам Фани, которые сохранил ее сын Валерий (она его называет Вале́й). В ноябре 1942 года она пишет из Долинки в Красноярск:

«Дорогие мои Абрашенька и Валюша! Ваше письмо от 12 октября я получила. Абраша, ты просишь меня не волноваться. Откровенно говоря, мне это нелегко. Уже больше месяца, как ты уехал, а результатов пока нет. Никаких! Я стараюсь объяснить это всякими причинами, но все же хорошего мало, а главное, что меня уже начинает пугать все это. В чем же причина такой задержки? Непонятно. И вот каково мне сознавать, что я имею право быть с тобой и детьми, а в действительности, я все еще далека от вас. Легко сказать: не волнуйся. Нет, я стала сейчас более нервной, чем была. Раньше, не имея перспектив, я мирилась со всем, а сейчас тяжело.

Одним словом, рвусь к вам всем сердцем. Как хочется вырваться отсюда, если б ты знал! К тому же я прихворнула, снова малярия, причем она совпадает с отчетными периодами (особенно, 1-го ноября), я с температурой 39° проработала всю ночь. День поспала, а на следующий день, раз температура пала, то вновь вышла на работу, а к вечеру — 39°! При этом и колит разьгрался. Сегодня снова работаю, но слабость ужасная, тем более что три дня я ничего не ела — не хотелось. Одним словом, все вместе взятое не способствует хотя бы сохранению спокойствия, скорее наоборот — нервы в таком состоянии, жду чего-то, что вот, кажется, лопнет все внутри. Как нехорошо это мое состояние, но что я могу поделать с собой? Держалась я долго, а сейчас больше не в силах. Устала от всей такой жизни. Ты меня, детка, не ругай за мрачные настроения. Ты меня понимаешь больше, чем кто-либо. Ты пойми, почему я так близко к сердцу беру. Я также знаю, что все возможное ты сделал, надо время, надо иметь выдержку. Все это так, но где взять силы? Их-то нет. На днях медкомиссия была из Центра. Врач, выслушавший сердце, был поражен его состоянием. Я поняла, что оно еще хуже, чем было. Но все чепуха это. Главное — дождаться свидания с вами. Дожить до этого. Мысленно с вами каждую минуту. Целую вас крепко, ваша Фаня».

Когда Абрам Давыдович навещал свою жену в Долинке, то договорился с ее подругой Лизой, что она будет сообщать ему о состоянии Фани. В том же ноябре А.Д. Аграновский получает письмо от Лизы:

«Многоуважаемый А. Д., здравствуйте! Во-первых, хочу извиниться за мою неаккуратность и несвоевременный ответ на Ваше письмо, но есть старая поговорка: «лучше поздно, чем никогда». Правда, я Вам писала телеграмму, в которой сообщила, в каком моральном положении Фанечка, а поэтому я не особенно спешила с письмом. Да я еще надеялась на то, что Фанечка скорее будет дома, чем мое послание, но, увы, получилось немного не так. Фанечка живет еще пока с нами, здоровье ее, можно сказать откровенно, неважное. Но она духом не падает, в этом отношении она довольно энергичная женщина. Я ее увлекаю в общественную работу, она участвует в драмкружке. 7 ноября она выступала в нашем клубе, роль была возглавляющая: германский унтер-офицер Ганс Клаус (исполнила замечательно, аплодисменты переходили в овацию). Ну, отношение к ней со стороны начальника старые, он такой же хороший «хазер», что в переводе с «французского» означает «негодяй». Но за Фанечкой беспокоиться не надо, она и не таким «хазерам» давала отповедь.

Пишите, как Вы устроили сына, кто за ним ухаживает, он очень смысленный мальчик. Фанечка писала ему умные письма, а он отвечал такими же, так что мне очень понравилось. Между прочим, письма сына я сама отвозила Фанечке в отделение: так часто совпадает, когда бы я ни поехала, всегда привезу что-нибудь из почты. Пишите о себе и сыне, но чаще и побольше. Если будете Фанечке писать письма, пишите на мою фамилию, они быстрее смогут добраться до Фанечки. Ну, пока, до свидания, не смущайтесь, но я поцелую Вас, конечно, шутя. Ладно? Я сейчас спросила на это разрешение у Фанечки, она не возражает. Жду ответа. Лиза».

Тут же в письме Лизы приписка Фани:

«Холодно, неуютно, тоскливо. Абрашенька! Долго ли мне еще мучиться? Как хочется покоя, если бы ты знал! Пиши пока на адрес Лизочки. Целую крепко вас, мои дорогие, ваша Фаня».

Судя по этим письмам, Ф. Аграновской жилось в Долинке, мягко говоря, не очень весело. Спасали общение с людьми, участие в драмтеатре. Ее поддерживали подруги по бараку, в том числе поэтесса Эстер Паперная.

У меня сохранились ее стихи, в которых она, в частности, вспоминает и Фаню:

«И как-нибудь встретимся дома

за круглым семейным столом.

*И лагерным нашим знакомым
 все косточки переберем.
 Мы вспомним сквозь смех и сквозь слезы
 прополку, москитов, буран.
 И Фаню, и Хаю, и Розу –
 весь долинский Бирабиджан.
 В строчках Пушкина живет
 благодетельная сила:
 «Все мгновенно, все пройдет,
 что пройдет, то будет мило».*

Наконец, 11 ноября 1942 года Фаню Абрамовну освобождают в связи с прекращением дела. Ей выдают на руки такой документ:
«11 ноября 1942 года. СПРАВКА. СССР. НКВД. Управление Карагандинского исправительно-трудового лагеря. Второй отдел №22/203342.

Дана АГРАНОВСКОЙ Фане Абрамовне, год рождения 1899, в том, что она с 17 июля 1937 года по 11 ноября 1942 года содержалась в местах заключения НКВД СССР и освобождена с прекращением дела.

*Справка видом на жительство не служит.
 При утере не возобновляется.*

*Зам. нач. Управления Карлага НКВД,
 мл.лейтенант госбезопасности (Игнаткин)
 Зам. нач. ОУРЗа Карлага НКВД,
 лейтенант госбезопасности (Монарх)»*

Выдают ей и разрешение на проезд от станции Карабас до станции Ачинск Красноярской железной дороги. Там ее уже ждал Абрам Давыдович Аграновский, счастливый и довольный возвращением жены.

Казалось бы, конец драме? Но не тут-то было. Сын Аграновских Валерий пишет в своей книге: «С 17 июля 1937 года начались страдания моей мамы в «местах заключения НКВД СССР», 11 ноября 1942 года, следует считать, маму освободили «из места заключения с прекращением дела».

Так думаю я. Но не думает так мама и, смею обобщить, весь наш народ. То, что одной датой начались испытания и горе людей, а закончились другой датой — момент формальный. О пе-

чальной истории моих родителей можно сказать только то, что пролог завершен, но эпилога еще не было. Занавес опускать рано. Ведь это был всего лишь сорок второй год, до смерти Сталина (о чем даже подумать было невозможно) мы все прожили вместе со всей страной долгих одиннадцать лет. Еще настужь были открыты ворота ГУЛАГа, еще лилась кровь и на фронте, и в тылу, и в лагерях.

Правдой было бы сказать и то, что до ареста моих родителей бушевал всеобщий страх репрессий, как он был и после неожиданной реабилитации. Режиссер не ведал усталости, занавес всегда был поднят».

И далее: «В самом деле: сотни тысяч, если не миллионы людей, совершенно безвинных, остались там, откуда чудом вернулась мама, и муки этих людей были продлены еще на долгие годы, как минимум, до середины пятидесятих годов».

И сталинизм во - всю процветал! После возвращения Фани Абрам Давыдович посылает письмо редактору «Правды» П. Н. Поспелову. Так, мол, и так, прошу вновь принять на работу, квартиры в Москве имеется. Ответ пришёл только через несколько месяцев, адресован в редакцию «Красноярского рабочего»: «Вызвать в Москву не можем. Поспелов».

Да, в то время А.Д. Аграновский ушел из аппарата крайкома партии в редакцию газеты «Красноярский рабочий». Творческим людям трудно, даже невозможно было трудиться в крайкоме партии, где процветали бюрократизм, взяточничество, низкопоклонство и лицемерие. Аристов нехотя отпустил Аграновского, хорошо понимая его стремление к правде и творчеству.

В «Красноярском рабочем» А.Д. Аграновский проработал до 1946 года. Его полностью реабилитировали, восстановили в партии.

Можно было возвращаться в Москву! Фаня с радостью упаковывала небогатый скарб. «Зэковскую телогрейку возьмешь с собой?» - спросила Абрама.

- А как же! - отвечал он. - Ничего нет теплее на свете. И в Москве пригодится.

Его взяли в журнал «Огонек». Он часто ездил по командировкам, много писал о Сибири. В одной из командировок в июне 1951 года Абрам Давыдович неожиданно умер. Сердце не выдержало больших житейских невзгод, напряженного труда журналиста. Некролог о его кончине подписали А. Сурков, А. Чаковский.

Б. Горбатов, Б. Полевой, М. Светлов, А. Бек, С. Смирнов и другие известные писатели.

«Все люди заменимы, незаменимых не бывает только в журналистике, литературе, искусстве», - любил повторять Абрам Давыдович. Да, он был незаменимым и остался таким. Потому что эстафету пера отца подхватили его сыновья Анатолий и Валерий, которые тоже стали незаменимыми, видными журналистами СССР. Все знают Анатолия Аграновского как спецкора газеты «Известия», Валерия Аграновского как сотрудника газеты «Комсомольская правда». Их отец порадовался бы за них, ибо они стали вершинами советской журналистики в 60-80 годы. Конечно, этому в немалой мере способствовал личный пример их отца – отличного журналиста Абрама Аграновского. Но не стоит забывать и мать Аграновских – Фаню Абрамовну, которая создавала и поддерживала в семье творческую обстановку, во время кормила и поила их, засиживалась допоздна, а то и всю ночь, печатая на машинке злободневные проблемные статьи и очерки сыновей. Она пронесла через всю жизнь свою любовь к ним, к своему мужу, не отказавшись от него в самый тяжелый для него час, когда его объявили «врагом народа». Ни в чем не виновная, она достойно несла бремя заключенной Карлага, выдержала, выстояла все испытания. И преодолению трудностей она научила своих сыновей, которые впервые в советской журналистике стали писать горькую правду о нашей действительности.

Фаня Абрамовна Аграновская скончалась в 1965 году, когда ее сыновья были в зените славы. Перед кончиной она сказала им: «Я была самой счастливой матерью, я не знала равнодушия со стороны сыновей и близких мне людей».

Глава девятая

Последний из живых поэтов

Когда в 80 годы прошлого столетия я руководил в Джезказганской области литературным объединением «Слиток», то на его занятия часто приходил местный поэт Юрий Васильевич Грунин. В то время паше братское общество было довольно сильным в литературном отношении: в его рядах тогда находились такие превосходные поэты Джезказгана как Сагин - Гирей Байменов, Ольга Шиленко, Марат Ратнер, Зинаида Чумакова, Куапыш Ахметов, публицист Михаил Волков и другие. Но Юрий Васильевич Грунин как - то особо выделялся среди них и тематикой своей поэзии, и ее разработкой - строгим ритмом стиха, оригинальными рифмами... Когда он поднимался на трибуну, то небольшой зал в доме политпросвещения, где мы собирались, как бы замирал от предчувствия чего - то необычного, свежего в поэзии... И Грунин оправдывал это предчувствие своими стихами. Ибо в то время он одинок владел в Джезказгане лагерной темой, причем мастерски, без прикрас, без повторов уже сказанного Солженицыным... Для нас это было потрясением! Конечно, мы знали, что Юрий Васильевич Грунин прошел тяжелый путь заключенного особого лагеря Степлага, что за его плечами «в ночах встает и падают туманы, болят зарубцевавшиеся раны». Тогда еще ходили слухи о том, что он в фашистском плену работал переводчиком в гестапо и даже написал поэму о Гитлере.

Но что ни сочинят, ни скажут злые завистливые языки! Кривда постепенно слетала с имени Грунина, обрастая более приятными и понятными для нас событиями, подробностями. Впервые свет правды на его жизнь пролил небезызвестный поэт и журналист Николай Марянин. В своей статье «Юрий Грунин – самый трагичный русский поэт 20 века» он писал: «Грунин родился в Симбирске весной в девятьсот двадцать первом и в конце 30-х годов в ульяновских газетах опубликовал первые свои стихотворения. Писал о любви и мирной жизни – а оказался в самом пекле войны. Грунин наверняка стал бы широко известным поэтом-фронтовиком, «но Гитлер об этом немного иначе подумал». Его воинскую часть однажды по ошибке обстреляли свои же. Последнее, что помнит поэт – яркая вспышка и чёрный провал. Очнулся уже в фашистском плену. Долгие три года – немецкая речь вокруг, лай собак, колючая проволока, холод, голод и смерть друзей по

лагерным нарам. Выжить в пелене плена помогла поэзия. Юрий Грунин мысленно сочинял стихи, заучивал их наизусть и каждый день, как молитву, сотни раз повторял про себя вымученные строки. Когда лагерь военнопленных освободили англичане, он в первую очередь записал всё, что накопилось в памяти. Ему предложили английское гражданство и предупредили, что в России его ждёт Сибирь. Грунин не поверил, потому что в плену все три года хранил зашитый за подкладкой комсомольский билет. Если бы немцы нашли – расстреляли бы точно. Он страшно скучал по Родине и не считал себя виноватым перед ней, «но Сталин об этом подумал иначе немного». Грунину приписали, что он якобы сочинил гимн армии Власова. Эта песня была известна ещё до войны. Следовательно предложил Грунину написать её слова на бумаге. Поэт вспомнил только один куплет, но и этого хватило на десять лет лагерей. Теперь уже сталинских. И снова Юрий Грунин сочинял, заучивал и как молитву повторял день и ночь лагерные стихи, за которые можно было схлопотать вышку. Десять лет от звонка до звонка - в сибирской тайге и на медных рудниках Степлага. Здесь, в казахстанском Джемказгане, он и остался после освобождения. В 1949 году на нарах зека он написал характерное для его творчества стихотворение «Степлаг». Юрий Васильевич однажды прочитал его на собрании «Слитка»:

*«Ну, дождался теперь
Долгожданных всех благ?
Прибыл ты без потерь
К каторжанам в Степлаг.
В пекло медной земли
К каторжанам в спецлаг:
Хоть живи, хоть умри,
Бездыханным здесь ляг,-
Двум смертям не бывать.
Должен медь добывать.
Вагонетки руды –
Будет хлеб за труды.
Будешь петь забывать.
Будешь медь добывать».*

Не все восприняли его стихи с восторгом. Были и такие, кто заявил мне, что если и дальше на занятия «Слитка» будет приходить Грунин, читать зэковские стихи, они больше не ходоки в Политпрос.

Но время Страха, время Сталина – Ленина, старой стереотипной идеологии неминуемо уходило. Грунина приметил секретарь Союза писателей СССР, поэт Евгений Евтушенко, включив его стихи в антологию русской поэзии «Строфы века». Это – на московском всесоюзном уровне. А на местном – его крепко поддержал первый секретарь Джезказганского горкома партии, поэт Какимбек Салыков. Недавно я встретился с ним в Астане, и он подтвердил, что Юрий Грунин – замечательный поэт. И даже удивился, почему до сих пор о нем мало пишут, почему его мало печатают? «Может быть, ты напишешь, я – то уже писал».

Действительно, Какимбек Салыков опубликовал в журнале «Нива» большую статью о джезказганском поэте под заголовком «Высоты Грунина». Его поддержала поэтесса Зинаида Чумакова. В предисловии к книге Юрия Васильевича Грунина «Спина земли» она в 1999 году в статье «По лезвию судьбы» отметила, что автор вошел в литературу не только как поэт, писатель, публицист, но и как человек незаурядной судьбы, за плечами которого – жизнь, наполненная экстремальными событиями. Даже в условиях Степлага он умудрялся находить подобных себе, – представителей света интеллигенции СССР и, как они, не опускал духовную планку своей жизни до простого обывателя.

В народе не зря говорят: «Скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты». Подруга Грунина Надежда Сиваева, в то время директор киносатра «Орбита» в Джезказгане, мне рассказывала, что Юрий Васильевич долгое время переписывался с известным писателем Камилом Икрамовым, профессором, архитектором Генрихом Маврикиевичем Людвигом... И что примечательно – они отвечали ему сердечной взаимностью, добрыми словами дружбы и признания его таланта. Ведь каждому из них он посвящал свои стихи или рисунки, шаржи.

С Камилом Икрамовым он познакомился в Устьлаге, близ Соликамска, их нары стояли рядом. Именно тогда молодой писатель задумал создать книгу «Дело моего отца». Это, по его задумке, должен быть документальный роман о партийном и государственном деятеле Акмале Икрамове, расстрелянном по указке Сталина в 1938 году вместе с Николаем Бухариным и другими видными большевиками. Акмаль Икрамов был родным отцом Камила, и поэтому сын тоже пострадал от сталинизма. Его в 16 лет арестовали как члена семьи изменника Родины, и он двенадцать лет «воспитывался» в лагерях смерти и ссылке, хотя Сталин

во многих своих выступлениях неоднократно повторял: «Сын за отца не отвечает» и клялся молодую поросль не трогать.

Юрий Васильевич сразу же поддержал идею Камилла Икрамова, и на первых порах был ему вроде как литературным консультантом. По выходу из лагерей Камилл написал роман – хронику «Дело моего отца» и предложил его журналу «Новый мир». Твардовский благосклонно отнесся к новой книге на лагерные темы, но опубликовать ее не успел. К власти пришел Леонид Брежнев, и началась многолетняя полоса запрета на публикацию подобных книг. Лишь в 1988 году в журнале «Огонек» появились главы из романа – хроники «Дело моего отца». Юрий Васильевич тепло поздравил Камилла с выходом книги в свет. Но в ответ получил письмо от его супруги Ольги Сидельниковой, которая сообщала, что Камилл лечится в Париже. Как приедет – напишет.

И он написал! «Юрочка! О моем отношении к тебе и к значению нашей встречи (в лагерях - В.М.) можешь судить по тому, что моя дочка знает твои стихи с детства. А ведь текстов у меня не было и нет, тогда я многое ей читал по памяти...»

Переписка продолжалась, но недолго. В июне 1989 года Камилл скончался в Германии от рака после тяжелой операции на 62 году жизни. Об этом Грунин узнал из «Литературной газеты». И по этому поводу написал стихи:

*«Я хотел бы носить его портрет,
Как медаль на ленте муаровой.
Мне б Камилла милого запечатлеть
В мраморе мемуаров».*

В мраморе мемуаров Ю.В. Грунин запечатлел в своих книгах выдающихся людей, побратимов по несчастью и горю, долбивших вместе с ним киркой и ломом мерзлую руду карьеров и шахт Джезказгана. Под его пером оживают образы давно ушедших в мир иной композитора Бруно Деметьева, автора знаменитой песни «На позиции девушка провожала бойца», генетика Владимира Эфроимсона и архитектора Генриха Людвига... Последний через всю жизнь пронес веру в литературный талант Грунина, и, умирая, сказал, что талант этот состоялся.

Они вместе трудились в проектно бюро Степлага. И довольно часто Грунин читал свои новые стихи Людвигу, который советовал ему сохранить их для будущего как поэтическую летопись Степлага.

Генрих Людвиг был по национальности немец, но превосход-

но владел русским языком, даже изучал антологию его слов. Это помогло ему затем по выходу из лагеря создать ряд прекрасных статей по архитектуре на чистом литературном русском языке.

Архитектура – это была его любовь и крепкая привязанность. Но она сыграла с ним ряд злых и добрых шуток, как он говорил. Первая злая шутка – это 1937 год, заседание Политбюро с приглашенными архитекторами. Обсуждался вопрос о проекте высотного здания Дворца Советов. Генрих не знал, что этот проект понравился Сталину, встал и раскритиковал его в пух и в прах. Во время перерыва Каганович подозвал Генриха к себе:

- Вы это всерьез? Не заберете ли своих слов обратно?

- С чего бы это! – воскликнул Генрих и увидел злой взгляд Сталина.

Вскоре его арестовали. Особое совещание дало ему десять лет по 58 статье. В 1947 году ему добавили еще пять лет за упрямство, ибо он продолжал талдычить о пагубности проекта высотного здания Дворца Советов для Москвы. Кстати, Сталин после критики Людвиг от этого проекта отказался, а вот освободить праведного героя забыл.

Но Людвиг опять же благодаря архитектуре все-таки напомнил о себе. В лагере он создал превосходный проект противотомного бомбоубежища и отправил его в Москву. Там проект Генриха встретили благожелательно, и вскоре его освободили из лагеря, вызвав в столицу для дальнейшей работы. Его одели в новый темносиний костюм, и он щеголял в нем в проектном бюро, прощаясь с товарищами. При этом виновато говорил:

- Опять архитектура сыграла со мной шутку. Надеюсь, на этот раз добрую...

Да, добрую. После освобождения из лагеря Юрий Грунин несколько раз бывал в гостях у Генриха и радовался за него: в Москве его друг женился на бывшей лагернице, югославской балерине - красавице, и был счастлив. Дожил он с нею до 80 лет. Журнал «Архитектура СССР» № 5 за 1988 год в статье «Г.М. Людвиг» писал, что он вошел в историю становления советской архитектуры как один из самых своеобразных зодчих.

На всю жизнь сохранил Юрий Васильевич Грунин фотоснимок Генриха, который тот подарил ему при освобождении из лагеря. На обороте фотокарточки Генрих написал: «Юрию Грунину. Писатель не только свидетель истории, но и ее судья».

В журнале «Архитектура СССР» в 1988 году был опубликован портрет профессора Людвига, сделанный Груниным в Степлаге в 1951 году. На нас смотрит волевой человек с большими красивыми глазами и бородкой Аристотеля... По внешнему лику его видно: он способен на большую бескорыстную дружбу, братскую помощь. Во всяком случае Грунин всегда во время пребывания в Москве мог положиться на отдельную комнату в квартире друга, стакан чая и добротный бутерброд с колбасой и маслом... Я уже не говорю о большой дружеской поддержке каждого столбца новых стихотворений Грунина.

Таких талантливых и бескорыстных друзей у Юрия Грунина было немало как в лагере, так и вне его. Большим почитателем его таланта стала журналистка Нина Андреевна Барбутько. Помню, в редакции газеты «Джезказганская правда» она всегда повторяла, когда речь заходила о Грунине: «Его непременно надо печатать – это наш Твардовский. Не больше, не меньше».

Что верно, то верно - печатали в местных и республиканских газетах, журналах Грунина редко и неохотно. Сказывалась прежняя боязнь редакторов. - лучше перестраховаться, чем на бюро обкома партии за стихи опального поэта отвечать.

Но Нина Андреевна была не из робкого десятка. Став главным редактором региональной газеты «Подробности», она сразу же дала большой ход произведениям Грунина, как поэтическим, так и прозаическим.

Я давно заметил такую закономерность: повзрослев или постарев, почти все поэты становятся прозаиками. Видимо, в стихотворной форме не все вместишь, что хочешь сказать людям. Такое под силу было, скажем, только Пушкину, Некрасову... Как бы там ни считалось, Юрий Васильевич Грунин в 80 – летнем возрасте вдруг почувствовал тягу к прозе, и создал роман - хронику своей жизни «Живая собака». И Нина Барбутько взялась за публикацию этой книги в своей газете «Подробности», хотя без скептиков и недоброжелателей не обошлось. Ее даже за этот смелый поступок хотели уволить с должности главреда. Но вступился за нее, за газету, за роман Грунина известный нам Какимбек Салыков. И Нину не тронули!

А сам - то Юрий Васильевич? Как он реагировал на перипетии вокруг его новой книги? А никак! От того же Н. Марянина,

приехавшего к Грунину в Джезказган из Москвы, чтобы взять у него интервью, узнаем: «С ним все уже случилось, поэтому ни напугать, ни заинтересовать, ни даже соблазнить его славой уже нельзя. Среди разговора он вдруг спрашивает:

-Так я и не понимаю, зачем Вы приехали?

Можно было бы сказать, что причина одна – на мой вкус, он один из крупнейших русских поэтов двадцатого века, и тексты его должны в сокровищницу этого века войти. Его место – пусть не рядом с богами вроде Маяковского или Мандельштама, но с титанами – Слуцким, Твардовским, Окуджавой, Самойловым. И до сих пор, даже в так называемые свободные наши дни, ему ничем не воздалось. Конечно, он гордость Джезказгана и его достопримечательность. Он строил этот город, за последние тридцать лет выезжал отсюда считанные разы. И зачем? Жизнь сложилась, какой сложилась. «Я никогда не умел и не хотел себя навязывать». Он последний из живых поэтов этого века, так мне кажется».

Трудно с этим не согласиться.

Глава десятая

В ожогах от чужих костров

Мать просила дочь на коленях простить ее, но Люба Рубцова сказала: «Нет, никогда». И в сердцах добавила: «Ты – не коммунистка, а фашистка!»

Что же произошло в далекой Сибири в городе Канске, где весной 1938 года пятнадцатилетнюю девушку-школьницу Л. Рубцову неожиданно арестовали за «антисоветскую агитацию и создание контрреволюционной организации в школе»? А произошла довольно непонятная с точки зрения психологии трагическая история в семье, казалось, успешной и благополучной. Мать Любы, до глубины души преданная партии большевиков коммунистка Дарья Рубцова во время уборки своей квартиры нашла под матрасом дочери рукописные листовки, в которых содержался призыв: «Долой Сталина!» И вот вместо того, чтобы спокойно поговорить с дочерью, выяснить, как возникли эти злополучные листовки, Дарья охажкой схватила их и побежала в горотдел НКВД города Канска, чтобы посоветоваться, как быть.

Находящийся там в то время начальник горотдела НКВД Всеволод Юрьев раздумывал, как ему быть в этом тихом городке, где долго даже писка не раздавалось против Советов, Сталина, а ему сверху многочисленными депешами вменялось «усилить работу с врагами народа». Многие чекисты в других городах уже прославились тем, что отправили в лагеря десятки безвинных людей, даже целые террористические организации вскрыли, за что получили ордена и медали, а он, Юрьев, как бездыханный, даже докладывать вверх о благополучном в этом отношении городке боялся... И вдруг такое «везенье»: перед ним предстала яростная коммунистка, готовая за имя Сталина на плаху голову даже своей дочери положить. Видавшему всякие доносы людей лейтенанту Всеволоду Юрьеву такое даже во сне не виделось, чтобы родная мать на дочь доносила! Да понимала ли она, что делала? Сердце чекиста дрогнуло, он хотел посоветовать гражданке Рубцовой взять да разорвать эти листовки, да и объявить конец этой истории!

Но тут Дарья Рубцова положила ему на стол свой партбилет, она, мол, как коммунистка, иначе поступить не могла! И бедный Юрьев сразу вспомнил о своей карьере, о том, что в этом деле он

может отличиться, даже получить орден, если все чин-чинарем оформить. И он сказал Дарье:

- Приму меры, сегодня же приму...

- Так вы побеседуете с дочерью? – спросила Дарья.

- Побеседуете? – переспросил Всеволод Юрьев. – Да ее расстрелять мало, она – государственная преступница, против самого Сталина пошла. А вы побеседуете...

И только тут Дарья поняла, какое страшное горе принесла своим поспешным поступком дочери. «Я вас прощю: отдайте листовки, - попросила она. – Я сама разберусь с ней».

- Ну, нет уж! – крикнул Юрьев и пнул ногой дверь. – Вы – коммунистка. Пока коммунистка. А так ведь и сообщницей дочери можете стать. Не вы ли воспитали в ней ненависть к Сталину?

Дарья закрыла лицо ладонями, зарыдала. Юрьев буквально силой вытолкнул ее из помещения НКВД на улицу.

Орден за «дело Л. Рубцовой» чекист Юрьев не получил, но своей жестокостью и преданностью Сталину прославился. Он мог часами держать Любу без еды и воды в кабинете, чтобы добиться от нее признания в создании контрреволюционной организации в школе. И в конце концов Люба призналась, что она вместе со своей подругой Аней Зиминой, действительно, хотели создать такую организацию и назвать ее «Овод». «Почему «Овод»?» – выпучил глаза чекист. «Потому что это мой литературный герой, - гордо ответила Люба. – Мой и моей подруги Зиминой».

- Овод, так Овод, - тяжело вздохнул Всеволод. – Но почему листовки против Сталина?

А, оказывается, все очень просто. По мнению Любы, Сталин – тиран и убийца многих талантливых людей. У них в школе около 20 родителей ее подруг арестовали и неизвестно куда отправили, видимо, расстреляли. Среди них находились учителя, литераторы, инженеры... Были арестованы как враги народа их любимые преподаватели – учитель литературы Петр Гаврилович Крокин и учитель географии Леонид Федосеевич Белоглазов...

Помогала ли мать в написании листовок? Что вы, она – фанатичка, жизнь отдаст за партию. Вся беда в том, что советская идеология исковеркала ее душу, отучила любить и ценить людей. Когда она с отцом организовывала первые колхозы в Сибири, силком загоняла в них крестьян, уже тогда в ней поселились жестокость и непонятное упрямство брать верх над людьми, командовать. А если кто не слушал ее, не подчинялся ей, то она могла припугнуть и пистолетом.

По мнению Любы, коммунист не тот, кто командует, а тот, кто помогает людям и поддерживает их. Правда, в жизни таких коммунистов не бывает, разве что в кино их придумывают. Разве что Ленин, Крупская достойны подражания. Никому еще партийный билет не приносил счастья, он делал людей грубее, лишал их самого главного – человечности. Штампы Устава КПСС забирали из душ людей искренность, любовь к жизни, красоте мира. Поэтому Люба никогда в жизни не будет вступать в партию Сталина.

Чекист знал, что Люба пишет стихи. Во время ее ареста и обыска на квартире Рубцовых он нашел три тетради с ее поэзией. Ничего криминального, аполитичного в них не нашел, это была, в основном, наивная лирика. Однако в ней отсутствовали слова о преданности великому Сталину, партии Ленина...

И тут чекиста осенило. Любимый Рубцовой Овод шел против антинародного режима, против самого Бога, вот и наша подследственная, подражая ему, решила разбить оковы сталинизма, советской государственности...

На суде все рыдали, когда мать подтверждала свои показания, данные в ходе следствия. Дочь не выдержала – крикнула:

- Будь ты проклята, дура!

Больше они никогда не виделись, не встречались. В стихах Любы Рубцовой – ни одного слова о матери. В них только сплошная надежда на будущую теплую и светлую весну. И это, несмотря на то, что после приговора у Любы Рубцовой, как она писала, «потянулись безотрадные дни, как клин журавлиный над мокнущим полем...»

Ей суждено было провести в сталинских лагерях смерти более 16 лет. Вначале ее держали в Абанской сельхозколонии, затем после попытки бегства отправили в Степлаг – особлаг Джекказган – Кенгир.

*«Я шла на оцупь, как слепая,
В ожогах от чужих костров,
Ценой жестокой покаяния
И трудный хлеб, и горький кров».*

О годах пребывания Любы Рубцовой в Степлаге нигде не написано. Между тем, кое-кто из эзков того времени помнил ее храброй и независимой. Бывшая заключенная Степлага, алмаатинская поэтесса Руфь Тамарина мне рассказывала, что Люба была отличным строителем, она работала, как черт, на огнедышащем кирпичном заводе.

- Люба была интересной собеседницей, но и большой выдумщицей. – говорила Руфь Тамарина.- Она верила, например, что на месте Кенгира возникнет город-сад, что на этих скурых скалистых землях будут разводить виноград и арбузы, яблоки и груши. Для многих это тогда казалось сказкой неосуществимой, бредом девушки с поэтическим воображением. Но она упорно воскликнула:

- Так будет! Посмотрите, сколько здесь солнца!

- Солнца много, - противоречили ей подруги. – А где взять землю с черноземом?

- Привезут! – весело отвечала она. – С Дона, Кубани, из Сибири привезут!

Пророчицей оказалась Люба Рубцова.

В Жезказгане, бывшем Кенгире, сейчас жители любят местные виноград, дыни и арбузы больше, чем привезенные из Узбекистана. Сам Жезказган ныне похож на город-парк, в тени его деревьев летом прячутся дети и взрослые.

В Кенгирском особлагере Люба встретила со своей подругой, одноделкой Аней Зиминой. Участница группы «Овод», она и в тюрьмах, лагерях продолжала бороться за правду, интересы народа. Будучи в неволе, она отправила письма Сталину о том, как с его именем на устах погибают люди во времена расстрелов, как в погоне за «валом» врагов народа НКВД гонит в ИТЛ невинных ни в чем людей. А закончила это письмо смелыми словами: «А если вы обо всем этом знаете, то Вас самого надо расстрелять!»

Конечно, не Сталина, а ее вскоре приговорили к смертной казни. И только внезапная смерть самого великого убийцы мира спасла ее от ужасной пули. В Жезказгане Анну Зиминову использовали на общих работах, в основном, строительных. Одно время она даже была бригадиром.

В КВЧ лагеря они и встретились вновь, спустя десять лет после ареста – одноклассницы, контрреволюционерки, посмевшие выступить против Сталина. Здесь порой собирались любители литературы и пишущие. Анна точно также, как Люба, писала стихи. Однажды она прочитала:

*«Казахстанская стена,
необъятный простор,
наши руки тебя обуздали –
среди бескрайних стеней,
обжигающих взор,
города для людей мы создали.*

*Пусть не знают они
Наши черные дни,
пусть в садах распускаются розы.
Пусть в душистых ветвях
и древесной тени
Не навеют им страх
наши слезы.*

- Как это созвучно моей душе! – воскликнула Люба, обнимая подругу. – Выходит, не зря мы строим Джезказган, не бессмысленна наша жизнь...

Несмотря на тяжелую судьбу, девушки-одноклассницы выжили. Когда срок отсидки у Ани окончился, она решила остаться в Казахстане, ибо здесь встретила свою первую любовь. Вместе с мужем уехала к нему на малую родину в Кызыл-Орду. Там быстро завоевала для себя трудовую славу, став лучшим бригадиром «Промстроя». Она была избрана депутатом горсовета, воспитала четырех сыновей.

Иначе сложилась судьба у Любы Рубцовой. Ее после Джезказгана отправили в ссылку в Сибирь в Богучаны – глухое село, где сосны плачут по ночам да воют волки от тоски... Там она заболела туберкулезом и вскоре ее «сердце догорело, горячей кровью истекло», как написала сама Люба... А было ей всего 44 года.

Недавно мне позвонила из Красноярска поэтесса Надежда Кирсанова. В свое время она посещала в Джезказгане занятия литературного объединения «Слиток», которым я руководил.

- Помните, как мы на занятиях стихи Любы Рубцовой обсуждали, ее сборник «С песней в сердце», что вышел в Красноярске в 1960 году... Я нашла могилу Любы Рубцовой, на Троицком кладбище, букетик алых роз положила к ее надгробию от всех нас, бывших джезказганцев...

Глава одиннадцатая

Каторжный ученый

С трепетным волнением взял я в архиве карточку политзаключенного Льва Николаевича Гумилева, 1912 года рождения, родившегося в городе Пушкино Ленинградской области. Далее в карточке значилось: «Национальность – русский, образование – высшее, беспартийный, историк». Он был арестован 6 ноября 1949 года. 13 сентября 1950 года осужден Особым Совещанием при МГБ СССР по статьям 58-8, 58-20, часть 1, 58-11 сроком на десять лет. Отбывал меру наказания в третьем лагерном отделении Карлага с 23 ноября 1950 года, куда был направлен из Лефортовской тюрьмы МГБ СССР. 13 декабря 1950 года его переводят в десятое лагерное отделение Карлага, откуда убыл 3 сентября 1951 года для дальнейшего отбывания наказания в Камышлаг Омской области.

Что стоит за этими скупыми строчками? Кто он – Лев Николаевич Гумилев? В «Избранном» Анны Ахматовой (Москва. «Художественная литература», 1974 год) в предисловии «Коротко о себе» знаменитая поэтесса пишет: «Первого октября 1912 года родился мой единственный сын Лев». От кого? Ахматова отвечает: «В 1910 году я вышла замуж за Н.С.Гумилева, и мы поехали на месяц в Париж». Там Гумилев издавал русский журнал «Сириус»... И, конечно, в этом журнале появлялись стихи его любимой. Так, стихотворение Анны Ахматовой «На руке его много блестящих колец» было опубликовано во втором номере «Сириуса».

Как известно, в последние годы жизни Анна Ахматова охотно обращалась к прозе, задумала написать трехчастную книгу «Мои полвека». В ее набросках мы встречаем названия глав: «Стихи Н.С.Гумилева. Гимназия», «Царское село (Гумилев). Тайна его любви». Бережно хранила Анна Ахматова (девичья фамилия Горенко) стихотворения Гумилева, посвященные ей.

Ахматова и Гумилев прожили вместе восемь лет (1910-1918 годы). Как писала критик Э.Г.Герштейн: «Конечно, в стихах Гумилева не описывается повседневная семейная их жизнь в Царском Селе или Слепневе (имении матери Гумилева), но дана внутренняя сущность их взаимоотношений. Коротко ее можно опре-

делить словами из стихотворения «Это было не раз», где героиня названа «мой враждующий друг», а взаимоотношения с ней определены как «наша битва глухая и упорная».

В поздние годы в беседах с друзьями Ахматова часто высказывала мысль о том, что у каждого настоящего поэта свой мир. Согласившись с этим, мы поймем, что соединение под одной крышей двух таких самобытных и сильных поэтов, как Гумилев и Ахматова, не сулило мирного уюта».

И все же, все же... Та же Э.Г.Герштейн в журнале «Новый мир» писала:

«Видно, что оба собеседника хорошо понимали один другого. Товарищей по литературной борьбе, мужа и жену, двух поэтов, связывала глубокая дружба. Это ясно выражено в надписи Ахматовой на сборнике ее стихов «Белая стая», подаренном Гумилеву в год их развода: «Моему дорогому другу Н.Гумилеву с любовью Анна Ахматова». 10 июня 1918. Петербург».

Николай Гумилев отвечал ей такой же любовью. Однажды в Москве в букинистическом магазине на Сretenке я купил на свои студенческие копейки сборник Н.Гумилева «Жемчуга» (Стихи. 1907-1910 годы), изданный в книжном издательстве «Прометей» Н.Н.Михайлова в Санкт-Петербурге в 1918 году. В нем я не нашел стихов, прямо посвященных Ахматовой. Но сама Анна Андреевна, знаю из публикаций о ней, сделала на этом сборнике пометки стихов Гумилева, в которых без упоминания ее имени говорилось о ней.

Это было не раз

*Это было не раз, это будет не раз
В нашей битве глухой и упорной:
Как всегда, от меня ты теперь отреклась,
Завтра, знаю, вернешься покорной.*

*Но зато не дивись, мой враждующий друг,
Враг мой, схваченный темной любовью,
Если стоны любви будут стонами мук,
Поцелуи -- окрашены кровью.*

* * *

Несмотря на развод, их дружба продолжалась. Николай Гумилев регулярно писал Анне Ахматовой, всякий раз вспоминая

своего сына Леву как нежно любящий отец. 13 апреля 1913 года он посылает письмо Анне Ахматовой из Одессы. Вот его текст: *«Милая Аника, представь себе, с Одессы ни одного стихотворения. Готье переводится вяло, дневник пишется лучше. Безумная зима сказывается, я отдыхаю как зверь. Никаких разговоров о литературе, о знакомых, море хорошеет, прежнее. С нетерпением жду Африки. Учи Леву говорить и не скучай. Пиши мне, пусть я найду в Дире-Дауа много писем. И помечай их числами.*

*Горячо целую тебя и Леву...
Всегда твой Коля.»*

Пишем Анне Ахматовой он написал немало, и почти каждое заканчивалось словами: «Целуй от меня Львеца», «Крепко целую тебя, маму и Леву», «Целую тебя и Левика». Особенно много писем он присылал с фронта. Они приходили с почтовым штемпелем – «Гвардейский запасной. Для пакетов». И опять в конце каждого письма: «Целую тебя, моя дорогая Аничка, а также маму, Леву и всех». В письме от 6 июля 1915 года, рассказывая о боях с неприятелем, «австрийцами, которые отвратительно стреляют», Гумилев опять пишет: «Целуй Львенка, я о нем часто вспоминаю и очень люблю».

Известный поэт, фотограф С.Городецкий сохранил снимок Анны Ахматовой с мужем Николаем Гумилевым в военной форме и с Георгиевским крестом на груди и сыном Львом, сделанный в 1915 году во время побывки фронтовика-солдата в Слепнево. Этот фотоснимок сейчас часто печатают в газетах. Но никто не объясняет, что Слепнево – это имение, часть которого принадлежала матери Николая Гумилева. Сюда, в дом свекрови, Анна Ахматова приезжала вместе с Гумилевым и одна. Ведь здесь у матери Николая Степановича рос и воспитывался ее сын Левушка. Анна Ахматова считала, что Слепнево сыграло большую роль в ее судьбе.

*Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться богу,
И долго перед вечером бродить,
Чтоб утомить ненужную тревогу.
Когда шушат в овраге лопухи
И никнет гроздь рябины желто-красной,
Слагаю я веселые стихи
О жизни тленной, тленной и прекрасной...*

(1912)

Почему я так подробно останавливаюсь на том времени, когда в Слепнево проходили детские годы нового талантливое человека – Льва Гумилева? Потому что в детстве в человеке закладываются основы его дальнейшей жизни. И Лев Гумилев – сын талантливых поэтов – конечно, знал в детстве и стихи своих родителей, и их стремление к прекрасному...

То были годы становления его личности. И ему как бы было определено самой судьбой стать великим. Ведь яблоко от яблони недалеко падает...

Его отец, поэт Николай Гумилев серьезно увлекался историей (об этом, к сожалению, мало пишут), он мечтал исследовать Африку, объединить все африканские племена, создать для них общий язык. На собственные средства он предпринял три путешествия в Африку. Мечтал побывать в Азии, на Дальнем Востоке... Обо всем этом он, конечно же, рассказывал сыну, призывал его больше читать книг о чужеземных странах, знать мировую литературу, языки западных и восточных стран. Его слова падали, как добрые зерна, на душу мальчика, давая всходы.

Ему было всего девять лет, когда его отца расстреляли как участника контрреволюционного заговора. Затем пало горе на его мать – ее исключили из Союза писателей СССР.

Окончив среднюю школу в Ленинграде, Лев Гумилев подает документы в университет, но его не принимают в силу дворянского происхождения. Тогда он устраивается простым рабочим – коллектором в Геологическом комитете, участвует в работе экспедиций в Прибайкалье, Таджикистане, на Дону, в Крыму. В 1934 году ему удается, наконец, поступить в Ленинградский университет, но в 1935 его впервые арестовывают, бросают на несколько месяцев в тюрьму в камеру-одиночку, затем выпускают.

Из карточки политзаключенного Л.Н.Гумилева узнаем, что в 1938 году он снова подвергается аресту. И прямо с четвертого курса университета попадает на Беломорканал, затем в Норильск, где опять работает в геологической экспедиции. Кстати, вспоминая то время, Лев Гумилев в своей книге «Конец и вновь начало» (Айрис-пресс, Москва, 2000 год) пишет: «Вообще, на Нижней Тунгуске место было очень суровое. Тайга – зеленая тюрьма. Летом там ужас, комары, мошка; в сентябре начинаются дожди, а с октября завалы снега. Ужасно тяжело там жить. И я, чтобы облегчить свое положение, пошел добровольцем на фронт. На передовой я был солдатом, и там было гораздо легче, чем в геофизической экспедиции от Норильского комбината».

Из книги мы узнаем, что Лев Николаевич участвовал во взятии Берлина, после Великой Победы вернулся с фронта в родной Ленинград, сдал экстерном в университете все экзамены, получил диплом историка, защитил кандидатскую диссертацию, стал работать научным сотрудником в музее этнографии. Но после злополучного постановления Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград» его начали преследовать, как и его мать Анну Ахматову. И уже, как мы знаем, в ноябре 1949 года он попадает в Лефортовскую тюрьму. А через 11 месяцев его повезли в Караганду в Карлаг. Позже Гумилев вспоминал: «Я был уже опытный каторжанин и сказал, что долбать мерзлоту не буду – пусть меня лучше убьют. Но поскольку я никого не предал, у меня в бумагах была особая отметка: только тяжелые работы».

Действительно, в карточке политзаключенного Гумилева есть запись «высокого начальства»: использовать на тяжелых работах. Но вскоре он, попав в пургу на рытье канала, заболел и его положили в больницу.

Во многих публикациях о Льве Гумилеве утверждается, что в Карлаге он завершил свой мировой шедевр – книгу «Древние тюрки». Но это неверно. В Карлаге он завершил свою первую книгу о восточных гуннах – «Хунну». Она была напечатана позже в издательстве «Востокиздат». Конечно, Гумилев в Карлаге продолжал свою работу над книгой «Древние тюрки», начатую еще в декабре 1935 года. Но окончательно завершил ее в Омске в Камышлаг. Об этом он сообщает в предисловии к книге «Конец и вновь начало»: «Потом меня перевели в Омск, там опять положили в больницу, и я написал книгу «Древние тюрки». Таким образом, вернулся я из заключения с двумя работами».

Из карточки политзаключенного следует, что Л.Н.Гумилев пробыл в сталинских лагерях в общей сложности около 15 лет. И, пройдя сквозь черный ад застенков органов так называемой безопасности, выжил, больше того – создал свои великолепные книги, став знаменитым ученым. Несмотря на все ужасы Гулага, унижения и оскорбления, он оставался верен своей звезде.

Сам Лев Николаевич Гумилев вспоминает о своей лагерной жизни так: «Четырнадцать лет просидел на каторге, так что я не кабинетный ученый, а каторжный. Некоторые ученые говорят, что работают как каторжники. Нет, простите, это не каторжный труд, а вольный. Они приходят домой, пьют чай, ездят гулять, а я был за колючей проволокой. А как работал? Думать надо. А ино-

гда мог и писать. Когда начал работу о восточных гуннах, решил, чтобы у меня не отняли рукопись, обратиться к начальству. И начальство сказало: «Подумаем!» А так как думать оно не умело, то спросило более высокое начальство, и то сказало: «Гуннов – можно, стихи – нельзя!».

... Мне в лагерь прислали книжки – мама, мой покойный учитель Николай Васильевич Кюннер. Когда вышла книга переводов китайских хроник, где собраны сведения о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена, я их проштудировал и знал почти на память. Мама прислала книгу Киселева «Древняя история Южной Сибири», потом «Древнетюркские надписи», естественно, я их прочел по-русски и по-тюркски. Конспектировать у меня, конечно, возможности не было, но сидеть возле костра на закрошке канавы, болтая ногами и разговаривая с казаками, татарами, узбеками, учить их язык, такая возможность была...»

Его мать – Анна Андреевна Ахматова, как могла, помогала сыну, поддерживала его морально и материально.

Известен такой факт. Как-то Ахматова стояла в длинной очереди к тюремному окошку, чтобы передать сыну теплые вещи и продукты. Какая-то женщина с синими губами спросила ее: «Говорят. Вы стихи пишете? А вот об этом Вы могли бы написать?»

Ахматова, не задумываясь, громко ответила:

- Напишу.

И она, действительно, написала стихи о своей боли, поруганной материнской любви к сыну, несправедливо осужденному в годы сталинизма.

* * *

*Семнадцать месяцев кричу,
Зову тебя домой,
Кидалась в ноги палачу.
Ты сын и ужас мой.
Все перепуталось навек,
И мне не разобрать
Теперь, кто зверь, кто человек
И долго ль казни ждать.*

* * *

Окрыленный поддержкой матери, Лев Николаевич Гумилев продолжает свой научный поиск в Карлаге. Его поддерживают в этом замечательный предшественник, друг Г.Е.Грум-Гржимайло, прославивший историю народов Центральной Азии, его настав-

ник Н.В.Кюннер, А.Ю.Якубовский, академик В.В.Струве, помогавшие ему в тяжелые лагерные годы.

Когда книга «Древние тюрки» вышла в свет, в своем предисловии «от автора» Лев Николаевич Гумилев выразил благодарность своему учителю М.И.Артамонову, профессорам С.Л.Тихвинскому и С.В.Каланину, рекомендовавшим книгу для печати, а также своим друзьям Л.А.Вознесенскому и Д.Е.Алчибаю, отмерившими вместе с ним заключение в лагерях Караганды и Норильска.

О Карлаге у Льва Николаевича остались самые тягостные впечатления. Он трудился в поселке Шерубай-Нура (ныне город Абай) на разработке богатого угольного месторождения, разных стройках Караганды, был истопником, топографом...

Солагерник Гумилева по абайской отсидке, узник Карлага, бывший телохранитель посла Франции в Китае Николай Иванович Мисливец, которого я разыскал в Караганде, мне рассказывал:

- Вел себя Лев Николаевич Гумилев на стройках города Абая (тогда поселок Шерубай-Нура) мужественно и отважно, всегда выполнял норму на кладке кирпича, штукатурки. Да и в бараке он никогда не нарушал режим, все свободное время отдавая чтению книг. Однажды пьяные уголовники решили устроить еврейский погром. Они посчитали Гумилева за еврея, ибо он сильно картавил. И вот погромщики толпой двинулись на Льва Николаевича, впереди шел уголовник огромного роста с топором в руке. Гумилев не испугался, сам соскочил с нар и сразу выбил топор из рук опешившего бандита, повалил его на пол, закричав: «Вызовите охрану». Конвой прибыл вовремя, политзаключенные ликовали: всех уголовников отправили в изолятор.

Будучи чистокровным славянином, Лев Николаевич Гумилев охотно дружил с евреями, поддерживая их, а они его. Известна его дружба в Ленинграде с литературоведом Эммой Герштейн. Она не изменила этой дружбе даже тогда, когда Гумилев попал в Карлаг, посылала ему письма, бандероли. Больше того – она сохранила написанную в Карлаге книгу Гумилева о гуннах (хуннах), которую он сумел хитроумно переслать ей обычной почтовой посылкой (а это тридцать самодельных тетрадей!). В письме к Герштейн он признается: «Милая, дорогая, неповторимая Эмма: то, что я Вам доверил, - лучшая часть меня, это как бы мой ребенок... Я очень хорошо понимаю, чего вам стоит такая изумительная забота о таком полусвинне, как я. Поцелуйте маму. Леон.»

Его очень беспокоила судьба книги, написанной в лагере, и он доверил ее Эмме Герштейн. В то же самое время в документе от 25 марта 1954 года, озаглавленном «Завещание для оперуполномоченного или следователя», он сообщал: «Я написал «Историю хунну» для собственного удовольствия и собственной души. В ней нет ничего антисоветского. Она написана так, как пишут книги на Сталинскую премию, только живее, и, надеюсь, талантливее, чем у моих коллег – историков. Поэтому в случае моей смерти прошу рукопись не уничтожать, а отдать в рукописный отдел института востоковедения АН СССР в Ленинграде».

В его дневнике того времени читаем: «Караганда. Холод, голод, бандеровцы, власовцы, тяжелая работа. К счастью, устроился топографом, потом истопником, потом переписывал чего-то... Друг – перс Рахим, бежавший от шаха. Учю персидский язык. Читаю в бараке лекции по истории. Привезли сына нашего ректора – Леву (Лев Николаевич Вознесенский продолжал с ним дружить после освобождения). Очень хороший парень».

И далее: «Расчистка снега, таскание бревен. И еще: работаю на разных стройках, кем попало. Подружился с Ханной – ирландским журналистом и востоковедом».

Но, конечно, самые душевные слова Льва Николаевича – о матери, которая ни на минуту не забывала о нем. 19 июля 1951 года он пишет ей: «Милая мамочка! Подтверждаю получение посылки почт. № 277 и благодарю, только вперед вместо печенья посылай больше жиров и табаку: дешевле и лучше. Целую тебя».

Она присылает ему посылки с жирами и табаком. А вместе с ними стихи:

*А если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнуть задумают памятник мне,
Согласье на это даю торжество.
Но только с условием – не ставить его
Ни около моря, где я родилась:
Последняя с морем разорвана связь,
Ни в царском саду у заветного пня,
Где тень безутешная ищет меня,
А здесь, где стояла я триста часов
И где для меня не открыли засов.
Затем, что и в смерти блаженной боюсь
Забывать громохание черных марушь.
Забывать, как постылая хлопала дверь.*

*И выла старуха, как раненый зверь.
И пусть с неподвижных и бронзовых век,
Как слезы, струится подтаявший снег,
И голубь тюремный пусть зудит вдали,
И тихо идут по Неве корабли.*

Лев Николаевич Гумилев после отбытия срока в «хрущевскую оттепель» в 1956 году был реабилитирован. Однако никакой научной работы ему не предложили. Долгое время он трудился дворником в Музее этнографии. И только в 1960 году он добивается выхода в свет книги «Хунны», а уже в следующем году защищает докторскую диссертацию на тему: «Древние тюрки (VI-VIII века)». Начинается его восхождение к славе, несмотря на полный запрет его публикаций по решению президиума Академии наук СССР. Он добивается защиты второй докторской диссертации (на соискание ученой степени доктора географических наук), становится известным ученым.

В мае 1996 года Актмолинский университет был преобразован в Евразийский университет имени Льва Николаевича Гумилева. Так закончились тернии великого ученого, так пришло к нему народное признание.

Глава двенадцатая Обманутое поколение

Писатель Р.Ю. Махатадзе пристал ко мне: напиши о литераторах Грузии, которые отбывали свой срок в Карлаге. Кто теперь о них помнит, знает хотя бы их имена? И если расскажешь о них, то тебя грузины отблагодарят своим признанием за твой труд. Звонил мне Махатадзе почти каждый месяц, и как говорится, уговорил...

В карагандинском спецархиве Прокуратуры РК я узнал, что в Степлаге на рудниках Джекказгала отбывали наказания молодые писатели, студенты факультета философии Тбилисского университета Лев Софиалиди, Гиви Магулария, Тенгиз Залдастанишвили, Отия Пачкория и другие. Они были осуждены за попытку организации контрреволюционных действий, антисоветскую агитацию и пропаганду в Грузии сроком на 25 лет с отбыванием наказания в особых лагерях СССР. Использовали их в Степлаге на открытых медных карьерах и в шахтах, а также на кирпичном заводе.

Отия Пачкория всем побратимам по тяжкому труду рассказывал, что он, изучая философию и диалектический материализм, нашел в политике Носифа Сталина много отклонений от требований марксизма-ленинизма. Это прежде всего отрыв власти коммунистов от народа, отсутствие демократии на выборах в советы, преследования оппонентов, которых превратили во врагов народа и так далее. А самое губительное – это культ личности Сталина, необоснованное возвеличивание его дел. Конечно, говорить такое в сороковые-пятидесятые годы, после Великой Победы над фашистской Германией, было опасно и даже смертельно. Но у Отия Михайловича Пачкории (зэки его звали просто Отто) были единомышленники и даже последователи. К ним как раз относился его друг, ровесник Гиви Наевич Магулария, который осмелился назвать Сталина предателем народов СССР.

Забегая вперед, скажу, что выпущенные на свободу в 1995 году молодые литераторы Грузии сделали неплохую карьеру в литературе. Отия Пачкория вступил в члены Союза писателей СССР, долгое время работал заместителем главного редактора грузинского литературного журнала «Цискари» (Заря). Гиви Магулария тоже стал членом Союза писателей СССР. Он выпустил несколько книг о Гулаге, в том числе о Степлаге, Кенгирском вос-

стании политических заключенных в Джезказгане. О нем хорошо написал Шота Чаташвили в журнале «Дружба народов» №3 за 2004 год.

Мне доводилось много раз встречаться в Жезказгане с узником Степлага, писателем Юрием Васильевичем Грувиным. И он мне рассказал, что почти пять лет общался с литераторами из Грузии за колючей проволокой. Они даже научили его говорить по-грузински. В свободное время, сидя на нарах, Грунин переводил стихи грузинских поэтов на русский язык. Они тепло называли его «геноцвали», охотно рассказывали о том, за что получили 25 лет отсидки в лагерях. Оказывается, где-то в 1946 году, еще будучи старшеклассниками, они создали в Тбилиси подпольную организацию «Смерть – Берии». В нее входили те, чьи отцы и матери пострадали или были убиты во время сталинских репрессий бериевскими палачами. Среди членов этой организации был и поэт Булат Окуджава. Как мы знаем, его отца в тридцатые годы расстреляли, а его мать Ашхен Налбандян 11 июля 1939 года осудили как контрреволюционерку к пяти годам лагерей и пяти годам ссылки. Отбывала она свой срок в Карлаге. Долгое время никто не знал, где именно, в каком месте. Недавно мне прислали из Москвы воспоминания лагерной подруги Ашхен Ксении Чудиновой «Памяти невернувшихся товарищей». В них она рассказывает, что ее вместе с Ашхен привезли из Москвы на распределительный пункт Карабас, оттуда в Бурму, а затем в Батык. В Бурме на сельхозработах было занято больше тысячи заключенных. Чудинову с Ашхен включили в овощеводческую бригаду, состоящую почти полностью из политзаключенных. Отношение к ним со стороны урки-бригадира было как к собственным рабам. Он давал им самую тяжелую работу, посылал убирать пересохший горох, стручки которого, как ножи, резали руки. Издеваясь над политзаключенными, бригадир кричал: «Замывайте свои грехи троцкистские, сволочи, а то убью!» В Батыке было немного легче, но недолго. Начальника отделения Мишина, очень отзывчивого человека, вскоре самого посадили за то, что хорошо относился к политзаключенным, не издевался над ними. «Как мы выжили, известно только Богу!» Но Ашхен Степановна Налбандян, Зина Салчавик, Софья Зильгерберг, Ксения Чудинова проявили большое терпение. Они создали свою подпольную партийную группу, и тем спасались... Они дождались поезда №51, который вывез их на волю в Москву из Караганды...

Спасся во время разгрома подпольной организации «Смерть – Берии» и сын Налбандян Булат Окуджава. Видимо, молитвы матери из казахстанских степей дошли до Бога. В момент ареста группы антисталинских молодых борцов Булат Окуджава в Тбилиси не оказалось, он выехал на учебу в литинститут в Москву. И, благородство душ его арестованных сотоварищей, никто из них не показал на него. Мол, на занятия литературного объединения он ходил, но в политической организации «Смерть - Берии» не состоял. Особо свидетели мучали друга Булата Окуджавы - Володю Цыбулевского, но он никого из друзей не выдал. Вернулся из Степлага Цыбулевский больной, но продолжал много и упорно заниматься литературой, переводами, даже издал свой сборник стихов. Но вскоре силы покинули его – он умер от силикозной болезни. А было ему всего-навсего 47 лет! Булат не прерывал с ним дружбу до самого последнего дня, навещал его в больнице, посвятил ему стихи «На фоне Пушкина снимается семейство» и «Былое нельзя воротить...»

Среди членов организации «Смерть – Берии» было немного девушек. Молодая поэтесса Элла Маркман смело писала такие стихи:

*Слушайте вы, инквизиторы! Все тюрьмы, взятые вместе,
Не остановят расплаты: он предрешен, ваш удел.
И мы, утопая в слезах матерей, по колена
Омытые собственной кровью, смотревшие смерти в лицо,
Мы будем судить вас за наше обманутое поколение,
За наших убитых и заживо сгнивших отцов.*

Ее тоже отправили в Степлаг, в женскую зону. Она принимала участие в кенгирских событиях, дождалась своего желанного освобождения в 1955 году.

Элла Маркман дружила долгое время с поэтом Вадимом Поповым, который в Тбилиси был членом литературного объединения «Соломенная лампа». Там он общался и с Цыбулевским, Софианиди, Коммуналлой Маркманом, Отия Пачкорией. И на этом основании он вместе с девятью студентами Тбилисского университета попал на скамью подсудимых за недоносительство, неблагонадежность.

Вадим Попов в Джекказган прибыл одним тбилисским etapом вместе со своими друзьями, молодыми литераторами Тбилиси. Вместе с ними трудился на открытых карьерах, кирпичном заводе. И, о парадокс, даже в лагере вместе с ними ходил в гости в

лабораторию к знаменитому генетику, биологу, профессору Эфроимсону, который читал им лекции по литературе, культуре и эстетике. Вадим Попов даже посвятил стихи Эфроимсону, Софианиди и Пачкория.

*«Подогретый общим интересом,
на грядущий беспокойный сон
нам читает лекции профессор.
Он теперь – ээка Эфроимсон.*

*Только нам он дорог без протекций.
Разгоняет и тоску, и грусть,
да вдобавок после этих лекций
Гумилева итарит наизусть.*

*Мужеством балладным Гумилева
осветляет мрачность бытия.
Слушают: Софианиди Лева,
Отца Пачкория и я.»*

Они сохранили даже в тяжелых условиях особого лагеря любовь к жизни, литературе, культуре, искусству. А самое главное – свое человеческое достоинство. Узник Степлага, князь Андрей Трубецкой в книге мемуаров «Пути неисповедимые» вспоминает такой эпизод: «К фельдшеру Тенгизу Залдаганишвили заходил приятель и однодевец Отто Пачкория (компания нашего режимника Левы Софианиди – студенты из Тбилиси) – парень самоуверенный, нагловатый и в то же время немного кавалер. Бондарева («вольняшка», зверствующий лагерный хирург, заведующий в лагерной больнице), закончив работу и уходя, надевала пальто. Пачкория подошел к ней со словами: «Разрешите, я вам помогу». – «Вот когда будете на свободе, тогда и будете подавать пальто». – «А тогда я не захочу подавать вам пальто».

Конечно, так ответить необходимы смелость и мужество. Этими качествами обладали почти все молодые литераторы Тбилиси, сосланные в Степлаг. Сегодня о них знают в Грузии, чтят их. Их фамилии увековечили в современной «Истории Грузии» ученые М. Вачнадзе, В. Гурули и М. Бахтадзе. Кроме перечисленных мной литераторов – они называли также студентов Тбилисского университета Шота Джиджадзе, Алеко Меладзе, Жорес (Георгий) Цинцадзе. Они тоже были узниками Степлага.

Глава тринадцатая Трубка Эйхлера

Он любил попыхивать трубкой, как Шерлок Холмс. И хотя его легкие уже немного посвистывали, ссыльный редактор Детгиза Генрих Эйхлер не расставался со своей «любимицей» до последних дней жизни. Ведь эту трубку ему подарил сам генерал Лукач, а проще – знаменитый советский писатель Матэ Залка, который сражался в окопах Испании на стороне свободлюбивого народа...

В холодные зимние вечера в ссылке под Осакаровкой трубка Лукача согревала опального Эйхлера в сырых землянках, обдавая ноздри теплым, приятным, совсем не удушливым дымом... В Караганде Генрих никак не мог сосредоточиться на мыслях, никогда не начинал писать, пока не загорится божественный огонь в курительной трубке.

О, как это было давно – Москва, Детгиз, взволнованный рассказ Матэ Залки о том, как красноармейцы отбивали эшелон с золотом республики у белых... Он обещал тогда Эйхлеру написать повесть для детей об этом. Не написал. Не успел. Погиб в бою за свободу Испании. А вот незабвенная Лариса Рейснер, дорогая Лара, с первого дня знакомства пронзившая его сердце ангельским взглядом своих красивых умных глаз, успела написать обещанную ему повесть «Фронт», но, к сожалению, ей не довелось увидеть свою книгу отпечатанной. Повесть была издана только через шесть лет после ее кончины в издательстве «Молодая гвардия» в 1932 году. Редактором этой книги, конечно же, был Генрих Эйхлер, боевой и сердечный товарищ Ларисы Рейснер.

Ее знали и в Москве, и в Питере, на Волге и на Днестре, на берегах Каспийского и Черного морей. О ней слагали легенды, ибо она была первой женщиной-комиссаром, которая, не боясь пахабщины, грубых приставаний, матерщины и водочного перегара матросов, пошла работать с ними в самые темные низы, в самые грязные трюмы и кубрики, чтобы поддержать в «матросне» дыхание революции, великую веру в ее победу.

В те времена женщина в бескозырке – это абсурд, это нонсенс! Но, несмотря на неуважительное к ней отношение, Лариса добила много, посеяв в душах людей, ее окружающих, любовь к Октябрю, Ленину и будущему России. В этом ей помогал влюбленный в нее Генрих Эйхлер, красногвардеец отряда бал-

тийских моряков, штурмовавший в 1917-м Зимний Дворец, а затем попавший в составе этого отряда на Волжскую военную флотилию, которой командовал большевик ленинской гвардии Федор Федорович Раскольников.

Эйхлер постоянно ухаживал за Ларисой Рейснер, он был ее ангелом-телохранителем. Вместе они участвовали в знаменитой операции по спасению 432 красногвардейцев, попавших в плавающую тюрьму белого адмирала Старка. Это Генрих Эйхлер спустил лестницу в темный трюм баржи и крикнул вниз матросам во всю мощь своего голоса:

- Выходите, товарищи! Да здравствует свобода!

Тогда он удостоился первого поцелуя Ларисы Рейснер. И с тех пор она пускала его в свою маленькую каюту, полную гроздей алой рябины и книг. Никто иной, как Лариса Рейснер, приобщила его к чтению, и однажды он поставил своеобразный рекорд – прочитал за один месяц около ста книг. Правда, позже, когда Эйхлер станет редактором Детгиза, он осилит за месяц и более двухсот книг. А в дневнике Генриха, который найду в его архиве, я встречу такую запись: «Прочитал за последние полтора месяца 276 книг (рукописей – В.М.) да еще с выписками... Скука страшная! Ни одной свежей мысли, свежего штриха. Создается впечатление, что пишут иной раз не потому, что чувствуют необходимость, а в порядке выполнения договорных обязательств. Получается фальшиво, скверно».

Он был строгим редактором, и потому в потоке рукописей, приходящих в Детгиз, умел выбрать талантливые, самобытные. Он дал зеленую улицу первым книгам Константина Паустовского, Александра Беляева, Корнея Чуковского, Самуила Маршака, Юрия Тынянова, Петра Гаврилова, Елены Благининой, Рувима Фраермана... Всех не перечечь! Не зря Константин Паустовский в своей «Книге скитаний» написал об Эйхлере: «Его хорошо помнят все так называемые детские писатели старшего поколения. Он всем им сделал много добра».

В архиве Эйхлера как раз я нашел немало писем писателей, в которых они благодарили милого Генриха за поддержку, творческое сотрудничество, разумное редактирование. Большинство этих писем приходило по ссыльному адресу Эйхлера в гиблые места под Осакаровку, а затем в Караганду, куда он попал по милости власть придержащих сталинистов.

Изучая жизнь и творчество Эйхлера, листая его дневники и

блокноты, я обратил внимание на одну маленькую деталь: нигде он не восхвалял Сталина, нигде не упоминал его имени. В книге Ларисы Рейснер «Фронт» речь идет, в основном, о событиях 1918-1919 годов на Волге. Как раз в это время там «героически» действовал согласно версии краткой биографии И.В.Сталина «полководец революции». Но в книге Рейснер восхваляются подвиги на Волжском фронте совершенно других личностей, имя Сталина она ни разу не упоминает. Зато с особым чувством любви и уважения она пишет о Раскольникове, которого матросы буквально носили на руках.

Казалось бы, Эйхлер как редактор обязан был внести в книгу Рейснер имя Сталина хотя бы для того, чтобы избежать нападок сталинских цензоров от литературы. Но он этого не делает, в душе осуждая возрождение тоталитаризма в стране красных.

Его идеал революционера до мозга костей – Раскольников, в которого влюбилась Лариса Рейснер. Эйхлер ревновал, завидовал сопернику, но в силу идейных убеждений признавал за ним право на любовь Ларисы. Он называл Раскольникова большим кораблем, предвещая ему большое плавание. И не ошибся – за героическую боевую работу по командованию Волжско-Каспийской флотилией, разгромившей белогвардейской флот Каспийского моря Раскольников был дважды награжден орденом Красного Знамени.

В своей комнате Эйхлер всегда хранил на видном месте фотографию, на которой были запечатлены полпред в Афганистане Ф.Ф. Раскольников и Лариса Рейснер среди сотрудников советского посольства. Этот снимок ему подарила Лара где-то в 1924 году, когда она с Раскольниковым вернулась из Афганистана. Тогда Федор Федорович первым из советских дипломатов был отмечен орденом иностранного государства.

В 1924 году Раскольникова назначают главным редактором журналов «Молодая гвардия» и «Красная новь». Лариса Рейснер и Эйхлер становятся его первыми помощниками и вдохновителями. По их совету Раскольников пишет книгу воспоминаний «Кронштадт и Питер в 1917 году», мемуарные очерки «Рассказы мичмана Ильина»... Казалось, их тройственному союзу жить и торжествовать на радость тысячам читателей! Но вскоре Раскольникова посылают полпредом СССР в Эстонию, затем в Данию, Болгарию. Чаша яда Сталина, предназначенная для верных ленинцев-ветеранов партии, его благополучно минует. Но до

поры – до времени... В 1937 году Сталин, расправившись с «врагами народа» внутри страны, поворачивают свой лик в сторону тех, кто работал за рубежом. Оказывается, живы еще дипломаты-поклонники Зиновьева, Бухарина, Каменева, Троцкого... Их необходимо вызвать в Москву якобы для повышения, а на самом деле – довести их до отчаянного понижения, унижения и, наконец, уничтожения. Первыми бесследно исчезли в кровавых катакомбах НКВД дипломаты Антонов-Овсенко, Лев Карахан, вызванные якобы для повышения, вручения генеральских погон. За ними должны были последовать Рейсс, Кривицкий, Орлов... Но они не пожелали разделить злую участь Антонова-Овсенко, Карахана, и скрылись за рубежом, затерявшись в толпах белоэмигрантов под псевдонимами.

Почувствовал роковую опасность и посол в Болгарии Федор Раскольников. Он случайно нашел свою книгу «Кронштадт и Питер в 1917 году» в списке запрещенных, и понял, что стал крамольным писателем, ибо обошел великую роль Сталина в создании партии, не окрестил его вдохновителем и организатором победы Великой Октябрьской Социалистической революции, сподвижником Ленина, руководителем всем делом подготовки восстания. За правду тоже надо платить! И сталинская нуля, выпущенная из Кремля, может остановить его сердце, и тогда он не сможет высказать всю свою ненависть к сталинизму, мучителю всех народов СССР Джугашвили. И когда Раскольникова вызывают в Москву из Софии, якобы для переговоров о новом назначении в Мексику или Чехословакию, то он уже точно знает, что это западня для него и его печальный конец. И он делает «ход конем» - выезжает из Софии в Москву на поезде, но в пути соскакивает на ближайшей станции и едет в Париж. 12 октября 1938 года его тревожит консульство СССР во Франции, мол, вас вызывает Сталин, «никаких политических претензий нет», по приезде в Москву вам «ничего не угрожает». Раскольников еще на что-то надеется, он вспоминает трепет губ Ларисы Рейснер, ее горячее дыхание и объятия в ночном парке имени Горького.... Но тут же одергивает себя: Ларисы давно нет, ее смерть загадочна, покрыта какой-то неразгаданной до сих пор тайной. Зачем же ему возвращаться туда, где его давно покинули любовь, признание и нежный запах красивых кудрей любимой женщины? Он тяжело тянется к пистолету, и вдруг не выдерживает – резко отталкивает его от себя. Пистолет громко падает на деревянный пол гостиницы.

В ту ночь Раскольникову открываются новые шлюзы видения мира, смысла жить и бороться. И он пишет «Открытое письмо Сталину», в котором с презрением и большой душевной несправедливостью развенчивает культ личности вождя всех народов, выступает в защиту невинно пострадавших видных деятелей партии и советского государства, против клеветы на них. Наконец, 26 июля 1939 года он публикует в прессе за рубежом открытое заявление «Как меня сделали «врагом народа», в котором обвиняет Сталина в убийствах Карахана, Антонова-Овсеенко и других верных ленинцев. Там были такие строчки: «Над порталом собора Парижской Богоматери, среди других скульптурных изображений, возвышается статуя Святого Дениса, который смиренно несет собственную голову. Но я предпочитаю жить на хлебе и воде на свободе, чем безвинно томиться и погибнуть в тюрьме, не имея возможности оправдаться в возводимых чудовищных обвинениях».

И далее: «Ваша безумная вакханалия не может продолжаться долго. Бесконечен список ваших преступлений. Бесконечен список имен ваших жертв. Рано или поздно советский народ посадит Вас на скамью подсудимых как предателя социализма и революции, главного вредителя, подлинного врага народа, организатора голода и судебных подлогов».

Это письмо Раскольникова в 1939 году было опубликовано в газетах Парижа. Сталин не мог простить дипломату такой «оплошности». Раскольников был заочно исключен из партии, заочно осужден как враг народа к смертной казни. В том же году агенты НКВД убили Федора Федоровича в Ницце, выбросив его из окна гостиницы на мостовую.

Мог ли знать об этом Эйхлер? Конечно! Слухи из-за рубежа в то время быстро доходили в писательскую среду, наиболее прогрессивную часть народа. И Эйхлер в любой час, в любую минуту ожидал, что его арестуют за связь с врагом народа Ф.Ф. Раскольниковым, а там...

Чувство страха перед будущим тогда не покидало многих писателей. Ибо из их рядов неожиданно по ночам исчезали самые-самые, те, кто осмеливался выступить против линии Сталина и его подручных. Так, еще в 1933 году был арестован муж детской поэтессы Елены Благиной – поэт Георгий Оболдуев за антисоветскую пропаганду, осужден на 3 года с высылкой в Карелию. В те годы Эйхлер часто навещает Благинину, утешает ее, как может. Он помогает ей советами по созданию поэтических книг «Осень», «Садко», «Вот такая мама».

Но Сталин всемогущ, всеяден. В 1941 году дошла очередь и до Эйхлера, его высылают из Москвы в Казахстан как немца. Уезжает с ним и его супруга – вечно верная ему Нина Федоровна Ходня. Эйхлер рвется в Москву, но не тут-то было! И тогда в его защиту один за другим встают писатели России. И первым, кто поддерживает его, поднимает голос за него была его любовь, вера и надежда Елена Благинина.

Да, она была для него ангелом добрых дел! Судя по их переписке, Елена заказывала для Эйхлера в Лавке писателей литературные новинки, книги, журналы, приобретала их и высылала ему в Казахстан. Она сообщала Генриху Леопольдовичу обо всех литературных событиях в Москве, выставках картин, премьерах спектаклей и кино. В письмах она называет его «родной Генрих», «мой дорогой друг», «милый».

Но если бездействовать, то трава забвения будет расти не по дням, а по часам. И она немало порогов оббила у Тихоновых, Михалковых с просьбами вернуть Эйхлера в Москву. Но, увы... Трава забвения продолжала расти. Она даже стихи перестала писать. И сообщает ему: «Нельзя в таком свинстве обретать, писать стихи».

Чтобы морально поддержать Эйхлера, она рассказывает ему о возвращении Николая Заболоцкого из Караганды в Москву, о том, что он перевел на литературный язык «Слово о полку Игореве». И не унывает!

Долгая творческая дружба связывала Эйхлера с Кукрыниксы. Причем, она продолжалась и тогда, когда Эйхлера сослали в Казахстан в холодную и никчемную ссылку под Осакаровку в поселок №5. В архиве Генриха Леопольдовича сохранилось письмо известного художника Михаила Васильевича Куприянова, написанное им 24 августа 1942 года. В первых строках он рассказывает о своих творческих радостях – выходе нескольких книжек («Уроки истории» в Гослитиздате, «Блиц-фрицы» в Детгизе). Затем сообщает: «Сегодня у нас очень радостный день – в сегодняшнем номере «Правды» описаны подвиги нашего танка «Беспощадный». Я вам писал о том, что Сталинскую премию мы вместе с Маршаком, Михалковым, Тихоновым и Гусевым отдали на покупку тяжелого танка «КВ», и вот он теперь отличился – порубал массу всякой техники и фрицев. Это так приятно было услышать. Я был сегодня весь день как безумный от этой огромной радости. Если достанете – прочитайте. Главное, всех ребят из эки-

пажа мы знаем, провожали их на фронт, ребята замечательные – один к одному. «Правда» от 24 августа на 2 странице».

В письме Михаил Куприянов находит добрые слова утешения Эйхлеру: «Часто вспоминаю хорошие наши вечера, а сейчас все раскиданы в разные стороны, но я все-таки твердо верю, что скоро опять будем все вместе и опять соберемся, и хорошо поговорим... Крепко вас целую. Ваш Миша».

Многим обязан Эйхлеру русский советский писатель, литературовед Юрий Николаевич Тынянов. Мало кто знает, что Генрих Леопольдович решил включить в план издания Детиздата в 1935 году исторический роман Тынянова «Кюхля» о декабристе В.К. Кюхельбекере, и сразу получил от Юрия Николаевича согласительное письмо. Его я также нашел в архиве Эйхлера. Датировано оно 3 октября 1935 года. По просьбе Генриха Леопольдовича Тынянов начал писать исторический роман «Пушкин», однако не успел завершить его. В 1943 году писателя не стало. Эйхлер узнал об этом в Караганде от Нины Федоровны, выбежал из дома на улицу, сел на скамейку и зарыдал. Он плакал до тех пор, пока не достал из кармана свою знаменитую трубку. Но печаль души долго оставалась с ним.

В Караганде сам Генрих Леопольдович не порывал с творчеством. Большую ценность представляют тетради его записей с пометкой «Для себя лично». Тут мы находим его воспоминания о В.И. Ленине, Н.Крупской, М.Пришвине, Л.Леонове, Д.Бедном, Б.Житкове. Тут же материалы, наброски к задуманному им роману о Севастополе, наброски его писем к Н.Тихонову, К.Паустовскому, Б.Эйхенбауму, С.Колбасьеву (тоже репрессированному писателю). Даже есть черновик письма к Берии – с просьбой выволить его из ссылки. Увы, увы... Первый палач Сталина молчит, даже не удостоивает Эйхлера ответом.

Еще в Москве Генрих Леопольдович крепко подружился с бывшим моряком, писателем Петром Павловичем Гавриловым, который многим читателям известен как автор рассказа «Егорка». Гаврилов высоко ценил редакторский талант Эйхлера, и считал его насильственную отправку в Казахстан большой потерей для литературы. Он проявил себя отчаянным смельчаком, когда написал в защиту Эйхлера письмо на имя помощника Сталина А.Поскребышева и организовал под ним более двадцати подписей известных писателей. Просьба была одна – выволите из ссылки Эйхлера, замечательного редактора, он нужен писате-

лям Москвы. Официального ответа Гаврилов плюс двадцать писателей так и не получили. Был звонок из Кремля Поскребышева - он сказал Гаврилову в таком духе: Эйхлер нужен Казахстану, пусть занимается там просветительской деятельностью. Квартира у него есть, работа в школе предоставлена, жена с ним – что ему еще нужно? Пусть не будоражит писательскую общественность... А то будет хуже!

А Эйхлер уже давно никого ничем не будоражил. Жаль было расставаться с прошлым, любимым делом редактирования книг, но все это уже в минувшем. Он стал нужным и здесь в Караганде сотням юношей и девушек, школам, где он превосходно преподавал родную литературу. В нем во - всю раскрылся талант педагога, оратора, Учителя с большой буквы. Вот развязываю стопку его тетрадей-блокнотов, листаю их и нахожу... О своем новом призвании Эйхлер пишет: «Хоть и не мое родное дело, но дело замечательное. И кем бы я был, если бы отнесся к нему без души. Я не был бы самим собой».

Его до сих пор отлично помнят в карагандинской средней школе №3, где он преподавал, там создан уголок памяти Эйхлера. А в 1990 году в областном историко-краеведческом музее был открыт стенд, посвященный жизни и творчеству Эйхлера. На самом видном месте – трубка Генриха, подаренная ему генералом Лукачем. Казалось, из нее шел приятный дымок, который так любил Эйхлер, работая над своими мемуарами и записями...

Глава четырнадцатая Можжевательник Юло

Он любил ее самозабвенно, мечтал о встрече с ней днем и ночью. «Это моя судьба», - говорил он себе. И однажды не выдержал, взял лист бумаги и написал ей несколько строк: «Я думал, что забуду Вас, но не могу». И загадочно подписался «Ю».

Кто же такой этот «Ю»? Узница Карлага Лидия Серх, репрессированная за «шпионаж в пользу США», получив письмо от «Ю», вспомнила, что недавно она с подругами побывала в Долинке, куда их доставили для обустройства выставки достижений совхоза «Гигант» НКВД. На эту выставку они привезли яблоки, тыквы, колосья ржи, самые лучшие образцы, выращенные на их участке в совхозе. Начали выгружать в Дом просвещения, где должна была состояться выставка, и разные стенды, диаграммы об успехах Карлага в сельском хозяйстве.

- Да, нарисовано не очень чисто, - вдруг услышала Лидия голос принимавшего стенды юноши. - Ну, ничего – подправим.

Оказалось, этот юноша был художник Юло Соостер из Эстонии. Его обвинили в попытке бегства из СССР в Париж с группой выпускников художественного института в Тарту. Всех их арестовали за попытку захвата самолета. Юло приговорили к 10 годам ИТЛ. Согласно постановлению Министра госбезопасности ЭССР, полковника Москаленко от 15 февраля 1950 года для отбытия наказания Ю. Соостера отправили в Особый лагерь МВД СССР – Карлаг.

Как мне рассказали секретные документы, наш художник, мечтавший о Париже, попал в Долинское отделение Карлага, где долгое время работал столяром, затем пожарником. Однажды командир пожарной команды увидел, что Юло во время дежурства рисует своих товарищей-пожарников.

- А меня можно? – спросил командир.

-Пять рублей за рисунок,- как ни в чем не бывало ответил Юло, не поднимая головы. А взглянул на пришельца – оторопел: что же теперь будет?

- Да не бойся,- успокоил его командир. – Нарисуешь мой портрет – в художественную мастерскую переведем, будешь заниматься своим любимым делом.

Но заниматься своим любимым делом Юло не пришлось – ему приказали наладить наглядную агитацию в лагере. Портреты

Ленина, Сталина, членов Политбюро – писать надоело, но надо... Надо, иначе последнего куска хлеба, последней миски баланды лишат! А писать портреты заключенных, виды лагеря, поселка ему запретили... И когда «кум» узнал, что он тайком продолжает рисовать на запретные темы, то дал команду все его рисунки сжечь в буржуйке, чтобы другим художникам не повадно было режим нарушать. Юло бросился вызволять из печки свои произведения – кум ударил его сапогом в лицо так, что выбил все передние зубы.

И если до этого в душе Соостера теплилась надежда на справедливость Советов, то отныне он стал противником их непримиримым.

Слава Богу, в 1953 году скончался Сталин! Опять в душе появилась надежда на лучшую жизнь и свободу. Первой весть о кончине вождя всех народов доставила в Долинку Лидия. Она к тому времени уже была расконвоирована, имела право ездить в радиусе десяти километров по лагпунктам и полям. Она получала почту и свежие газеты для своего отделения. И вдруг увидела на первых газетных полосах – портрет Сталина в траурной рамке! Лидия кинулась к Юло, по пути к нему нарвала в теплице букет подснежников и, вручая цветы возлюбленному, крикнула:

-Наконец-то, Сталин умер!

-Неужели издох? - не поверил Юло.

Ясное дело, вскоре их освободили, и они поехали в Эстонию к родителям Юло и там обвенчались. Однако работы в Таллине не было, а голод не тетка.

Но тут Лидии пришло письмо из Москвы от мамы с известием, что дочь реабилитирована и может возвращаться в родной дом. Это были самые счастливые времена в жизни Лидии и Юло! Она тоже ведь была художником, и помогала Юло в работе, как могла. А заказов у него в Москве хватало. Он подружился с главными редакторами издательств «Знание», «Мир», «Детгиз», даже «Молодой Гвардии», «Известий» - и они заказывали ему иллюстрации к выпускаемым книгам. Юло был доволен, что ему выпала честь создавать графические рисунки к таким великолепным книгам как повести Айзака Азимова «Путь Марсиан», Аркадия Львова «Бульвар Целакаптус», Юхана Смуула «Ледовая книга»...

Круг его друзей, поклонников таланта рос и рос. Они собирались в кафе «Артистическое», договаривались о выставках, но-

вых работах... Среди них были и Булат Окуджава, и Роберт Рождественский, и Эрнст Неизвестный.

Однажды договорились открыть выставку, посвященную 30-летию Московского Союза художников в Манеже. Было это в 1962 году. В своей книге воспоминаний «Мой Соостер», изданной в Таллине в 2000 году, Лидия Соостер (Серх) об этом пишет так: «Вот как-то Юло приходит и говорит мне, что у них будет выставка в гостинице «Юность». Стали готовиться, отбирать работы, а потом им предложили выставку перенести на второй этаж Манежа. Они обрадовались — еще бы, такое прекрасное место. Волновались перед посещением Хрущева очень, думали, во что одеться, в итоге все были в костюмах и с бабочками.

Ну, что вышло из этого посещения, хорошо известно, рассказывать нет надобности. У Юло спросили про одну из картин: «Это что такое?» А у него от волнения всегда акцент увеличивался. Он говорит: «Это лунный пейзаж». А Хрущев тут же начал кричать: «Я тебя за границу вышлю, я тебя в лагерь отправлю!» Юло ответил: «Я там уже был». Тогда Хрущев сказал, что его надо не высылать, а исправлять. Тут как раз подоспел Эрнст Неизвестный и потянул Никиту в другой зал к своим скульптурам. Хрущев его тут и обвинил в том, что он медь ворует, а Эрнст стал объяснять, что он ее по свалкам собирает... Скандал вышел кошмарный.

Потом была встреча с творческой интеллигенцией, на которую велели являться с паспортами. О ней (вернее, о них — их было четыре) уже много писали. Юло тогда лучше всех запомнил Беляу Ахмадулину. Она спросила, что теперь с нами всеми будет? Ей ответили, что работать дадут. Но работы потом еще не было долго. Картины Юло вернули только через полгода, а о работе и разговору не было.

Много позже Юло стал потихоньку что-то делать, и то под чужой фамилией. Если бы не мама, не друзья, то я не знаю, как бы мы выжили».

И далее Лидия пишет: «И все равно — если бы не Хрущев, мы бы просто погибли в лагерях. А что касается всего последующего, так в этом не столько он, сколько его окружение виновато было. Юло всегда говорил, что один человек не может во всем разбираться и все понимать, да и не должен. В том, что губили Фалька, Никонова, Неизвестного, Якилевского, Жутовского, Соболева, Кабакова, Штейнберга, Гутнова, виноват был не столько

Хрущев, сколько Союз художников. Это там сидели люди, которые не хотели ничего пропускать, потому что они тогда лишились бы куска хлеба».

Когда Юло умер, Жутовский пришел к Хрущеву и сказал, что скончался художник, которого он когда-то ругал. Хрущев ответил, что он сам тогда ничего не понимал, а пошел на выставку и ругал всех, потому что так было нужно ЦК, художники слишком много себе позволяли. Но потом он очень об этом жалел.

Юло никогда не понимал, как может искусство программироваться начальством. Он был абсолютно свободен, и ему казалось, что его загоняют в клетку, из которой он не мог найти выхода.

В книге Лидии много размышлений о творчестве Юло. Она отмечает, что ни одна его книга не выходила просто. Всегда приходилось переделывать по несколько раз. Особенно тяжело шли у Юло обложки, иногда он мог до тридцати вариантов одной обложки сделать. Как-то он оформлял эстонскую книгу «Правда и справедливость», там у него на обложке были изображены два крестьянина, спорящих друг с другом. Так его обвинили в том, что один из крестьян с бородкой клинышком похож на Ленина. Разразился целый скандал, мол, Юло издевается над Ильичем!

Он был родом с острова Хийумаа — там росло много можжевельника, и художник любил его писать. Когда он в первый раз показал Лидии такую картину, она была поражена, не могла понять, что это. Но потом присмотрелась, картины уже не казались ей странными, они были похожи на эстонские пейзажи. Юло любил в Эстонии дарить Лидии веточки можжевельника, он украшал ими комнаты, от них всегда пахло свежо и приятно. Когда он узнал, что Илья Репин заплел арчой беседки, аллеи, все стены своего дома в Куоккале, то печально сказал Лидии:

- Жаль, что у нас нет дачи, я бы тоже оплел все заборы можжевельником. Представляешь, какая радость была бы у нас — вдыхать чистый воздух арчовых? Такого родникового воздуха никогда не было в лагерях, его нам не доставало — мы задыхались от пыли и грязи.

Еще у Юло была целая серия работ: громадные яйца над землей. Его занимала идея яйца, он видел в нем символ жизни. В Таллиннском музее хранится его картина — большое белое яйцо, а внутри голубь.

Свою книгу Лидия Соостер завершила так: «Похоронила я его в Таллине, на Лесном кладбище. Юло в последние годы так хотел

вернуться в Эстонию, чувствовал себя эмигрантом, говорил, что у него отняли Родину. Долго думали, какой памятник поставить, в итоге решили поставить яйцо – по Соостеру – это символ жизни!

Постамент, на постаменте — большое яйцо из бронзы. А вокруг - кусты его любимого можжевельника по всей ограде. Сегодня Юло Соостеру было бы 90 лет.

Глава пятнадцатая **Безымянные тюльпаны**

Десять лет я прожил в Джезказгане, работая собственным корреспондентом газеты «Казахстанская правда». И, конечно же, постоянно находил следы былой жизни заключенных Степлага. Многие о ней мне рассказала узница особлага в Кенгире, подруга моей мамы Анна Стефанишина. Она довольно часто приходила к нам в гости в городе Никольском вместе со своим мужем Володей. Как я уже писал, была она малоразговорчива, но, судя по всему, многое знала о Степлаге и его обитателях. Она впервые назвала мне фамилии поэтов, томившихся в Кенгире Руфь Тамари-ну, Терентея Масенко, Матвея Талалаевского. Это были люди, которые своей верой в завтрашний день, близкое освобождение «от оков тирана Сталина» буквально заряжали всех узников Степлага, всех тех, кто с ними общался. Особенно хорошо отзывалась Анна о Матвее Талалаевском, который организовывал концерты в Степлаге в 1952-1954 годы, сам прекрасно читал свои стихи со сцены. Он как раз и был душой коллектива поэтов, томившихся в Кенгире, обреченных на произвол и унижение хозяев в красных погонах.

- Я помню его – статного и красивого, - говорила мне Анна Стефанишина. – Однажды он поднялся на сцену, подошел к старенькому пианино, заиграл и запел песню военных лет... Это была песня Модеста Табачникова «Когда мы покидали свой любимый край». А слова этой песни принадлежали самому Матвею Талалаевскому.

Когда Анна рассказала об этом факте, то я сразу же вспомнил, что стихи к песне Табачникова Матвей Талалаевский писал вместе с другом фронтовых лет, журналистом Зельманом Кацем. В 1943 году они вместе работали в редакции фронтовой газеты «Сталинское знамя». И довольно часто выезжали на передовую. Однажды, когда они вернулись в редакцию с мест боев и пожарниц, чтобы «отписаться» и хоть немного отдохнуть, к ним подбежал взволнованный Табачников (он тоже состоял в штате фронтовой газеты) и крикнул:

- Ребята! Наши войска взяли Ростов-на-Дону! Надо бы посвятить этому событию песню.

И он начал напевать мелодию, то и дело повторяя слова: «И

вот мы снова у стен Ростова»... Талалаевский и Кац сразу подхватили: «И вот мы снова у стен Ростова, в отцовском дорогом краю».

Откуда я все это знал? Когда я работал в Ростове-на-Дону в редакции газеты «Молот», то, помню, в 1975 году мне доверили выпустить книгу – сборник материалов «Ратный и трудовой подвиг ростовчан» – к тридцатилетию Великой Победы. И работники областного партийного архива передали мне огромную папку с документами, подобранными специально к этой дате. И среди них стихи фронтовых лет разных поэтов, в том числе Талалаевского и Каца. И на всю жизнь я запомнил их текст к музыке Табачникова... Он до сих пор хранится у меня в архиве.

*«Когда мы покидали свой любимый край
И молча уходили на восток,
Над тихим Доном,
Под старым кленом
Мягчил долго твой платок...*

*Я не расслышал слов твоих, любовь моя,
Но знал, что будешь ждать меня в тоске.
Не лист багряный,
А наши раны
Горели на речном песке.*

*Изрытая снарядами стонала степь,
Стоял над Сталинградом черный дым.
И долго-долго
У синей Волги
Мне снился Дон и ты над ним.*

*Сквозь бури и метелицы пришел февраль,
Как праздник, завоеванный в бою.
И вот мы снова
У стен Ростова,
В отцовском дорогом краю.*

*Так здравствуй, поседевшая любовь моя.
Пусть кружится и падает снежок
На берег Дона,
На ветки клена,
На твой заплаканный платок.*

*Опять мы покидаем свой любимый край.
Не на восток – на запад мы идем.
К днепровским кручам,
К пескам сыпучим.
Теперь и на Днестре наш дом».*

В свое время эту песню исполнял, насколько я помню, ансамбль песни и пляски Северо-Кавказского округа. О ней написали в газете «Мой Ростов» ветераны 4-го Украинского фронта как о самой любимой песне фронтовиков.

К сожалению, в сборник «Ратный и трудовой подвиг ростовчан» она не попала. Цензор снял ее, укоряя меня:

- Вы разве не знаете, что Талалаевский после войны стал «врагом народа», сидел в лагерях? Еще не время его имя восстанавливать...

И вот спустя несколько лет в Казахстане я узнаю от Анны Стефанишиной, что, действительно, Матвей Талалаевский, журналист-фронтовик, гвардии майор, награжденный двумя орденами и тремя медалями за ратные и трудовые подвиги, был осенью 1951 года репрессирован, приговорен в 10 годам лишения свободы с содержанием в ИТЛ строгого режима. Он пробыл в Кенгире три года. В разных архивах СНГ сохранились копии его писем из лагеря дочери Ирине и жене Кларе (ищите в Интернете).

В письме от 22.03.54 г. он им пишет, что «с переходом на новую физическую работу очень с непривычки устают руки и ноги. Надеюсь, что нервы укрепятся и мускулатура тоже». А в письме от 25.05.54 г. он описывает свою новую работу: «Работаю в столовой главполкомом, т.е. мою полы, окна, столы, и очень жалею, что перестал быть грузчиком и штукатуром. Но хныкать не надо – был ведь и Горький посудомоем. Пригодится для будущих моих романов!»

Его оптимизму можно было только позавидовать! Веру в будущее, что придет время и справедливость восторжествует, поддерживали и укрепляли в нем письма дочери и супруги. Ирина пишет ему 9 августа 1952 года: «Вчера я, наконец-то, прочла твое первое письмо издалека. Как оно меня обрадовало! Ведь это значит, что у нас вновь восстановлена связь с тобой, что ты ожил для нас, что ты снова приобрел глаза во внешнем мире. Мы будем стараться, чтобы наши письма служили тебе опорой на твоём труд-

ном пути. Главное: верь и верь крепко, что мы по-прежнему верны тебе и крепко верим, что еще и на нашей улице будет праздник. Мои друзья, знающие о несчастье, глубоко сочувствуют тебе и страшно сожалеют о случившемся. Они не верят, что ты был повинен, так же, как в этом убеждены и мы. Мужайся, ведь ты сильный, я верю в тебя, отец!»

Вера в освобождение, близкое и справедливое, звучит также в письмах жены Клары. Она пишет ему 5 сентября 1952 года: «Будь здоров и крепок, мужайся, Мотичка, мой единственный. Я верю, что ты еще докажешь свою невиновность».

Талалаевский вел себя в лагере мужественно, достойно высокого имени воина и поэта. Будучи «главполомоем» в столовой, он тем не менее продолжал душой жить в небесах... Но поскольку он был честным поэтом, суровая действительность пробивалась и в его стихи. До сих пор сохранились его кенгирские тетради, а в них стихи, написанные в бараке. В стихотворении «Ирина» он пишет:

*«Дочь обиделась на отца!
Мол, забыл, мол, письмо ей не пишет,
У него же тоска без конца
И от грусти он еле дышит.
Не измерить ту грусть! А тоска –
Горные хны, темнее бурана.
Сжала сердце его в тисках
В бессердечных песках Казахстана.
Он когда-то о них читал
В дневниках и стихах Тараса...
Пусть Кенгир и не Кос-Арал,
Где томился поэт, но потряслася,
Точно гром – поразила беда,
Боль и стыд ему сердце гложет,
В злой разлуке проходят года,
Безучастны друзья. Кто поможет?»*

Так что душевные срывы посещали и Талалаевского. Горько и обидно было ему, что на милой Украине молчат, не встают на его защиту побратимы, будто и не было такого писателя как он.

И все же, к его радости, он ошибался. Первым на его защиту встал великий украинский поэт Максим Рыльский. Как оказалось позже, жена Клара и дочь Ирина «пробились» к «академику» и рассказали ему всю правду об аресте Талалаевского и его

страданиях за колочей проволокой в Кенгире. Они думали, что он сразу же откажет им в поддержке. Ведь к тому времени Максим Рыльский уже был дважды лауреатом Государственных премий СССР, депутатом Верховного Совета СССР. Но лидер поэтов Украины им не отказал ни в чем. Вежливо выслушав посетительниц, он вдруг взорвался:

- Что хотят, то и творят эти органы! Я ведь сам побывал в их лапах, и хорошо себе представляю, как тяжело Матвею Ароновичу.

И он рассказал, что где-то в 1935 году его посадили, обвинив в терроризме, попытке отторжения Украины, неоклассицизме и буржуазном национализме. Его уже готовили к отправке на Соловки, сам нарком внутренних дел Украины Балицкий санкционировал эту идею. И вдруг звонок из ЦК:

- Максима Рыльского освободить, больше того – извиниться перед ним за промахи НКВД и отправить в санаторий на лечение.

Что же произошло? А спас Рыльского «господин Случай». Иосиф Виссарионович Сталин любил по ночам просматривать новые книги, вышедшие в СССР. И неожиданно, к счастью Максима Рыльского, прочитал его стихотворение, посвященное Великому вождю. И оно так приглянулось Сталину, что Иосиф Виссарионович наложил на нем резолюцию: «Автора поощрить, может быть, из него со временем выйдет новый классик украинской литературы».

Так оно и получилось. Максим Рыльский стал классиком при жизни, его больше не трогали власти, наоборот – всячески поощряли.

- Помогу как могу, - сказал как отрезал Максим Рыльский. – Ждите скорого возвращения Матвея Ароновича, - я уверен, он не виновен, дело пересмотрят.

В то же день у «академика» побывали и родственники писателя, участника ВОВ Григория Полянкера, также попавшего в опалу. Им тоже Максим Рыльский пообещал содействия в освобождении невинного человека из плена лагерей.

И что же? Максим Рыльский сдержал свое слово. 19 марта 1954 года он как депутат Верховного Совета СССР направил письмо в МВД СССР. В нем, в частности, написал: «Много лет я знал писателей Григория Полянкера и Матвея Талалаевского, часто общался с ними, читал их произведения. Никогда никаких сомнений не возникало у меня относительно того, что это честные советские люди, советские писатели, притом писатели талантлив-

вые. Самоотверженная их работа на фронте во время Великой Отечественной войны мне кажется подтверждением этого мнения. Должен прибавить, что никаких разговоров о «национализме», об антисоветских тенденциях названных писателей в Союзе Советских Писателей Украины не возникало».

Это письмо, заметим, было датировано мартом 1954 года, а уже в ноябре этого же года Талалаевский был освобожден и полностью реабилитирован. С освобождением его поздравляли композитор Табачников, писатели Бажан, Андроников, Кассиль, Кетлинская, Озеров, Шатров, Бычко, ну и, конечно же, верный друг, соавтор многих военных стихов Зельман Кац.

Хотя правда восторжествовала, однако отношение к Талалаевскому очень долгое время в издательствах и СП оставалось более чем прохладное. Клеймо «врага народа» сразу с его фамилии не сошло, и его рукописи месяцами лежали в издательствах невостребованными. Некоторые бывшие друзья, увидев Талалаевского на улице, отворачивались от него или переходили на другой тротуар. Всех писателей, с кем он дружил, тоже не очень чествовали. Характерны в этом отношении письма к нему Зельмана Каца. Так, в письме от 2 ноября 1956 года он рассказывает Матвею о встречах с московскими писателями: «Сотни встреч... Теперь, когда свежие впечатления улеглись, остался горький осадок. Я тут – отрезанный ломоть. Даже в разговорах с самыми старинными и честными друзьями звучало не то что отчуждение, но такая интонация: «Жив? Здоров? Ну, живи, живи». Пробовал я поговорить с Ошаниным. «А о чем говорить? Если об издании, так ведь мы – московская секция... О чем же говорить?»

- Неужели не о чем говорить двум поэтам, даже если один из них живет в Москве, а другой в Харькове?

- Нет, отчего же. Можно встретиться. Хоть, честно говоря, я чертовски занят.

Крепкое рукопожатие, и уже на ходу:

- Рад был Вас повидать... А то ведь в конце войны ходила легенда, что Вы и Мотя Талалаевский погибли...

- Ошибаетесь. Мы погибли гораздо позже.

Ошанин оглушительно смеется...

Встретился я и с Женей Долматовским. Он только-только вернулся из Парижа и говорил со мной так, словно он сам стоял на вершине Эйфелевой башни, а я внизу. Ну, бог с ним, довольно здословить».

В письме от 19 марта 1958 года Кац пишет: «Мотя! Читал ли ты во втором номере «Нового Мира» статью-подборку: «Писатели в ВОВ»? Какая же подлая и бесчестная рука листала комплект «Сталинского знамени», выискивая в нем 2-3 стихотворения Грибачева и проскакивая мимо сотен стихотворений З. Каца и М. Талалаевского. Обидно. Но это не первая и не последняя обида. Ну да ладно, черт с ними!»

Сам же Талалаевский старался не обращать внимания на «культурные беседы», равнодушные новых «гениев» советской литературы, редакторов и журналистов. Он говорил Кацу:

- Да бог с ними – слабыми и падкими на славу и большие гонорары. Будем, как в войну, трудиться до упаду, и удача посетит нас... Самое страшное – аресты, Кенгир позади...

И, действительно, этот настрой помог выжить Талалаевскому. Пришел и на его улицу праздник – с большим успехом прошли на сценах украинских театров его пьесы «Первые ландыши», «На рассвете», в Москве вышли его книги стихов «Солнечная осень», «Зеленые всходы»...

В самый водоворот антисемитской кампании в СССР в 1947-1953 годы попадает не только Талалаевский, но и десятки других поэтов и прозаиков Украины и России. Вместе с Талалаевским на станцию Джезказган в столыпинском вагоне прибыли известные украинские поэты из Киева Аврам Гонтарь и Терень Масенко.

Ровесник Матвея Ароновича Талалаевского, Аврам Юткович Гонтарь всячески поддерживал все начинания фронтového поэта, охотно участвовал в его концертах для заключенных, читая свои прекрасные стихи.

О поэзии Гонтаря я впервые узнал в 1976 году от донского поэта Даниила Долинского, который работал заведующим отделом в журнале «Дон». Именно в тот год в Москве вышло избранное Аврама Гонтаря в престижном издательстве «Художественная литература» с предисловием поэта и критика Льва Озерова, весьма знающего толк в поэзии. Расхваливая стихи А. Гонтаря, он и словом не упомянул, какой ценой ему достались «проникновенный лиризм, глубоко пережитое содержание». А ведь уже приближался восьмидесятый год, культ личности давно развенчал Хрущев, и можно было вспомнить проклятый людьми Кенгир и бараки, полные смрада и вшей, через которые прошел Гонтарь, осужденный то ли за сионизм, то ли за национализм.

Но мы многое тогда еще не знали о сталинских злодеяниях.

И нам в голову даже не приходило, что А. Гонтарь – бывший эзк. Мы читали его стихи, и восхищались его строчками:

*«Без гнева ворона в снегу
На поле видеть не могу.
Как выразить яснее?
Снег отдает голубиной,
На нем морщинки ни одной.
И вруг
Пятно чернеет!
Вот эта точка в белизне
Выклевывает сердце мне.
Картавый голос слышу я:
«Три века длится жизнь моя,
Я пью чужое горе власть, -
Мне надо, чтобы кровь лилась!»
Без гнева ворона в снегу
На поле видеть не могу».*

Позже я узнал, что эти стихи А. Гонтарь читал в Степлаге. Его слушали и офицеры-надзиратели, и заключенные... Как его «пронесло», до сих пор не пойму... Ведь эти стихи были не о вороне, а о Сталине и его подопечных...

Все понял лишь Талалаевский, понял, ахнул от страха и замолчал... И лишь тогда успокоился, когда прозвучали аплодисменты. И махнул рукой Гонтарю: с тебя хватит, мол, испытываешь всех. Пусть почитает лучше стихи Терентий Германович Масенко. И он крикнул со сцены:

- Следующий – поэт Масенко.

О Терентии Германовиче хорошо пишет в своей книге «Спина земли» Юрий Васильевич Грунин, тоже бывший узник Степлага. Эту книгу он подарил мне 30 марта 2006 года, когда я приехал в Жезказган продолжить свой творческий поиск по сбору материалов о великих узниках сталинских лагерей. Встретились мы в местном музее на заседании литературного объединения «Слиток», которым я в свое время долгие годы руководил. И он мне сказал:

- Вот моя исповедь о карлаговских временах.

Исповедь получилась чистой, искренней. Как раз в этой книге Юрий Грунин возвращает из небытия имя Терентия Германовича Масенко, старейшего поэта Украины, ставя ему в заслугу, что даже после реабилитации тот не забыл о Кенгире и написал о

нем поэму «Степные тюльпаны». Эту поэму похвалили Максим Рыльский и Павло Тычина, но опубликовать ее не смогли, ибо в издательствах еще витал дух предвзятого отношения к писателям – бывшим энкам, хотя и реабилитированным.

Начав свою дружбу в особлагере, Юрий Грунин и Терень Масенко продолжили ее после освобождения. Завидная стойкость! В книге Тереня Масенко «Журавли над океаном», вышедшей в издательстве «Советский писатель» в Москве в 1970 году, я нашел ряд его стихотворений, которые перевел с украинского Юрий Грунин. Это – «Дождь», «Сила жизни», «Баллада о необычной мести», «Главный конструктор», «Вечерний Киев», «Заветное слово». В основе всех этих стихов Масенко – огромная любовь поэта к жизни и людям.

*«Сто раз на дню мы целовались,
А губы губ не напились.
Сто раз навек мы расставались,
А до сих пор не разошлись.*

*Но ничему не научили,
Нас ни страдания, что прошли,
Ни то, что нас не разлучили
Все силы мудрые земли.*

*И снова к взору взор прикован,
Рука к руке – в который раз!
У жизни есть свои законы –
Они порой сильнее нас...»*

Книга стихов Тереня Масенко «Журавли над океаном» вышла при его жизни в 1970 году. А через год его не стало. Умирая, он вспоминал далекий Казахстан, своих друзей по несчастью, просторные степи, на которые смотрел через решетки вагона, возвращаясь на Украину. Он писал:

*«О, этот дальний край земли,
Где только колышки в пыли.
Пред ними на колени встану.
Простите, соколы мои.
Мы помним Вас. Вы полегли,
Как безымянные тюльпаны.»*

Хорошо, что безымянных тюльпанов становится все меньше. Имена мучеников Гулага возвращаются к нам.

Глава шестнадцатая «Желающего судьба ведет»

В мае 1959 года по запыленным улицам Джезказгана с небольшим чемоданчиком в руке шел высокий молодой человек. Вокруг стояли двухэтажные дома, сооруженные заключенными Степлага. Кроме Дворца культуры металлургов, смотреть-то было не на что. Но радовали приветливые взгляды джезказганцев, их уверенные шаги... А вот и здание института «Джезказгангипроцветмет», куда на работу был направлен выпускник Семипалатинского техникума топографии Виктор Попов. В отделе кадров ему сказали:

– Вас ждет наш директор Иван Николаевич Соболев...

В большом кабинете навстречу Виктору вышел невысокого роста, седой человек плотного телосложения. Он крепко пожал руку молодому специалисту и сообщил:

– Я только что подписал приказ о назначении вас инженером института. Хорошо поработаете, покажете себя – повысим. Всегда помните, что вы здесь просто необходимы. Еще древнегреческий философ Сенека заметил: «Желающего судьба ведет, не желающего – тащит».

Мне Виктор Никитович Попов говорил, как важно с первых шагов на работе поддержать молодого человека, и для этого ведь многого не надо – несколько добрых слов поддержки. Может, потому и запомнил В.Н. Попов на всю жизнь Ивана Николаевича Соболева? Он, по сути, стал его первым наставником, всячески способствовал его карьере, уже в марте 1960 года назначив старшим инженером института.

О Соболеве Виктор Никитович мне сказал кратко: «легендарная личность». Действительно, это так. Я сам лично много раз встречался с Иваном Николаевичем в восьмидесятые годы в редакции областной газеты «Джезказганская правда». Хотя он уже был на пенсии, все равно оставался радушным человеком. О его жизни я узнавал из статей Ивана Николаевича, которые он время от времени приносил в редакцию и которые охотно печатали в газете. Именно из них я узнал, что Иван Николаевич Соболев персональный пенсионер союзного значения, родился в 1901 году в деревне Рябинская Богородского района Кировской области в семье рабочего. Трудовую деятельность начал в 1916 году рабочим изумрудного Троицкого прииска. В 1919 году был призван в ряды

Рабоче-крестьянской Красной Армии. В том же году вступил в ряды ленинской партии. Защищая революцию, прошел трудными дорогами гражданской войны, командовал полком, дружил с писателем Аркадием Гайдаром.

У меня в архиве до сих пор хранится статья Ивана Николаевича Соболева «Встречи с Гайдаром». Теплая, дружелюбная статья. Встретились они в редакции пермской газеты «Звезда» в 1925 году. Гайдар (он же Голиков) работал там фельетонистом. Соболев в то время командовал артиллерийским подразделением, как положено, носил наган, шашку. Но в отличие от других командиров он любил еще одно «оружие» - перо, уже тогда писал публицистические статьи и даже рассказы.

- Молодец! – говорил ему Гайдар.- Я вот с 1919 года воевал на гражданке, но получил ранение и в 1924 меня списали по инвалидности. Здесь-то и пригодилось мое умение писать. Сейчас, кроме фельетонов, думаю взяться за книги для детей и юношества. Взрослые, как правило, равнодушны к литературе. Иное дело – дети, юноши и девушки, они более восприимчивы к нашим трудам. Советую тебе никогда не расставаться с пером. Судя по твоим публикациям, ты тоже сумеешь писать книги.

При редакции «Звезды» существовало литературное объединение молодых прозаиков и поэтов. Гайдар не любил ходить на его собрания, он иронически говорил:

- Какой союз, какое объединение? Зачем? Писатель – это всегда человек – одиночка, оригинал, талант, он не должен быть похож ни на кого другого, подчиняться коллективному, общим правилам. Иное дело – клуб, познакомиться друг с другом, почитать коллегам стихи, рассказы. Но объединение, союз – это пахнет стадностью, не более... а творчество требует уединения, самостоятельной работы над собой...

Нередко Гайдар встречался с Соболевым в небольшой столовой недалеко от редакции. Писатель очень любил сибирские пельмени, запивал их молоком. Он тогда не пил спиртного и не курил. Он считал, что водка и папиросы притупляют мысли, а это большая помеха для пишущих.

Гайдар советовал Соболеву всю жизнь учиться, больше читать и писать, развивать свой интеллект. Следуя этим советам, Иван Николаевич поступил в академию имени Жуковского. Он слушал там лекции Бухарина, Тухачевского, которых уважал за смелость мысли, неординарность, самобытность. Он был привер-

женцем идей Тухачевского отказаться от кавалерии, настойчивее вооружать Красную Армию танками, самолетами. Уже тогда Тухачевский говорил о «катюшах», по его настоянию в СССР был создан институт по созданию ракетного оружия. Тухачевский считал, что именно «катюши» будут приносить победы доблестной армии Советов.

К великому горю, вскоре Бухарина, а затем и Тухачевского арестовали, сделали врагами народа. Как приверженца их идей, желающего гибели Сталина, в 1938 году репрессировали и Соболева. Его реабилитировали только в 1955 году.

Находясь в лагерях смерти Сталина, Иван Николаевич записывал отдельные эпизоды себе в блокнот. Это помогло ему позже написать повесть «Неприкаянные», опубликованную в сборнике «Дело №...» в 1989 году (Алма-Ата). Себя он показал в повести в образе Ивана Опенкина. Осужденный по 58 статье, тот в лагерях смерти держался с достоинством, его боялись воры и жулики, растратчики, хулиганы и даже убийцы. Он и внешне старался выглядеть нормальным человеком, как подобает офицеру. Это очень не нравилось начальнику штрафной колонны Чечеву, который провозглашал при всех: «Арестант должен быть так одет, чтобы всем внушал отвращение». И если Чечев видел заключенного, у которого исправная чистая одежда, то кричал дежурному: «Приведи его в норму!» И тот спускал на зека свору собак, и они его «катали» до тех пор, пока все обмундирование не превращалось в ремки.

Однако Ивана Чечев не трогал. Он знал, что этот человек еще в 1935 году окончил академию имени Жуковского, был награжден медалями, несколько раз видел и слушал в Кремле в Георгиевском зале и на Центральном московском аэродроме самого Сталина... Сейчас этот офицер находился в бараке, а в Кремле, возможно, решалась его судьба. Ведь опер показывал Чечеву письмо Ивана, адресованное Сталину. Опенкин писал: «Дорогой Иосиф Виссарионович! В эти трудные для Родины дни нашествия фашистов на русскую землю я клянусь отдать жизнь за Советскую власть и прошу отправить меня на передовую хотя бы рядовым бойцом, где я снова докажу свою преданность родной стране и народу...»

Кто знает, думал лагерный начальник, может, бывший командир – ныне заключенный снова станет офицером Красной Армии? Некоторых политических уже отправили на фронт, сняв с

них клеймо «врага народа». Жизнь переменчива, как ветер в степи...

Но нашего Ивана на фронт не взяли, а отправили под Ленинград корчевать и рубить лес для военных трасс. Ведь его вина перед Сталиным была слишком велика – он вроде как участвовал в «заговоре Тухачевского».

Сам Иван Николаевич рассказывал мне, что «дело военных» получило мировую огласку. Ведь в рядах «антисоветской троцкистско-военной организации» оказались такие видные советские военачальники как маршал Советского Союза М.Н. Тухачевский, командармы I ранга И.П. Уборевич и И.Э. Якир, комиссар I ранга Я.Б. Гамарник. Они неоднократно награждались орденами Красного Знамени, а М.Н. Тухачевский и Я.Б. Гамарник – также орденами Ленина. Они были членами ЦК ВКП(б). И вот якобы под их руководством была организована тайная военная организация, которая ставила своей целью свержение власти великого Сталина. В нее вошли 408 военных, в том числе Иван Николаевич Соболев. В пятидесятых годах после кончины Иосифа Сталина его дело, как и других участников заговора, было прекращено за отсутствием состава преступления, а сам Иван Николаевич реабилитирован, восстановлен в партии.

А тогда, в сороковые, еще не пришло время реабилитации. И Соболева на фронт не пустили. Здесь на глухих лесных трассах под Ленинградом и встретил Иван с зеками первых нацистов. Однако силы были неравными, и лагпункт легко захватили фашистские автоматчики. Вскоре приехали эсэсовцы-офицеры, стали вербовать зеков на работу на предприятия великой Германии. Всех, кто отказался служить фашистам, расстреляли. Иван спасся, вовремя сбежав из лагпункта, незаметно проскочив под колючим ограждением.

После побега из лагеря под Ленинградом он попадает к своим, но его опять отправляют в Гулаг, на этот раз он становится узником Карлага. В 1955 году Ивана Николаевича реабилитируют, он мог бы вернуться в Москву, но Соболев остается на стройках Джезказгана. Два года он трудился в проектно-конструкторском бюро медеплавильного завода. А в 1957 году его назначают директором научно-исследовательского и проектного института «Джезказгангипроцветмет». По сути, он стал основателем этого института. И многим бывшим зекам повезло – Соболев охотно брал их на работу в институт. Долгое время в нем трудился, на-

пример, знаменитый узник Карлага, автор книги «Спина земли», двух поэтических сборников Юрий Васильевич Грунин.

Виктор Никитович Попов работал в стенах института рядом с этим уникальным человеком, и всегда радовался его литературным успехам. Позже он узнал, что Ю.В.Грунина в трудные времена после войны поддерживал Какимбек Салыков. А заслуженный работник культуры Казахстана Зинаида Чумакова впервые представила его многочисленным читателям, написав полную восхищения вступительную статью к книге Ю.В.Грунина «Спина земли», изданную в Астане.

Хорошо знал Виктор Никитович Попов и бывшего зека, первого биографа Ленина Владимира Георгиевича Кикоина, тоже в то время работавшего в институте. Несмотря на то, что Владимир Георгиевич был осужден по 58 статье как за антисоветскую пропаганду и агитацию, Иван Николаевич Соболев принял его на работу.

Привлекая в институт широко эрудированных, с богатым жизненным опытом людей, Иван Николаевич в то же время заботился о воспитании молодых инженеров и ученых. Как я уже писал, тепло принял он выпускника Семипалатинского топографического техникума Виктора Попова, сразу определил его на должность инженера института, а спустя год назначил старшим инженером, ибо высоко оценил его старательность, прилежание, исполнительность. Он способствовал тому, чтобы семье молодого инженера предоставили квартиру в двухэтажном доме.

К сожалению, Иван Николаевич пробыл на должности директора института всего четыре года (с 1957 по 1961 год). Но и за это время он успел воспитать целую плеяду молодых талантливых ученых. Под руководством И.Н.Соболева коллектив института начал усердно заниматься осуществлением идей Каныша Имантаевича Сатпаева по внедрению новых, высокоэффективных машин для добычи руды, строительству высокомеханизированных карьеров и рудников. В забоях медных шахт стали интенсивно внедрять буровые агрегаты на самоходной установке, экскаваторы, на транспортировке руды – гиганты-самосвалы.

До конца дней своей жизни Иван Николаевич Соболев посещал институт, встречался с молодыми учеными. Он пророчил большое будущее Виктору Попову при условии, если тот будет работать над собой, продолжит свою учебу в вузе. Забегая вперед, скажу, что именно по его совету В.Н.Попов поступил в Мо-

сковский институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии, и в 1973 году получил диплом геодезиста. В 1977 году он оканчивает заочную аспирантуру при этом же институте, защищает кандидатскую диссертацию. В июне 1990 года В.Н.Полов становится директором Карагандинского института инженерных изысканий, защищает докторскую диссертацию. Как порадовался бы его карьерному и научному росту Иван Николаевич! К большому огорчению, 18 февраля 1989 года его не стало. Ему шел уже 89 год. И хотя он назвал свою книгу «Неприкаянные», судьба распорядилась так, что он оказался в русле больших дел в Дзезказгане.

Глава семнадцатая

Антисоветская выдумка Кикоина

Мы с ним долго переписывались. Последнее письмо от него из Джекказгана в Караганду пришло 28 июня 1989 года. Он радовался, что все еще жив, готовился отметить 91 год своего дня рождения.

«Валерий Михайлович! Если бы я задумал написать книгу мемуаров, то назвал бы ее «Гимн жизни». Молодые не все представляют себе, что жизнь быстротечна и не дорожат каждым часом, каждой минутой... И напрасно. Только тот счастлив, кто трудится, не ленится, много читает, рвется к определенной цели» - писал мне бывший узник Степлага, страстный книголюб Владимир Георгиевич Кикоин. На самом деле по документам он Вульф Гешелевич Кикоин, но всюду его звали Владимир Георгиевич, так он представлялся новым людям и так он входил в жизнь молодых.

Помню, чуть ли не каждое занятие областного литературного объединения «Слиток» во Дворце культуры металлургов у нас заканчивалось призывом: «Давайте сходим к Кикоину, надо поменять книги, узнать о новинках». И мы все дружно, как говорится, в одну ногу шли по проспекту Мира на улицу Гагарина, 13, в дом, где жил Владимир Георгиевич.

А все дело в том, что у него была богатая библиотека (порядка тысячи книг), он сделал ее общественной, заводя на каждого читателя формуляр. И он очень радовался, когда мы гурьбой вваливались в его небогатую квартиру, торопился подать всем чашку чая... И начинались его рассказы о книгах, о былом, невозвратном...

Владимиру Георгиевичу везло в жизни на встречи с интересными людьми. Он был близко знаком с академиком Евгением Викторовичем Тарле, писателем Алексеем Толстым, известным кинорежиссером Фридрихом Эрмлером. Неоднократно приходилось ему присутствовать в клубе Дома книги на Невском проспекте в Петрограде на встречах с Корнеем Чуковским, Константином Фединым, Самуилом Маршаком.

В свое время Кикоин был техническим секретарем ленинградского журнала «Красная летопись», работал в Истпарте. Заведовала тогда Истпартом большевичка Прасковья Францевна Кудели. В феврале 1924 года она предложила Кикоину составить под ее редакцией биографию В.И.Ленина в хронологической канве,

дать основные даты его жизни и деятельности. В мае 1924 года книжечка в 43 страницы под названием «Биография В.И.Ленина в датах и числах» была издана тиражом в 40 тысяч экземпляров и разошлась в течение двух недель.

У Владимира Георгиевича сохранилась только фотокопия этой книжки. Как бесценную реликвию хранил он ее. Ведь это была первая попытка в истории книгоиздательского дела в стране дать массовому читателю биографию В.И.Ленина.

Надо сказать, этим изданием поиски материалов к биографии В.И.Ленина не ограничились, а были продолжены работниками Истпарта. Владимир Георгиевич Кикоин обратился к архивам до-октябрьских министерств просвещения и юстиции. Дело в том, что при подготовке первого издания «Биографии» у Истпарта не было документов о том, как В.И.Ленину, исключенному из Казанского университета за участие в политической сходке студентов и находящемуся под негласным надзором полиции, удалось добиться разрешения на сдачу экзаменов экстерном за курс юридического факультета Петербургского университета.

И вот в архивах департамента просвещения нашлась тонкая синяя папка, в которой находилась переписка об этом деле. Здесь хранились и прошения В.И.Ленина (Ульянова), в том числе от 26 марта (7 апреля) 1891 года, о допуске держать экстерном экзамен с приложением фотографии просителя.

Найденную в делах департамента просвещения уникальную фотографию молодого Ильича, приложенную к его прошению, Владимир Георгиевич передал Куделли. По ее совету снимок Ильича был опубликован в журнале «Красная летопись» № 2 за 1924 год.

Как известно, позже найденный В.Г.Кикоиным снимок был передан в Институт марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б). А затем фотография молодого Ильича была напечатана в первом томе Полного собрания сочинений В.И.Ленина.

Безусловно, в настоящее время работа В.Г.Кикоина под редакцией П.Ф.Куделли, изданная в 1924 году, потеряла свое значение. Но для книголюбов небезынтересна была история создания биографии Владимира Ильича Ленина и поиска его уникального снимка.

Долго дружил В.Г.Кикоин с известным кинорежиссером Фридрихом Эрмлером. Они родились в одном латвийском городе Резекне, вместе, будучи подростками, бегали в кинотеатр «Диа-

на», торговали пирожками и лекарствами. Затем их пути разошлись – В.Г.Кикоин поехал поступать в ремесленное училище в Одессу, а Фридрих Эрмлер – в Москву во ВГИК. Встретились они уже в Ленинграде после Великой Отечественной, когда Фридрих Эрмлер стал известным режиссером. Созданный им фильм «Она защищает Родину» имел огромный успех на фронте у наших воинов-освободителей, он работал на Победу. Этот фильм отметил сам Сталин. Попыхивая своей трубкой, он сказал:

– Не знаю, как с точки зрения мастерства, но с точки зрения патриотизма этот фильм – пример режиссерам, как надо показывать любовь народа к Родине, бесстрашие советских людей в битве с врагом...

Как-то я спросил у Владимира Георгиевича, как он попал в Жезказган.

– Милый ты мой, разве об этом спрашивают? – грустно посмотрел он на меня. – Конечно, не по своей воле. Обвинили в антисоветской агитации – и тюрьма.

Оказывается, в тяжелые дни Великой Отечественной войны В.Г. Кикоина эвакуировали из Ленинграда по замерзшей Ладоге, так называемой трассе жизни, в Кабан, оттуда в теплушках в Омск, где работал в горьбтресте. Из-за болезни жены пришлось податься на юг Казахстана, долго искал себе работу, наконец, в тресте «Казцветмедразведка» приняли его начальником планового отдела Каратауской группы (Чимкентская область). 3 мая 1950 года его арестовали прямо в конторе за антисоветскую пропаганду и агитацию. А все дело в том, что однажды он рассказал рабочим о том, что в СССР довольно часто проводились биоопыты над людьми. Бухарин, поддерживая эксперименты профессора Павлова по изучению высшей нервной деятельности на собаках, предложил их проводить прямо на людях. И вскоре профессор Илья Иванов, известный как экспериментатор, разработавший метод искусственного осеменения, решил взяться за это дело. Ведь у него был опыт скрещивания разных видов животных в заповеднике «Аксания-Нова». Там он вывел овцебыка, гибрид мыши и крысы, зеброидов... Теперь он предложил скрестить обезьяну с человеком, чтобы изменить природу людей, разделив их на руководителей и бессловесных рабов – «трудящихся».

И что вы думаете? 30 сентября 1925 года Президиум Академии наук СССР принял решение выделить профессору Иванову валюту и направить его в Африку для отлова человекообраз-

ных обезьян «для организации опытов гибридизации». В 1927 году определили место, где проводить биоэксперименты: им стал Сухумский заповедник. Именно в нем создали спецлабораторию (секретную), где предполагалось поставить искусственное осеменение обезьян разных видов между собой и с человеком. В виде опытов намечалось искусственное оплодотворение женщин от обезьян и обезьян от мужчин. Несколько лет спустя бельгийский биолог Б. Эйвельсон сообщил, что в Сухумском заповеднике русским удалось получить, таким образом, расу обезьянолюдей. Они имеют рост 1,8 метра, покрыты шерстью... Растут быстрее, чем люди, очень послушны, пригодны к любой работе...

Среди разных материалов, которые печатались в журнале «Красная летопись», где работал Кикоин, были и эти сообщения о создании людей нового типа. Может, они живы и где-то работают до сих пор?

Среди рабочих, слушавших рассказ Кикоина, нашелся стукач, и вскоре его по доносу арестовали. Чимкентский областной суд осудил его за антисоветскую пропаганду и агитацию на срок 10 лет (статья 58, пункт 10). Все, о чем говорил Кикоин, судьи посчитали страшной никчемной выдумкой, наносящей вред советскому обществу.

Его отправили в Джезказган в Степлаг, где он пробыл до июня 1954 года. От Владимира Георгиевича я впервые услышал о востании заключенных Степлага, которое было подавлено танками, с применением огнестрельного оружия. «Вот ведь где пригодились нелюди – обезьяночеловеки, - взволнованно говорил мне Кикоин. – Они послушно по команде «сверху» расстреливали политических заключенных, давили их гусеницами танков. Когда оставшихся, живых, вывезли в степь и заставили лежать на земле, эти обезьяночеловеки посбрасывали рубашки, майки, чтобы позагорать, и все увидели обезьянью шерсть на их телах и их тупые холодные взгляды... Винговок они не бросали, и если кто из зеков начинал шевелиться, стреляли в них, визгливо посмеиваясь...

И позже после реабилитации Кикоин проникновенно утверждал, что не раз и не два встречал человеко-обезьян даже на руководящих должностях. Но он с ними никогда не дружил, не протягивал им руки. Он был склонен дружить с людьми творческими, сам много занимался самообразованием. Это позволило ему плодотворно трудиться в научно-исследовательском институте «Джезказгангипроцветмет». Он был главным инженером многих

проектов, затем его назначили руководителем Балхашского филиала «Джезказгангипроцветмета». Последняя его блестящая работа – проект постройки Балхашского телецентра.

Выйдя на пенсию, Владимир Георгиевич не порывал с общественной жизнью. Был он заместителем председателя городского Совета пенсионеров, народным заседателем в суде, помощником прокурора города на общественных началах, заведующим общественно-юридической консультацией областной газеты «Джезказганская правда».

Меня Владимир Георгиевич привлекал легкостью обращения с людьми, большой любовью к книгам, желанием быть полезным обществу. Таким его запомнили и многие мои коллеги по перу – побратимы.

Что касается человекообезьян, то Владимир Георгиевич, действительно, не выдумал эту историю. Недавно я приобрел книгу бывшего чекиста Сергея Цыркуна «Сталин против «красных олигархов». Секретная предыстория 1937 года» (Москва, издательства «Яуза», «Эксмо», 2014 год), в которой он рассказал о тайных лабораториях для экспериментов над живыми людьми, в том числе о скрещивании человека с обезьяной. Тут же в книге Цыркун сообщил, что со временем эксперименты над людьми в Сухуми по указанию Сталина были прекращены, а самого профессора Иванова арестовали и отправили за колючую проволоку в Карлаг, где он и скончался в 1932 году. Но об этом Кикоин не знал...

Глава восемнадцатая

Штирлиц работал в Караганде

Давно я завел в своем архиве папку «Подвиги карагандинцев в Великую Отечественную войну». В ней собираю не только свои статьи и корреспонденции на эту тему, но и материалы моих коллег. Готовя очередной материал, среди собранных вырезок из газет я увидел статью своего коллеги, краеведа Юрия Попова, в которой он впервые упомянул о прототипе главного героя телесериала «Семнадцать мгновений весны» – Штирлица (майора советской разведки Исаева). Им оказался работник КГБ, журналист Норман Михайлович Бородин. В пятидесятых годах он работал в качестве старшего литературного работника в редакции областной газеты «Социалистическая Караганда».

Юрий Попов встречался со знаменитым писателем Георгием Вайнером, и тот ему сказал:

– Именно Бородин стал прототипом Штирлица. Мы с братом в 1967 году познакомили Нормана с Юлианом Семеновым, они стали часто встречаться, беседовать. В конце концов эта дружба вылилась в роман «Семнадцать мгновений весны».

Но кто же такой Норман Михайлович Бородин, какова его героическая биография разведчика? При очередной встрече со мной главный редактор областной газеты «Индустриальная Караганда» Владимир Рыжков порадовал меня своей находкой. В редакционном архиве он нашел пожелтевший листок приказа № 78 от 31 мая 1952 года, который звучал так: «С сего числа временно зачислить на работу в качестве старшего литературного работника редакции тов. Бородина Нормана Михайловича. Оклад по смете. Редактор газеты «Социалистическая Караганда» Я. Муляр».

Но как Бородин появился в Караганде? Его путь в столицу казахских шахтеров был тернист и долог, как и каждого разведчика.

Норман Михайлович Бородин родился в Чикаго в 1911 году в семье революционеров-эмигрантов. Его отец – Михаил Маркович Грузенберг был соратником Ленина, дипломатом, известным коминтерновским деятелем. Его партийная кличка – Бородин. В 1907 году под этой фамилией его направляют в США для создания там Коммунистической партии. В 1919 году Ленин подписывает решение об его назначении первым генеральным консулом РСФСР при правительстве Мексики. Затем Михаил Маркович занимается реорганизацией партии коммунистов в Англии, а далее

его назначают политическим советником Сунь Ятсена в Китае. Затем Михаила Марковича возвращают в Москву, он работает заместителем наркома труда, главным редактором газеты для американских инженеров и рабочих, ведущих строительство московского метрополитена «Moscow news».

Ясное дело, сын М.М. Грузенберга Норман идет по стопам отца. Он унаследует от него ясность и пытливость ума, стремление к знаниям и открытиям. У него хорошие организаторские способности. В одном из интервью писатель Георгий Вайнер сказал:

– Норман Бородин и его семья – потрясающий материал для грандиозного романа. Норман, выполняя заветы отца, стал с молодых ногтей закордонным разведчиком, знал все основные европейские языки и говорил на них, как по-русски...

Этому, конечно же, способствовало не только общение с отцом, но и получение образования Норманом в Ленинградском мореходном училище, а затем в университете в Осло, а также в Военно-химической Академии РККА, радиотехническом институте в США. К тому времени он, завербованный органами безопасности, был уже заместителем нелегального резидента в Америке Исаака Абдуловича Ахмерова, руководил тремя ценными агентами... В годы Великой Отечественной войны наш Штирлиц появляется в Берлине и под видом американца трудится в миссии швейцарского Красного Креста. Он также, как Зорге в Японии, оперативно передает ценные секретные сведения в Москву. Его действия как советского разведчика не смогли раскрыть ни гестапо, ни Абвер. В Берлине он держит связь со многими опытными агентами органов безопасности СССР, в том числе со знаменитой эмигранткой России, киноартисткой Ольгой Константиновной Чеховой. Мой старший наставник, знакомый нам писатель Василий Ефимович Скоробогатов в своей книге «Генерал Берзарин. Дойти до Берлина», подаренной мне 20 февраля 2009 года, рассказывает об О.К. Чеховой: «По-видимому, ее завербовал Владимир Георгиевич Деканозов, бериевский земляк. В ноябре 1940 года его привез в Берлин Вячеслав Молотов, усадив матерого чекиста в кресло посла. С его подачи Ольга Чехова активно служила Чека, внедрилась в немецкое сопротивление нацистскому режиму. Сотрудничала с «Красной капеллой» (подпольная антифашистская организация в Берлине – автор), полковником генерального штаба, графом Шенком фон Штауффенбергом и другими за-

предельно храбрыми людьми... Обласканная вниманием, она появлялась в обществе фюрера и министра пропаганды, в обществе персонажей, связанных с Гиммлером и Канарисом».

Далее В.И. Скоробогатов рассказывает о таком факте. Когда наши войска ворвались в Берлин, ее разыскали и схватили агенты органов контрразведки «Смерш». В багажном отсеке самолета доставили в Москву. Там ею занимались могущественный шеф «Смерша» В.С. Абакумов и генерал НКВД В.Н. Меркулов. Всеволод Николаевич выговаривал ей, что из-за ее агентурного сообщения 17 июня 1941 года он получил разнос от руководства. А было так. Сообщение Ольги Чеховой о том, что «все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР закончены, и удар можно ожидать в любое время», было предоставлено Сталину. И вождь народов написал на нем резолюцию: «т.Меркулов может послать ваш источник к е... матери. Это не «источник», а дезинформатор. И.Ст.»

Ольга Чехова осенила себя крестом.

– Всеволод Николаевич! Клянусь: моим источником там, в Берлине, был сам фюрер.

– Верю, верю, – ответил старый чекист, улыбаясь.

Что правда, то правда. Гитлер любил приглашать великую актрису на большие приемы, беседовать и фотографироваться с ней. Он ей полностью доверял, ибо она имела в мужьях лучшего летчика Геринга – капитана люфтваффе Йепа. К тому же, сама была обаятельной и красивой. Если бы знал Гитлер, кому он выбалтывал порой свои тайные замыслы. И не только Гитлер, но и многие крупные промышленники, высшие представители нацистской иерархии. Не зря за свой подвиг разведчицу О.К. Чехову после Победы наградили орденом Ленина.

Бородину же в этом плане не повезло. В 1949 году в Москве развернулась борьба с космополитизмом, и многих евреев делают «врагами народа». К таковым причисляют и отца Нормана – Михаила Бородина. Несколько лет его держат в Лефортово, – в 1953 году, не выдержав тяжелых испытаний судьбы, он там и умирает.

Нормана как члена семьи изменника Родины, социально опасного элемента в 1949 году арестовывают, а в 1951 – определяют в ссылку в Караганду, затем милостиво предоставляют ему место литературного сотрудника в редакции областной газеты «Социалистическая Караганда».

Вот тут-то и раскрывается во всю новая грань большого та-

ланта нашего Штирлица. Он – способный журналист, литератор! Именно так написал мне о нем бывший ответственный секретарь областной газеты «Социалистическая Караганда», а ныне пенсионер, проживающий в Санкт-Петербурге, Иван Никанорович Держиев, который трудился с ним в редакции с 1952 по 1953 год. В то время в газете работали такие асы журналистики как Ф. Боярский, Н. Пичугин, А. Сергеев, С. Иоффе, В. Слепцов, Я. Муляр и другие.

И.Н. Держиев вспоминает, что Норман Бородин в общении с людьми был ровен, никогда не пытался возвыситься себя над коллективом. Но держался он как-то особняком, в капустниках не участвовал, избегал тех, кто дружил с «зеленым змием». Он, действительно, был похож по манере поведения на Штирлица, в редакции ничего лишнего не произносил, говорил лишь по делу.

Бородин очень любил ездить в командировки, побывал, наверно, во всех городах и районах области. Как написал мне Держиев, бывало, «отпишется» из очередной поездки и опять в путь. И далее :

«Норман остался перед глазами такой «летний», плотный, выше среднего роста, темноволосый мужчина в белоснежной нейлоновой рубашке и серых брюках, затянутых коричневым плетеным ремнем. Весь такой отутюженный, импозантный. Впрочем, таким подтянутым был всегда.»

У него был псевдоним «Н. Борисов», но больше он любил подписывать свои материалы собственной фамилией «Н. Бородин». Он прекрасно владел не только пером, но и фотоаппаратом. Многие его очерки были о чабанах, агрономах. Так, 23 июня 1953 года он печатает в газете материал о чабана совхоза имени Сталина Каркаралинского района Нурлане Отарбаеве и сопровождает его отличной фотографией героя. Бывал он и на предприятиях Темиртау, Сарани, в цехах Карагандинского рудоремонтного завода, на шахтах. Его хорошо знали Аукебай Кенжин, в то время работавший заместителем начальника комбината «Карагандауголь», ученый-угольщик Абылкас Сагинов, в то время директор Карагандинского филиала Всесоюзного угольного горного института (ВУГИ). Общался Бородин и с заведующим отделом агитации и пропаганды обкома партии С. Брондорфом, заместителем председателя облисполкома Ф. Даненовой.

Правильно написал Юрий Попов в своей статье о том, что карагандинские страницы жизни Бородина открыли ему путь в

большую журналистику. Где-то в 1954 году Нормана Михайловича реабилитируют, восстанавливают на службе в КГБ СССР. Он возвращается в Москву. Долгое время работает начальником отдела по работе с иностранными корреспондентами. В 1961 году Бородин становится главным редактором редакции политических публикаций Агентства печати «Новости». Но это уже другая история, иной сказ. Одно скажу, что это Бородин поддержал первые шаги известных писателей – братьев Вайнеров, это он долгое время вынашивал идею об издании книги мемуаров Маршала Советского Союза Г.К. Жукова «Воспоминания и размышления». Она вышла в издательстве Агентства печати «Новости» в 1971 году, а затем была выпущена рядом зарубежных издательств.

В 1974 году Нормана Михайловича Бородина не стало. Не стало человека, немало сделавшего для приближения Великой Победы над фашистами. Настоящего профессионала, разведчика с чистой совестью и репутацией, который никогда не думал о секундах свысока, всегда помнил о своем долге. Как поется в знаменитой песне Роберта Рождественского, помнил «от первого мгновенья до последнего».

Глава девятнадцатая

Выстрел в тумане

Когда Любовь Васильевна Бабицкая, заключенная Алжира, рвала камыш на берегу озера, вокруг стоял туман. И сквозь него она вдруг увидела, как к холодной воде вышел офицер охраны лагеря, вытащил из кобуры пистолет и выстрелил себе в висок. Он упал на влажный песок и струйка крови медленно поползла к набежавшей волне...

Бабицкая стала свидетелем самого заурядного самоубийства. Потом на допросе ей приходилось неоднократно подробно рассказывать об этом эпизоде. И каждый раз она спрашивала себя: а смогла бы также, как этот офицер, хладнокровно покончить с собой?

И отвечала сама себе: наверное, смогла бы, будь у нее револьвер... Но Люба почему-то почти никогда не задумывалась таким образом покончить с собой. Потому что ее всегда окружали хорошие люди, умеющие успокоить в самую тяжелую минуту, потому что у нее были дети, о которых она думала больше всего на свете, и ради которых ей надо было жить и жить.

И все же эта дрянная навязчивая мысль как-то остро и больно мелькнула у нее. И впервые это произошло, когда арестовали ее мужа - Бабицкого Бориса Яковлевича, директора «Мосфильма»...

Был он человеком неустойчивым, нервным, мог накричать на подчиненных, но в принципе главными чертами его характера были доброта, всепрощение, заступничество. При нем впервые на киностудии воцарился дух творчества и соперничества. Соперничали, в основном, с «Лепфильмом». Часто на собраниях звучали реплики:

- А у нас лучше, чем на «Лепфильме».

- Наши московские актеры и режиссеры ленинградских сильнее и ярче...

Впервые на «Мосфильме» при Бабицком начались освоение и выпуск цветных звуковых фильмов. Впервые Борис Яковлевич стал выпускать звуковые кинокомедии. Особая удача выпала на фильм режиссера Г. Александрова и композитора И. Дунаевского «Веселые ребята». Кстати, Люба Бабицкая была ассистентом Г. Александрова – выход фильма на миллионного зрителя это и ее радость.

Великий Сталин высоко оценил звуковую комедию «Веселые ребята». Но тут «Литературная газета» опубликовала статью А. Безыменского, в которой он обвинил И. Дунаевского в краже мелодии марша «Веселые ребята» из американского фильма «Вива Вилья». Борис Бабицкий сразу организовал протесты кинематографистов, добился создания специальной комиссии, которая опровергла статью А. Безыменского. После этого Сталин сказал:

- Хватит шельмовать первую советскую кинокомедию... Это - шедевр.

И велел представить к наградам создателей фильма. Так Александров и Орлова были награждены орденами Ленина, а «пастух» Леонид Утесов получил фотоаппарат (редкость по тем временам). Вскоре режиссеру Г. Александрову было присвоено звание заслуженного деятеля искусств РСФСР.

Точно также Бабицкий открыто и безболезненно встал на защиту фильма С.М. Эйзенштейна «Бежин луг», выступая на Всесоюзном производственном совещании кинематографистов. Он показал этот фильм приехавшему в СССР немецкому писателю Лиону Фейхтвангеру, и тот положительно оценил «Бежин луг». Сталин, намерившийся запретить продолжение съемок опального фильма, отступил.

Словом, ее муж – Борис Яковлевич Бабицкий немало сделал для развития «Мосфильма», советского кино, утверждения советских картин за рубежом. И многие кинематографисты были поражены тем, что Б. Я. Бабицкого 27 мая 1937 года освободили от обязанностей директора «Мосфильма» и назначили заместителем начальника Управления театров. Но вскоре его сняли и с этой должности, арестовали.

Любовь Васильевна не знала, что делать. У нее на руках остались трое детей, слепнувший старик-отец и сестра-инвалид. Вот тогда она впервые подумала о самоубийстве. Первый муж Бабицкой кинооператор Анатолий Дмитриевич Головня, который пришел навестить и успокоить ее, крикнул:

- Не смей!

И выбил из ее рук ампулу с ядом.

- Ты нам нужна, - уже спокойнее сказал он, обнимая ее. – Посмотри на них...

И он показал рукой на детей. Первая, самая старшая дочь Оксана была рождена от Анатолия еще в студенческие времена, когда они учились вместе в Государственном кинотехникуме (поз-

же ВГИК). В 1936 году у Любви от второго мужа Бориса Яковлевича Бабицкого родился сын Алеша. Наконец, на содержании Бабицких находился сын Бориса Яковлевича Револьд от первого брака. Их надо было кормить-поить, а Любовь Васильевну уволили из Малого театра, лишив таким образом большую семью средств к существованию.

Но у первого ее мужа Анатолия Дмитриевича Головни оказалось благородное сердце. Он сразу забрал к себе на содержание детей, кроме годовалого Алеши, которого еще надо было кормить грудью.

Любовь Бабицкая верила в невинность и освобождение Бориса Яковлевича, ведь он строго придерживался линии Сталина в киноискусстве. Он боготворил Иосифа Виссарионовича, писал о нем в своих статьях в газете «Кино» всегда хвалебно. Когда понадобилось коллективное письмо ведущих кинематографистов страны против Г. Зиновьева и Л. Каменева под заголовком «Несокрушимой стеной любви и преданности окружим нашего Сталина», то сразу подписал его. Глядя на него, свои подписи поставили и Ф. Эрмлер, Г. Козинцев, С. Юткевич, С. Эйзенштейн, Б. Бабочкин, А. Довженко, А.Д. Головня и другие.

Но ничего постоянного нет под этой луной. Через один-два года арестовали большую часть подписавшихся – Шумяцкого, Усневича, Славнина, Кочана. Дошла очередь и до Бабицкого.

Ему вменили связь с террористической контрреволюционной троцкистской организацией якобы созданной в «Мосфильме». Вместе с ним в эту группу «врагов народа» из «Мосфильма» попали начальник отдела цветного кино Николай Ковальский, завхоз Николай Лебедев, кинооператоры Самуил Свердлов, Владимир Семенов, начальник планово-производственного отдела Сергей Соколов...

На допросах Бабицкий держался мужественно, все отрицал, никого в выдуманную чекистами группу не втягивал. Следователь обвинил его в том, что он разрешал допуск на экраны фильмов, в которых присутствовали враги народа. И делал это Бабицкий якобы специально, чтобы подорвать авторитет авторитетнейшего Сталина. Так, в документальном фильме «Ленин» чекисты увидели кадры с троцкистом Радеком, которого называли золотым пером партии, а на самом деле тот вредил делу Сталина.

- Это что такое: любимый Ильич и рядом Радек во всю ширь экрана? Это недопустимо, это – преступление!

В кровавом 1938 году Борис Яковлевич Бабицкий был расстрелян. А Любовь Васильевну отправили в Казахстан в Караганду в знаменитое Акмолинское отделение жен изменников Родины. Когда ее привезли в лагерь, она сразу бросилась к начальнику Баринову. Со слезами на глазах просила его воссоединить ее с годовалым сыном... И, видать, дрогнуло сердце бывалого чекиста. Как рассказывает в документальном фильме «Алжир» внучка Л.В. Бабицкой Влада, «бабушка со временем забрала в лагерь годовалого сына. В этом ей помог начальник лагеря Сергей Васильевич Баринов. Он разрешил узнице покинуть лагерь и съездить за умирающим малышом». Это был огромный риск! Но Баринов пошел на него во имя спасения ребенка.

Он же назначил Л.В. Бабицкую после отбытия срока в лагере (пять лет) в качестве вольнонаемной сотрудницы. Работала она киномехаником, радиомонтером, завсудующей клубом. И все это время ее морально поддерживал издали – из Москвы первый ее муж Анатолий Дмитриевич Головня. Сохранилось его письмо от 23 октября 1939 года в музее Малиновки. Цитирую:

«Здравствуй, хороший мой Люк!

Как видишь, пишу тебе в подвыходной день, ибо ты пишешь, что в этот день особенно вспоминаешь нас. Ни я, ни дочь ни на минуту тебя не забываем, очень и очень хотим тебя видеть. Иногда вечером она тихо спрашивает: «Папка, а мама должна все-таки скоро вернуться?» Может и плохо, а может и лучше, что она не особенно высказывает свои чувства. Я когда-то мечтал, чтобы у дочери была твоя внешность, а мой характер. Кажется, эта мечта сбывается – ведь так ей легче будет жить.

Оксана сейчас стройная высокая девочка, с начинающей развиваться фигурой. Намечается грудь, очертания бедер, стройные ноги. Она немного плавней, чем была ты. Ты была вся какая-то острая.

Оксана очень много читает, я ношу ей книги с «Мосфильма». Читает детскую литературу и классиков. Очень развита, много знает. Очень любит кормить меня завтраком или обедом. Сама жарит котлеты.

Об «увлечениях» – ничего подобного, даже мальчика никакого нет. С дворовыми девушками не дружит, сама прекратила все знакомства. Ведь ты пойми, что она уже прекрасно отдает себе отчет, что она уже большая и нужно уметь себя вести. Где она бывает и с кем из девочек – я знаю. И не похоже, чтоб были какие-нибудь «тайны».

Если я сейчас получу за «Минина и Пожарского» достаточно денег (премию вместо авторских), то я куплю ей пианино. Слух у нее, кстати, оказался значительно лучше моего.

Я закончил фильм «Минин и Пожарский», приняли сверхотлично. Уже сегодня была статья в «Правде». Будем снимать «1812 год», но это не скоро. О себе напишу. Целую тебя нежно. Твой друг Толя. Не скучай, родной Люк, будь бодрой, все твои с тобой».

Из Алжира Любовь Васильевна пишет прошения о помиловании в разные инстанции. Характерно в этом отношении ее письмо И.В. Сталину. Вот что она пишет:

«13/Ш-38 г. я была арестована органами НКВД и приговорена Особым Совецанием от 20/IV-38 г. к 5 годам исправительно-тюремных лагерей как член семьи изменника Родины.

С тех пор, как я себя помню, я не знаю таких моментов, которые могли бы повлечь за собой эту строгую изоляцию, лишение гражданских прав, права воспитывать моих детей.

Я родилась и выросла в семье рабочего. С 14 лет, не оставляя школы, я начала самостоятельную трудовую жизнь. С 1924 по 1927 г. я училась в Государственном институте кинематографии, по окончании которого я снова начала работать и работала по день своего ареста. С 1925 по 1934 г. я была женой кинооператора гр. А.Д. Головки, который является отцом моей 13-летней дочери Оксаны.

В 1934 г. я вышла замуж за Бабицкого Бориса Яковлевича, члена ВКП(б) с 1920 г., от которого у меня есть 3-летний сын Алексей.

За три года совместной жизни с ним, ничего кроме чуткого, хорошего и товарищеского отношения к себе, такого же к детям и очень хороших отзывов как о партийце и специалисте со стороны его сослуживцев не слышала.

На допросе у следователя гр. Кириллова мне было им заявлено, что арестована я как жена и ни в чем лично не обвиняюсь.

В течение всей своей жизни жила только интересами советского народа, интересы и достижения моей Родины неотъемлемы от моей жизни, от моих личных интересов. Я училась и работала над собой и воспитывала своих детей с тем, чтобы все свои силы, все знания отдать на пользу Сталинской Родины.

Ни арест мужа, ни мой арест не изменили и не могут изменить моей любви и преданности моей Родине.

В лагере я 1 год 5 месяцев (с 13/У-38 г.). С первого дня честно и добросовестно работаю, работаю так, как меня научила и воспитала моя страна.

Я прошу вернуть меня к жизни, к моим детям, престарелому отцу и полной инвалидке 40-летней сестре, которые были на моем попечении.

Я прошу дать мне возможность вместе со всей Советской Страной по-прежнему участвовать в строительстве нашей счастливой жизни и называться, как и раньше, преданной дочерью Сталинского народа.

Я уверена, что установив мою невиновность и непричастность ни к каким порочающим действиям, вернете мне свободу, вернете мать детям и полностью реабилитируете меня перед моей Страной.

г. Акмолинск

Почтовый ящик № 12 Бабушка Любовь Васильевна.

В 1945 году после Великой Победы Любовь Васильевну освобождают из лагеря. Но в Москву ей путь заказан. Ее отправляют в город Александров Ивановской области вместе с сыном Алешей. Но она там не прижилась – ее тянет в родную Москву и 1 декабря 1946 года она пишет Министру Внутренних Дел Союза ССР В.Н. Меркулову следующее заявление:

«14 марта 1938 года я была арестована. 10 апреля 1938 года была осуждена Особым совещанием как член семьи изменника Родины на пять лет исправительно-трудовых лагерей. Срок наказания отбывала в Акмолинском отделении Карлага НКВД. Личное дело за № 257462. По отбытии срока с 1943 года по 1945 год была оставлена на работе в системе Карлага НКВД как вольнонаемная сотрудница. В бытность мою в заключении и в дальнейшем юридически я была оформлена киномехаником. Я честно и серьезно относилась к своей работе, доказательством этого может служить то обстоятельство, что я любовно все эти годы выполняла также работу зав. клубом и радиомонтера, отдавая этому делу по 16-20 часов в сутки, обслуживая вольнонаемный состав отделения и зону.

В 1945 году я получила право уволиться и выехать в гор. Александров Ивановской обл. На моем попечении находится сын 10 лет. Я хочу воспитать своего сына полезным членом советского общества.

Желание быть в глазах своего сына незапятнанным челове-

ком, глубокое сознание моей полной невиновности, горячее желание быть совершенно свободным гражданином своей Родины дают мне право обратиться к Вам с ходатайством о снятии с меня судимости.

1. XII. 1946 г.
(Л.Бабицкая)».

Однако ей понадобилось еще 10 лет, чтобы ее дело было пересмотрено и с нее сняли судимость. Возвратясь в Москву, она добивается и полной реабилитации Бориса Яковлевича Бабицкого. В этом ей помогает ее «милый друг», первый муж Анатолий Дмитриевич Головня, который сохранил дружбу с ней до самой кончины. Человек творческий, он добился больших успехов в кино. В 1947 году за фильм «Адмирал Нахимов» он получил Сталинскую премию первой степени, в 1950 году – за фильм «Жуковский» Сталинскую премию второй степени. А.Д. Головня стал заслуженным деятелем искусств РСФСР, Героем Социалистического Труда. Он получил почетный приз Международного кинофестиваля в Венеции.

Любовь Васильевна радовалась успехам первой ее любви - Анатолия Головни. Она прожила в Москве до 1982 года. На 77 году жизни ее не стало. Рассказывая людям о своей лагерной жизни в Казахстане, она часто вспоминала выстрел в тумане офицера НКВД, его малодушие, это живое самоубийство... Она сама после этого случая никогда не помышляла о суициде. Жизнь была дороже, прекраснее, несмотря на ее тернистые дороги...

Глава двадцатая

А жить приходится здесь

Он писал даже тогда, когда болел. Он даже лучше писал, когда болел. Все печали жизни поднимались со дна души, и туманили его больные близорукие глаза. И слезы выкатывались из них, и надрывно стучали по белой бумаге, размывая в грязные водянистые пятна написанное. Он потом еще разбирал собственные строки:

*«Мне в провалах судьбы
Одинаково жутко
От покорства толпы
И гордыни рассудка»*

Вы уже, наверное, по стихам догадались, о ком я начал писать? Конечно же, о Науме Коржавине, который волею подручных советского диктатора Сталина 20 декабря 1947 года был арестован в общежитии Московского литературного института. Спустя 55 лет в 2002 году на Лубянке Коржавину впервые покажут его следственное дело. И он пойдет в пем стихи, за которые так волнительно сильно пострадал, попав в ссылку в Сибирь, а затем переехав в Караганду, где « надо всегда спешить», где «многие так на ходу умрут, не зная, что значит жить»...

Ах, эти давно забытые строчки, стихи лесенкой, ведущей не на Парнас, а прямо в глухую сибирскую тайгу, покрытую застывшими шапками снега, в одиноко стоящий холодный дом - барак на окраине деревни Чумаково Новосибирской области, где мерзнут до лиловой красноты руки и лицо, где волки воют от тоски безвыходной и пугающего бледнолуния по долгим зимним ночам.

Безусловно, он мог бы за свои антисоветские стихи «подлететь» и дальше Новосибирска, Караганды - в Магадан или во Владивосток, как это сделал Сталин с поэтом Осипом Мандельштамом, который в конце жизни оказался на скалистом безжизненном берегу Тихого океана, в лагере смерти «Вторая речка». Там, близ Владивостока, заключенные из числа стукачей хотели сбросить Мандельштама с корявых каменистых круч прямо в пучину морских, ледяных волг на съеденье голодным акулам, но поэт крикнул: «Бога побойтесь!», и убийцы отступили. И в это время маяк ослепил всех, загоняя в бараки. Теряющий любовь

к людям поэт вскоре потерял рассудок, ему всюду мерещились яды, отравы... Его похоронили на кладбище лагеря «Вторая речка» под звон склянок на кораблях, стоящих в Амурском заливе. Туман над морем лежал густой и мокрый, казалось, это плачут и небо, и земля.

Студенты литинститута, служители и почитатели муз в то время зачитывались стихами Мандельштама о душегубе Сталине с пальцами- красными червями и тараканьими усами. Мужество гиблого поэта Мандельштама покоряло и брало в сердечный плен. Вся страна здравицы пела в честь великого кормчего-Победителя, а Мандельштам пророчески предупреждал в своих стихах, что «будет губить разум и жизнь Сталин».

Наум Коржавин как бы в продолжение поэтической линии Мандельштама написал цикл стихов против культа личности Иосифа Виссарионовича. И написал их задолго до знаменитого XX съезда партии, при здравствующих еще Сталине и Берии...

«Гуляли, целовались, жили- были...»

А между тем, гнусавя и рыча,

Шли в ночь закрытые автомобили

И дворников будили по ночам...»

Эти никак не обузданные внутренним цензором строчки заканчивались словами: «И мне тогда хотелось быть врагом».

Сейчас, обозревая поэзию Коржавина, можно смело сказать, что он был вторым после Мандельштама поэтом в СССР, который во всю силу своего литературного таланта выразил ненависть людей к сталинскому режиму:

«Все, с чем Россия в старый мир врывалась,

Так, что казалось, что ему пропасть,-

Все было смято...

И одно осталось -

Его неограниченная власть».

Откуда у 19-летнего поэта появилось столько гнева к большевизму-царизму, верховному жрецу марксизма-ленинизма Сталину? Евгений Евтушенко и тот ужаснулся строкам Коржавина, бичующим сталинизм, и позже назвал Наума в одном из интервью «знаменитой политической мыслью молодой России».

Так откуда же все-таки у Коржавина глубокая неприязнь к тоталитаризму? Может быть, его родители были репрессированы и ему с детства пришлось хлебнуть большой кувшин горя горемычного? Да нет же, конечно, родители его здесь были ни при-

чем, они считались людьми благонадежными, далекими от поэзии и политики, все их помыслы сводились к одному - как раздобыть хлеб-соль для семьи, как избежать голода и дырявых галош, в которых долгое время ходил в школу в Киеве их сынок Эмка Мандель.

Все объясняется просто - вместе с Великой Победой над фашизмом в страну в конце сороковых годов вернулись большие надежды людей на обретение свободы, права творить, любить и жить по законам гуманизма, а не какого-то казенного коммунизма с его выдуманым хваленым коллективизмом. Эйфория много свободного творческого труда с печатью индивидуального восприятия мира охватила многих писателей. Раскрепощались от страха и боязни их души. Борис Пастернак, любимый поэт Коржавина, приступил к работе над романом «Доктор Живаго» со страстным желанием « начать договаривать все до конца и оценивать жизнь в духе былой безусловности, на ее широчайших основаниях». «Смерти не будет» - уверенно вывел эти слова Пастернак в черновой рукописи романа. И, конечно же, молодые поэты следовали за Патриархом, утверждая в обществе дух свободлюбия, и смело высказывали свои мысли вслух и на бумаге. И хотя их вольные стихи не печатались в газетах и журналах, они ходили по домам читателей в рукописном виде. Позже Коржавин скажет:

-Каким же идиотом надо было быть в то время, намеренным идиотом, чтобы самому себе создавать веру! Мне казалось, что я кое-что понимал в происходящем, оказалось - нет. И теперь давно уже повсюду говорю: спасибо нашим органам, что они вернули меня к действительности.

Да, надежды на отступление сталинского тоталитаризма не оправдались в первые же месяцы после Великой Победы. В литературе с новой силой стал внедряться дух восхваления культа личности Сталина, трескучих парадных фраз, победных реляций, репрессивных методов руководства писателями. Снова на полный ход были запущены карательные механизмы сталинской системы, и среди новых жертв ее оказался Коржавин.

В постановлении на его арест и обыск было сказано: «Написанные Манделем стихи антисоветского характера, содержат клевету на советский строй, руководителей ВКП(б), социалистическую действительность и жизнь трудящихся СССР». (Из архива «Мемориала»).

Получив три года сибирской ссылки, Наум многое стал понимать по-иному, часто вспоминал любимое выражение Бисмарка: «Язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли». И он скрывал их, вплоть до того, что научился врать, признавая величие Сталина, благие деяния большевиков-революционеров, то есть, как он сам говорил, «добровольно впал в кретинизм».

Вот в таком состоянии он и приехал жить в Караганду к своему дяде по материнской линии после сибирской ссылки. А так как надо было добывать себе хлеб насущный на жизнь, Наум по совету родственника поступил в горный техникум. Там не только стипендию выдавали в то время, но и форму, предоставляли место в общежитии.

Казалось, еще один удар судьбы, и Наум навсегда порвет с поэзией. Лгать в литературе ему не хотелось, а писать правду тогда нельзя было, как он в том убедился на собственном горьком опыте. Даже такие зубры в поэзии как Анна Ахматова в то время ломались, отступали. Коржавин знал, что до 1949 года эта великая поэтесса не написала ни одной хвалебной строчки во славу Сталина, как это делали ее многочисленные преуспевающие коллеги. Даже когда ее исключили из Союза писателей СССР, даже когда лишили продовольственных карточек, пытались пришить шпионаж в пользу Англии (она встречалась в Ленинграде с пришедшими к ней в гости почитателями ее таланта – английским дипломатом Исайей Берлиным и сыном Черчилля Рандольфом)... Она все могла вытерпеть, выстоять, выдержать! Но когда у нее забрали сына Льва Гумилева, отправили в лагеря смерти, ее мужественное сердце не выдержало. Она хорошо понимала, что дорога к освобождению самого близкого ей человека лежит только через Кремль. Достаточно одного слова Сталина, и любимый Левушка снова будет на свободе рядом с ней. И она приносит в жертву свое мировосприятие и совесть поэта, чтобы только спасти единственного сына. Больно покусывая губы, преодолевая свое внутреннее «не могу», она сочинила цикл стихотворений «Слава миру», который посвятила вождю всех народов СССР, неслгибавшему борцу за мир Сталину. Позже она запретила их публиковать в своих книгах.

А тогда главный редактор журнала «Огонек», поэт Алексей Сурков чуть дара речи не лишился – неподкупная, недоступная Анна Ахматова... и вдруг в стихах восхваляет Сталина. Это же умопомешательство!

Что делать? И Сурков, подумав, посылает стихи Ахматовой в ЦК. Что скажут хозяева, так и будет. Вскоре ему позвонили из Кремля: печатайте!

Увы, несмотря на поклонные стихи Ахматовой, ее сына Льва Гумилева Сталин не освободил. Попыхивая трубкой, он сказал Берии:

- Пусть «монахиня» еще напишет порядочные стихи. А если выпустить ее сына, она опять возьмется чернить страну, в Англию помчится...

Коржавин был в шоке, когда прочитал в «Огоньке» стихи Ахматовой, посвященные великому кормчему. Не подделка ли? - сомневался.

К чести и достоинству Наума Манделя он никогда не восхвалял Сталина, не кланялся ему, не писал прошений на его имя из Сибири. Но в первые годы пребывания в Караганде он не сочинял и вольнолюбивых стихов. Да это в то время невозможно было делать! Известный в республике журналист и поэт Илья Иванович Колчин в 50-е годы работал главным редактором областной молодежной газеты «Комсомолец Караганды», а затем первым заместителем главного редактора областной газеты «Социалистическая Караганда». И он мне доверительно рассказывал, что Наум Мандель был благонадежным по тем временам поэтом. Мало кто из журналистов знал, догадывался, что он был осужден за антисоветские стихи. В редакции газеты «Комсомолец Караганды», а позже в «Социалистической Караганде» его считали своим парнем, не лишенным поэтического дара, охотно печатали его поэзию. О чем он тогда писал? Это были стихи о шахтерах, о войне, о детях Освенцима, даже о храбром комиссаре Ларисе Рейснер... Фраза из стихотворения Коржавина о шахтерах Караганды: «Мы работаем здесь, а живем на гора!» стала крылатой, ее повторяли горняки в забоях и лавах.

Об этом же рассказал в своей книге «Деревья, как люди, не здесь родились»... бывший депутат областного маслихата, горный инженер Михаил Семенович Бродский. Повествуя о Коржавине в Караганде, он отмечает: «Единственное, что я понял - он студент Карагандинского горного техникума. А то, что он поэт милостью Божьей, исключенный из Литинститута за «антисоветчину» (стихи его в списках ходили по Москве еще в 45-47 годах) - не знал».

Не знали этого и местные литераторы, которые восторженно

встретили поэзию Коржавина. Тогда при редакции газеты «Социалистическая Караганда» бытовало литературное объединение, которым руководил писатель Николай Алексеевич Пичугин. И вот на его сборах, вспомнил Бродский, «Эмка нам читал свое «Бородино», которое мы все слушали, затаив дыхание». И далее: «И когда он прочитал заключительную строфу, царившая до той поры тишина разорвалась, как на представлении, авлодисментами. Старик Пичугин, покачивая трясущейся головой, без конца повторял: «Ах, сукин сын, голубчик Наум, это гениально!» И никто в тот вечер не посмел читать свои стихи, которые на фоне манделевских звучали бы как жалкий детский лепет. Как раз после того чтения Боярский (главный редактор газеты – В.М.) и решил ее опубликовать Манделя».

Илья Иванович Колчин подтвердил достоверность написанного Бродским. Действительно, Михаил Федорович Боярский не устоял и предложил Науму сотрудничать в газете. Только одно условие поставил: чтобы фамилия «Мандель» в газете не появлялось.

- Хватит истории Мандельштама, - то ли всерьез, то ли в шутку сказал он.

И предложил Эмке придумать псевдоним. Так появился в газете поэт Наум Кальвин. Под этим псевдонимом Мандель печатался в обкомовской газете до самого отъезда в Мыгитши, где придумал себе новый псевдоним Коржавин.

Может быть, Эмка навечно остался бы жить в Караганде: в газете неплохо платили, он женился, приобрел небольшую квартиру, родилась дочь Елена. Но его вспугнули стукачи - люди подлые, завистливые и бездарные. Были такие и в «Социалистической Караганде». Они постоянно искали крамолу в поэзии Мальвина, и, наконец, нашли ее в стихах «На смерть Сталина» и других. И один из самых шустрых доносчиков сообщил в органы, что Мандель опять взялся за старое, порочит чудесную Родину, нового руководителя страны Маленкова... И Боярского они предупредили, что Мальвин вляпался в антисоветчину. И тот, испугавшись за Эмку, вызвал его и велел ему выбросить вредоносные для общества строки из стихов, переделать их так, чтобы комар носа не подточил.

Но Наум переделывать ничего не стал, а написал заявление по собственному желанию, упаковал чемодан и был таков. Он понял, что обстановка в Караганде резко меняется, к власти в га-

зете вновь приходят прислужники – бериевцы. А тут еще письмо от Ильи Эренбурга, который сообщил, что Наум восстановлен на третьем курсе литинститута. Чем не повод убраться восвосяи, пока цел, из грязной и черной Караганды?

В 1956 году Эмка Мандель успешно окончил литературный вуз, но даже с двумя дипломами остается безработным, невостребованным. У него нет самого главного в СССР - так называемой хлебной карточки-партийного билета. Он, наконец - то, заново прозревает – на всех руководящих литературных постах в газетах, журналах, издательствах сидят шишкарки - коммунисты. Они могут быть совсем бездарными, даже совсем безграмотными, безмозглыми, но у них всегда есть работа! Они - первые пехухи, директора и редакторы, они - замы, они - заведующие всеми литературными, газетными, журнальными цехами, им - первая чарка и первая вилка на всех мероприятиях. И их надо уговаривать, им надо доказывать, их надо ублажать, чтобы в конце концов в какой-нибудь столичной газете или журнале появилась подборка твоих стихов, и тебе за нее выписали гонорар хотя бы 30 рублей, чтобы ты и твоя семья не сдохли с голоду.

Коржавина печатали редко, от случая к случаю, о нем говорили в редакциях: не патриот. Одетый кое-как, плохо причесанный и небритый, сильно похудевший, он был похож на революционера-разночинца из рабочей среды, готового по первому зову встать на баррикады против существующей власти, темной силы руководителей, чиновников, которых расплодилось в Москве при Хрущеве-Брежневеве бессчетное количество, как комариных туч на болотах.

Не удивительно, что круг его самых близких товарищей, коллег - это оппозиционеры, диссиденты, такие же безработные, как он, - словом, потерянное и проклятое коммунистами новое поколение инакомыслящих. В самом центре Москвы на улице Горького он вновь встречается с давним другом, сыном знаменитого поэта Сергея Есенина Александром Есениным - Вольпиным, которого позже назовут «отцом правозащитного движения в СССР». Алек с возмущением сообщает ему о незаконном аресте писателей Юлия Даниэля и Андрея Синяевского, предлагает ему подписать открытое письмо в их защиту. Расул Гамзатов отговаривает:

- Эмка, нэ надо подписывать, нэ надо. Лучшее выпьем «Цинандали»...

Но Наум Коржавин не скрывает своих симпатий к диссиден-

там и ставит свою подпись под гражданским обращением. Больше того — он выходит вместе с правозащитниками на Пушкинскую площадь на «Митинг гласности», выражая протест против существующего режима, поддерживая общественное движение, называемое диссидентством. В своей книге «Семь вождей» Дмитрий Волкогонов пишет: «А. Синявский, Ю. Даниэль, В.Буковский, М. Растропович, А. Солженицын, П. Григоренко, десятки других отважных людей, представителей советского интеллигентного слоя, своими выступлениями, мыслью, протестами высветили органическую ущербность ленинской системы. Ущербность гуманитарную, правовую, общественную» ...

К этим отважным людям сегодня мы присоединяем и Наума Коржавина. Он не боялся попасть в черные списки серого кардинала Сулова и всемогущего Андропова как диссидент. Михаил Бродский пишет в своей книге: «Мандель не мог молчать. Он ввязывался все время в «драки». Протестовал против ареста Анатолия Марченко, Павла Литвинова (правозащитники, узники совести — В.М) и преследования А. Солженицына. И, конечно же, ему ничего не забыли, а тем более — на простили... И душили не только материально, но и морально».

В своей книге Бродский вспоминает последний приезд Наума Коржавина в Караганду в составе делегации московских писателей. Местные власти во всю чествовали лояльных поэтов Роберта Рождественского, Константина Ваншенкина, Агнию Барто, а Наума замалчивали, будто он — лишний, хотя Коржавин присутствовал на всех мероприятиях, на всех творческих встречах. Бродский пишет: «Вот — пример: поехали в Темиртау. Читали они на большом заводе. Всем вручили подарки, а ему нет. Забыли? Возможно. Случайность? Быть может. Только хреново у него на душе от такой случайности». Далее Бродский сообщает: «Поехали — в совхоз. Опять им устроили дастархан, во время которого дарят всем национальные казахские халаты, а его опять забыли. Снова случайность? Теперь уж и мне не верится». Дальше — больше. «Выступали они с Татьянической на швейной фабрике. Ее награждают почетным знаком «Шахтерская слава» первой степени, а его — третьей степени. Мандель — дипломированный горный техник, а она? Смешно. Если бы не так грустно».

Масла в огонь подливают и местные журналисты. Опять же сошлемся на Бродского: «Обычно, когда у нас в провинции появляется столичная знаменитость, наши доброхоты стараются им

предоставить режим наибольшего благоприятствования—целую полосу или подвал под их опусы. Так было и на сей раз. И для Татьяничевой, и для Ваншенкина, и для Рождественского, и для Барто, и для Дудина нашлось место, но только не для Манделя. Не ирония ли судьбы: в газете, в которой он работал, не нашлось места для одного стихотворения».

Когда один из читателей обратился к секретарю обкома партии по идеологии, почему в газете не представили Коржавина, тот воскликнул:

- Это имя слышу впервые!

А затем, подумав, спросил:

- Он, кажется, художом? Да, да, у него стихи мрачные, тоскливые, он видит вокруг зло, сталинщину, вот и не напечатали...

Получается, редакции газеты дали негласное указание из обкома: «Коржавина не пущать». Выходит, его снова начали преследовать, хотя *нимб* Сталина уже давно потускнел, и на нем все явственнее выступали мерзкие пятна преступника, уничтожавшего свой народ. Но, как ни странно, в ЦК КПСС в то время хотели даже реабилитировать Сталина (в связи с его 90-летием), за счет этого укрепить идеологию соцсистемы.

Коржавин решил уехать за границу после того, как снялся в фильме «Бег» по Булгакову. Ему дали сыграть в этой картине эпизодическую роль зазывалы в стамбульском цирке. Одетый в черный фрак с бабочкой, он кричит: «Дамы и господа! На арене—русские казаки!»

После последней съемки Коржавин пришел домой и устало шепнул жене Любе:

- Все. Игра окончена, свечи погасли. Не хочу больше иметь второстепенных ролей ни в кино, ни в жизни, ни в поэзии.

Люба видела, что Наума в последнее время охватывает хандра, ему надоела все эти Рождественские, Евтушенко, первые из первых, обеспеченные и сытые, очередная «охота на ведьм».

О событиях тех лет правдиво писал в «Русской мысли» немного позже в 1981 году в статье «Карьера» известный прозаик Анатолий Гладилин. В частности, он сообщал об Евтушенко: «Его бывшие товарищи уезжали в эмиграцию, зато у самого Евтушенко выходили тома скороспелых стихов. Он приобрел дачу, квартиру в высотном доме и— предел мечтаний советского мещанина— черную «Волгу» с телефоном».

Иной была судьба Наума Коржавина. В России, как мы знаем, он издал один-единственный поэтический сборник «Годь». По-

стоянно жил в страшной нужде, плохо одевался, питался. Не зря в конце концов он пришел в своем творчестве к Богу. В 90-е годы поэт писал: «И то, что я недавно крестился, естественный итог всей моей жизни».

А тогда? Нет, Коржавин не завидовал более удачливым Рождественскому, Евтушенко, ибо понимал, что всегда униженные, последние, такие, как он, будут у Бога первыми, что народ ценит только гонимых, говорящих Правду.

И он сказал жене:

- Люба, интуиция подсказывает мне: пора! Пора, пока не поздно, лететь на русской тройке в Америку. Это – единственное наше спасение.

Действительно, в Москве опять начались аресты, писать горькую правду стало опасно, гибло, начались обыски в домах его друзей Войновича, Некрасова... Его самого вызывают в прокуратуру, допрашивают, с кем когда пил, что говорил, какие бумаги в защиту прав человека в СССР подписывал.

А в это самое время в Кремле Л.И.Брежнев пишет в своем рабочем дневнике: «О наградах. Дать Гречко орден Ленина, Ворошилову и Буденному - героев, Епишеву- Ленина, Тимошенко, Ерменко, Баграмяну и Москаленко- ордена октябрьской революции. Всем маршалам дать по служебной «чайке». И дальше: «О допуске всякой швали к военным архивам и их использованию в неблагоприятных целях - ужесточить», «О законодательстве- высылать за пределы страны».

И начали высылать. Солженицына, Чалидзе, Максимова, Красина... За рубежом оказались и многие близкие друзья Коржавина- Павел Литвинов, правозащитник, участник знаменитой демонстрации 25 августа 1968 года на Красной площади против вторжения советских войск в Чехословакию, Александр Есенин-Вольпин, поэт, диссидент, лауреат «Сахаровской премии», член первого Комитета по правам человека в СССР...

В Бостоне они встретятся - вместе отбывавшие ссылку в Караганде, два поэта, два друга. И Александр скажет Науму, как при встрече в Москве:

- Почитай что-нибудь о ссыльной Караганде, о нашей далекой молодости.

И Коржавин вспомнит стихи «Осень в Караганде», символические строчки: «Деревья, как люди, - не здесь родились, а жить приходится здесь».

Глава двадцать первая Сын Есенина

«Уважаемый Валерий Михайлович! В вашей книге «Звезды Гулага» вы сообщаете, что на вольном поселении в Караганде отбывал свой срок как социально опасный элемент младший сын замечательного русского поэта Сергея Есенина Александр. Не смогли бы рассказать об этом более подробно? Ваш читатель Александр Сидоров».

Это не первое письмо с подобной просьбой, которое я получаю. Читатель Дмитрий Петров из города Сарани вообще не поверил в то, что сын Есенина пребывал в ссылке в Караганде. Он даже вспомнил пословицу: «Свежо предание да верится с трудом».

Между тем это, действительно, так: в 1949 году кандидат математических наук, правозащитник Александр Сергеевич Есенин-Вольпин был арестован, долгое время его содержали в психбольнице тюремного типа, затем по указанию Берии отправили на вольное поселение в Караганду.

В учетной карточке ссыльного А.С. Есенина-Вольпина значится, что он родился 12 мая 1924 года в городе Ленинграде. Его мать, поэтесса, переводчица Надежда Давыдовна Вольпин в беседе с корреспондентами отмечала, что Саша с детства отличался редкой душевной добротой, способностью постоять за обиженных друзей, бороться за правду до победного конца. Как мы знаем, эти качества были присущи и его отцу. Только если Сергей Есенин впадал частенько в панику, тоску, апатию, а то и в горячечный бред, как он писал сам, «с большой душой поэта пошел скандалять я, озорничать и пить», то в отличие от него Александр держался всегда разумно, не выходя из себя, с рюмкой никогда не дружил и в запой не впадал. Свое несогласие с тоталитарным режимом он выражал только в статьях, стихах, унаследовав от отца талант поэта, мыслителя, философа. До кулачных боев, Москвы кабадкой, разгрома зеркал и мебели в гостиницах он не доходил, но позволял себе писать такие стихи:

*«Я не знаю, зачем я живу
И чего я хочу от зверей,
Населяющих злую Москву!»*

(Из сборника А.Есенина-Вольпина «Весенний лист»)

Правозащитник А.П.Лавут, выступая на вечере по случаю 80-летия А.С.Есенина-Вольпина 12 мая 2004 года в Доме свободной прессы, говорил: «У Алека была и есть интересная и странная особенность – не врать. Не врать и все. Говорят: а как же жить? Вот так, без вранья».

За правду в сталинские времена миллионы людей страдали. Концлагеря великого кормчего без огнедышащих крематориев были заполнены до отказа. Конечно, прямой дорогой туда шел и отец Александра Сергей Есенин. А все дело в том, что его поэзию очень любил первейший враг Сталина – Лев Троцкий, который всячески расхваливал книги Есенина. Иосиф Виссарионович, конечно, заинтересовался стихами русского поэта, и взял его имя под критический прицел. Но расправиться с крамольным поэтом не смог – Сергей Есенин ушел из жизни, не успев спросить на то разрешения у властей. И все же, несмотря на трагическую гибель поэта, Сталин дал указание начать травлю его имени в пику Троцкому, который выступил в прессе с эссе о «талантливом русском поэте Сергее Есенине». И по явному спецзаказу свыше в печати появляются в угоду Сталину статьи и рецензии Карла Радека, А.Лежнева, Льва Сосновского, в которых Сергея Есенина обвиняют во всех смертных грехах только потому, что он самобытный талантливый поэт. И что прискорбно – такой мыслящий руководитель партии как Николай Бухарин подливает масла в огонь, публикуя в «Правде» 12 января 1927 года свои «Злые заметки», в которых доводит читателя до абсурдной мысли – запретить публиковать поэзию Есенина.

- Я не хотела, чтобы мой сын пошел по стопам отца, - говорила Надежда Давыдовна Вольпин в Москве. – Я видела, что практически все честные писатели, которые не были связаны с НКВД, подвергались репрессиям, расстрелам. Какая мать хочет пожелать своему ребенку несчастья? И поэтому я прививала с болью в душе Александру со школьных лет ненависть к литературе, гуманитарным наукам... Я думала: далеким от поэзии технарям легче жить, ведь они не размышляют, как правило, о переустройстве мира, власти, не лезут в грязную политику.

И вроде все шло по плану матери: Александр поступает на механико-математический факультет Московского университета, который оканчивает в 1946 году с отличием. Его сразу приглашают в аспирантуру НИИ математики при МГУ, через три года он

блестяще защищает кандидатскую диссертацию по топологии и едет работать по направлению на Украину в город Черновицы.

И, может быть, его жизнь сложилась бы удачно, если бы... не стихи. Да, да, Александр, скрывая это от матери, пишет еще в Москве в университете вольнодумные стихи, в которых, как и отец, воспевают свободу, право человека на инакомыслие, творчество и самостоятельность. Его основной девиз: «Живи как свободный человек».

И в студенческие годы он становится уже популярным среди молодых интеллигентов. Его одноклассник, математик Владимир Успенский свидетельствовал: «Алек читал свои стихи... Молодой, красивый, очень кудрявый человек. Звонящий голос. Сын полузапрещенного Есенина. И совершенно необычные стихи, тогда так никто не писал!».

Однако вся беда состояла в том, что поэт Александра Есенина, будто сговорившись, редакторы различных советских изданий не печатали! В одной из редакций знаменитого журнала заведующий отделом поэзии согласился взять к публикации стихи Александра с условием, что поэт выбросит некоторые «сомнительные» строчки. Однако сын Есенина вырвал из рук окаменевшего редактора свои стихи со словами:

- Ты - не литератор, а цензор! Твое место в МГБ!

И, разгоряченный, шагая по Москве, он вспоминал рассказ матери о том, как в Госиздате взялись за редактирование стихов его отца, вычеркнули оттуда слова «Бог», «Саваоф» и другие. Сергей Есенин возмутился, забрал свою поэтическую книжку из Госиздата и больше туда никогда не приходил.

Но где же Александру печататься? Если в СССР нет издательств, где дышалось бы вольно поэтам, стало быть, выход один – публиковаться за рубежом, во Франции или США. Такой шаг сделать в то время было нелегко, ибо выход книги за границей считался тогда чуть ли не предательством, а порой прямо приравнивался к измене Родине.

Стихи Александра Есенина-Вольпина как раз и стали причиной его первого ареста органами безопасности. Произошло это в Черновицах 24 июля 1949 года. Его привезли в Москву на Лубянку. Следователь почему-то стал подробно интересоваться здоровьем Александра, состоянием его сердца, психики. Затем прямо заявил ему, что он «очень и очень болен».

- Тебе, Алек, нужен санаторий, чтобы просветить голову, что-

бы ты не писал стихи-насквили на советскую действительность, - говорил он и ехидно добавлял. – Мы тебе такой «санаторий» устроим, что ты вообще перестанешь писать.

Именно в те годы впервые в практике чекистов все больше стали использовать психиатрию в политических целях для подавления инакомыслия и вольнодумства. И Александра Есенина-Вольпина помещают в Ленинградскую психбольницу тюремного типа, где держат подальше от глаз людских целый год. Ему дают такие препараты, что начисто лишают его памяти, он не узнает друзей, даже родную мать. Здесь он впервые знакомится с уголовниками, убийцами, которых врачи признают невменяемыми за большие взятки, чтобы спасти тех от казни. Такие, с позволения сказать, «больные» устанавливают в психиатричке свои порядки, отнимая у соседей передачи, деньги, даже одежду, обувь. Если не отдашь, повесим. И однажды Александр увидел в курилке такого повешенного. А парню было всего восемнадцать лет...

Александра уголовники не трогали, наоборот - даже охраняли. Им было лестно, что вместе с ними в одной палате находится сын самого Сергея Есенина. Один старый вор, весь поседевший и сторбленный, сказал ему:

- Зачем ты пьешь их лекарства? Это ведь яд, медленная смерть. Они твой дух усмирят, а затем и твое сердце остановят, мозг парализуют. Выбрасывай все их снадобья в унитаз в туалете. И сразу почувствуешь, тебе станет лучше.

Добрый совет старого вора помог Александру избежать смерти. Больше того - он отказался от разных успокоительных инъекций. Главный врач тюремной психбольницы вынужден был доложить начальству, что Есенин-Вольпин стал уклоняться от лечения, опять взялся за перо.

И 9 сентября 1950 года ОСО при МГБ СССР принимает постановление: приговорить Есенина-Вольпина к пяти годам ссылки, ибо он - «социально-опасный элемент». Ссылку отбывать его направляют в Караганду.

Спросите: как же отбывал свой срок Александр в Караганде? К сожалению, почти всех свидетелей жизни и работы сына Есенина в шахтерском городе уже нет. Охотно об этом в свое время рассказывал людям депутат областного маслихата, местный литератор Михаил Семсевич Бродский. Он даже замыслил написать книгу о дружбе трех поэтов, трех ссыльных - Александра Есенина-Вольпина, Наума Коржавина и Юрия Айхенвальда, во-

лею судьбы заброшенных в одно время в Караганду. И это была бы замечательная книга о том, как надо дружить в проклятом Богом краю, поддерживать друг друга в самые тяжелые годы, когда над головой висит Дамоклов меч и тучи ходят хмуро... Но Михаил Семенович не успел осуществить свой замысел, написав только небольшую документальную книгу «Деревья, как люди, не здесь родились». И в ней я нашел несколько слов о сыне Сергея Есенина. Рассказывая о смерти Сталина и разоблачении Берии, массовых амнистиях и реабилитации политических заключенных, Михаил Бродский пишет: «Уехал Алек Есенин-Вольпин, сын Сергея Есенина и будущий диссидент-правозащитник 60-70-х годов. После Карлага он преподавал математику в учительском институте. Я часто видел его, одиноко шагающего по городу в неизменной зеленой велюровой шляпе. Обычно по утрам, встречая грузовики, набитые эсками, с двумя вертухаями впереди и сзади, он останавливался у самой обочины, и когда машина проходила мимо, начинал размахивать шляпой и кричать:

- Друзья, я с вами!!!»

Действительно, Александр Есенин-Вольпин оставался всем сердцем и душой с поработленным сталинизмом народом, его горем и высоким стремлением к свободе и счастью. В Караганде, преподавая математику в учительском институте, он одновременно ведет записи для своего «Свободного философского трактата», продолжает писать стихи. И все больше убеждается в том, что в СССР невозможно издавать свободолобивые произведения. В Караганде в то время не было издательств, выпускающих книги, а то, что он посылал в Москву, браковалось под разными предлогами. В карагандинских газетах Есенин-Вольпин публиковаться не хотел, ибо все они настолько делались штампованным партийным языком, что в них и читать-то нечего было. Судя по ним, все в стране «улучшалось», «поднималось», «расширялось», а Караганда «росла» и благоустранивалась благодаря инициативе умных руководителей-коммунистов, давала все больше угля. И так из номера в номер... О том, что в Караганде росли преступность, хулиганство, грабежи, наркомания, пьянство, ясное дело, в газете ни слова.

Когда Есенин-Вольпин узнал, что его давний московский друг Наум Мандель (Коржавин) устроился на работу в редакцию «Социалистической Караганды», то воскликнул:

- Не шутник ли ты, Эмка? Тебе в толстом литературном жур-

нале надо бы трудиться, а ты в малограмотную газету залез. Теперь подбирай рифму под слова «Партия - наш рулевой».

В редакции областной партийной газеты Эмка Мандель, к удивлению Александра, не сломался. Когда в 1953 году не стало великого кормчего, Коржавин написал стихи «На смерть Сталина» и прочитал их в компании своих друзей. Александр был потрясен коржавинскими строчками:

*«В его поступках лжи так много было,
А свет знамен их так скрывал в дыму.
Что сопоставить это все не в силах-
Мы просто слепо верили ему.
Моя страна!*

*Неужто бестолково
Ушла, пропала вся твоя борьба?
В тяжелом, мутном взгляде Маленкова
Неужто нынче вся твоя судьба?
А, может, ты поймешь сквозь муки ада,
Сквозь все свои кровавые пути,
Что слепо верить никому не надо
И к правде ложь не может привести».*

Александр долго аплодировал другу, а затем сказал:

- Предложи своей многотиражке, может, напечатают...

Наум опустил голову:

- Предлагал, отказали...

И тут Саша громко и твердо произнес: «Я давно убедился в том, что в СССР нет свободы печати, тем более в захолустной Караганде». И тут же добавил, таинственно улыбаясь, прямо глядя в глаза друзьям: «Но кто из нас скажет, что в России нет и свободы мысли?»

Позже Александра Есенина-Вольпина назовут «отцом правозащитного движения в СССР». Почему? Потому что, вернувшись из Караганды в Москву по амнистии в апреле 1953 года, он не склонит голову перед партийно-советскими властями, не утихомирится, а будет продолжать вести борьбу за подлинную, а не показную свободу личности в СССР. Он будет апеллировать к международным законам о правах человека, выступать за открытость и гласность действий всех государственных органов, за прекращение насилия по отношению к оппозиционерам, демократам, диссидентам, инакомыслящим... Он потребует прекра-

лею судьбы заброшенных в одно время в Караганду. И это была бы замечательная книга о том, как надо дружить в проклятом Богом краю, поддерживать друг друга в самые тяжелые годы, когда над головой висит Дамоклов меч и тучи ходят хмуро... Но Михаил Семенович не успел осуществить свой замысел, написав только небольшую документальную книгу «Деревья, как люди, не здесь родились». И в ней я нашел несколько слов о сыне Сергея Есенина. Рассказывая о смерти Сталина и разоблачении Берии, массовых амнистиях и реабилитации политических заключенных, Михаил Бродский пишет: «Уехал Алек Есенин-Вольпин, сын Сергея Есенина и будущий диссидент-правозащитник 60-70-х годов. После Карлага он преподавал математику в учительском институте. Я часто видел его, одиноко шагающего по городу в неизменной зеленой велюровой шляпе. Обычно по утрам, встречая грузовики, набитые эсками, с двумя вертухаями впереди и сзади, он останавливался у самой обочины, и когда машина проходила мимо, начинал размахивать шляпой и кричать:

- Друзья, я с вами!!!»

Действительно, Александр Есенин-Вольпин оставался всем сердцем и душой с поработанным сталинизмом народом, его горем и высоким стремлением к свободе и счастью. В Караганде, преподавая математику в учительском институте, он одновременно ведет записи для своего «Свободного философского трактата», продолжает писать стихи. И все больше убеждается в том, что в СССР невозможно издавать свободололюбивые произведения. В Караганде в то время не было издательств, выпускающих книги, а то, что он посылал в Москву, браковалось под разными предлогами. В карагандинских газетах Есенин-Вольпин публиковаться не хотел, ибо все они настолько делались штампованным партийным языком, что в них и читать-то нечего было. Судя по ним, все в стране «улучшалось», «поднималось», «расширялось», а Караганда «росла» и благоустривалась благодаря инициативе умных руководителей-коммунистов, давала все больше угля. И так из номера в номер... О том, что в Караганде росли преступность, хулиганство, грабежи, наркомания, пьянство, ясное дело, в газете ни слова.

Когда Есенин-Вольпин узнал, что его давний московский друг Наум Мандель (Коржавин) устроился на работу в редакцию «Социалистической Караганды», то воскликнул:

- Не шутник ли ты, Эмка? Тебе в толстом литературном жур-

нале надо бы трудиться, а ты в малограмотную газету залез. Теперь подбирай рифму под слова «Партия - наш рулевой».

В редакции областной партийной газеты Эмка Мандель, к удивлению Александра, не сломался. Когда в 1953 году не стало великого кормчего, Коржавин написал стихи «На смерть Сталина» и прочитал их в компании своих друзей. Александр был потрясен коржавинскими строчками:

*«В его поступках лжи так много было,
А свет знамен их так скрывал в дыму,
Что сопоставить это все не в силах-
Мы просто слепо верили ему.
Моя страна!*

*Неужто бестолково
Ушла, пропала вся твоя борьба?
В тяжелом, мутном взгляде Маленкова
Неужто ниче вся твоя судьба?
А, может, ты поймешь сквозь муки ада,
Сквозь все свои кровавые пути,
Что слепо верить никому не надо
И к правде ложь не может привести».*

Александр долго аплодировал другу, а затем сказал:

- Предложи своей многотиражке, может, напечатают...

Наум опустил голову:

- Предлагал, отказали...

И тут Саша громко и твердо произнес: «Я давно убедился в том, что в СССР нет свободы печати, тем более в захолустной Караганде». И тут же добавил, таинственно улыбаясь, прямо глядя в глаза друзьям: «Но кто из нас скажет, что в России нет и свободы мысли?»

Позже Александра Есенина-Вольпина назовут «отцом правозащитного движения в СССР». Почему? Потому что, вернувшись из Караганды в Москву по амнистии в апреле 1953 года, он не склонит голову перед партийно-советскими властями, не утихомирится, а будет продолжать вести борьбу за подлинную, а не показную свободу личности в СССР. Он будет апеллировать к международным законам о правах человека, выступать за открытость и гласность действий всех государственных органов, за прекращение насилия по отношению к оппозиционерам, демократам, диссидентам, инакомыслящим... Он потребует прекра-

щения применения статей Уголовного Кодекса к людям, не согласных с политикой КПСС. «Алек был первым человеком в нашей жизни, всерьез говорившим о советских законах», - отметит известный правозащитник Владимир Буковский.

Есенину-Вольпину затыкали рот при всяком удобном случае, заставляли молчать, вновь и вновь насильственно отправляли в психбольницы. Наконец, Александр Сергеевич не выдерживает и передает сборник стихов «Весенний лист» вместе с эссе «Свободный философский трактат» для публикации в США. За рубежом восторженно встречают эту книгу, она выходит большим тиражом. Здесь надо отметить, что это был второй случай после «Доктора Живаго» Бориса Пастернака, когда советский гражданин смело публикует за границей под своим именем книгу, не принятую в издательствах СССР.

Вскоре секретарь ЦК КПСС Л.Ф. Ильичев в одном из своих выступлений называет Есенина-Вольпина «ядовитым грибом». Журналист И.Шатуновский, выполняя явный спецзаказ ЦК КПСС, публикует в «Огоньке» фельетон «Из биографии подльца», в котором поливает грязью, как может, «идейного отщепенца» А.С.Есенина-Вольпина.

И тут Александр Сергеевич, не моргнув глазом, подает в советский суд заявление о привлечении Игоря Шатуновского к гражданской ответственности за оскорбление чести и достоинства. Такого в СССР еще не было! Суд вынужден был принять дело к рассмотрению, и хотя его решил не в пользу истца (из ЦК позвонили судье), люди стали понимать, что следует отважнее использовать даже дремучие советские законы в своих интересах!

По сути, победа в суде И.Шатуновского стала его публичным поражением, вся Москва заговорила о смелости поступка Есенина-Вольпина. В конце концов у каждого журналиста должна быть чистая совесть, и прежде чем разить человека ничемными подлыми словами, надо сто раз подумать: а стоит ли? Тем более стыдно и безобразно писать под диктовку этих партийных оболтусов – секретарей ЦК, невежественных и, как правило, полуграмотных людей, идеологических паразитов на теле народа.

В сентябре 1965 года незаконно арестовали писателей Юлия Даниэля и Андрея Синявского. И в их защиту Александр Сергеевич выпускает листовку «Гражданское обращение», где требует согласно международным законам гласности судебного разбирательства по этому делу. Он призывает 5 декабря в День Совет-

ской Конституции собраться всем правозащитникам на Пушкинской площади на «Митинг гласности». Этот митинг, проведенный по инициативе Есенина-Вольпина, по сути, стал первой в СССР громкой акцией протеста против существующего режима и порядков, навязанных стране коммунистами. Именно после этого митинга борьба за права человека в СССР становится общенародным общественным движением. Советская карательная система, как старая продырявленная лодка, начинает захлебываться в волнах народного гнева и возмущения...

А.С.Есенин-Вольпин призывает советских людей к глубокому изучению юридических документов, чтобы умело использовать их против нарушения законности в СССР, которые допускаются в деле преследования инакомыслящих, разрабатывает «Памятку для тех, кому предстоит допросы».

Чтобы уговорить бунтарский дух сына Есенина, на него опять набрасывают смирительную рубашку и увозят в психбольницу. Но времена круто меняются, приближается век гласности, и то, что раньше сходило с рук карательным органам, теперь не могло не быть незамеченным народом. В защиту А.С.Есенина-Вольпина поднимаются известные советские ученые, прогрессивные писатели. о вопиющем факте насилия над ним сообщают радиостанции всего мира. И тогдашний председатель КГБ Юрий Андропов решает отступить, дает команду выпустить из психбольницы сына Есенина, но надзор чекистов за его поведением не снимает.

Тем не менее Александр Сергеевич никак не прекращает свой «сизифов труд», заботясь и борясь за права психически больных, диссидентов, демократов, за гласность в СССР международных пактов о правах человека. Власти не в силах больше терпеть инакомыслия сына Есенина – с личного одобрения Л.И. Брежнева его выдворяют из страны. В Москве на Белорусском вокзале Александра провожает академик Андрей Дмитриевич Сахаров, основавший впервые в СССР Комитет прав человека. Именно в работе этого Комитета в качестве эксперта многие годы принимал самое активное участие А.С.Есенин-Вольпин, о чем можно прочитать в книге А.Д.Сахарова «Мир, прогресс, права человека» (издательство «Советский писатель», Ленинградское отделение, 1990 год).

В связи с этим фактом любопытны высказывания писателя Дмитрия Волкогонова из книги «Семь вождей» (издатель-

ство «Новости», Москва, 1998 год). В частности, он пишет: «В брежневские годы получило широкое распространение проявление инакомыслия, вольнодумства, духовного протеста. Сам генсек, уже мало интересовавшийся государственными делами, тем не менее всегда с большим интересом и одобрением следил за деятельностью Андропова и его мрачного ведомства. Он лично одобрил высылку за границу Солженицына, Чалидзе, Максимова, Красина, Литвинова, Есенина-Вольпина и других диссидентов». И далее: «Сквозь бетон консервации системы пробивались ростки свободомыслия, которые тут же топтали сапоги спецслужб. Но они пробивались».

Да, это верно сказано: «пробивались». Но какие колоссальные потери самых светлых умов понесла Россия! «Утечка мозгов» продолжалась неизмеримо долго и после отъезда сына Есенина в Америку ...

Нашел ли свое счастье Александр Сергеевич в США? Видимо, да, ибо он около тридцати лет успешно преподавал в университете города Буффало, а затем в Бостонском университете. За рубежом была учреждена так называемая «Сахаровская премия». Первому ее присудили за активную деятельность по защите прав человека в СССР Александру Сергеевичу Есенину-Вольпину.

Тут следует отметить, что в 1999 году, наконец-то, сбылась его заветная мечта – в России выпустили «Избранное» А.С.Есенина-Вольпина. Со слезами на глазах 75-летний сын Есенина взял в руки эту книгу. Журналисты атаковали его вопросом: «Что самое памятное в вашей жизни?». Александр Сергеевич ответил:

- Самое памятное для меня – это когда я устроил митинг в Москве на Пушкинской площади в защиту обездоленных диссидентов. Друзья мне говорили: «Остановись, тебя будут преследовать до конца жизни». А я им сказал в ответ: «Почему я должен сидеть молча, когда происходят эти процессы?».

Если бы такие демонстрации происходили в 20-30-х годах, если бы они тогда составляли фон московской жизни, то Сталина просто не удалось бы захватить ту власть, которую он получил. Мы должны быть все-таки готовы к тому, чтобы встретить будущее и не дать им повторить прошлое.

И поглаживая ладонью книгу, выпущенную в Москве, он вдруг вспомнил стихи своего отца Сергея Есенина:

*«И сердце по-старому бьется,
Как билось в далекие дни...»*

Глава двадцать вторая *«Я верен был своей Отчизне»*

«Уважаемый Валерий Михайлович! В газете «Караван» я прочитал о том, что в Карлаге отбывал свой срок как враг народа ленинградский писатель-переводчик Давид Выгодский. К сожалению, я ничего не слышал о таком писателе, правда ли, что он содержался в Карлаге, за что. Прошу рассказать более подробно.

*Евгений Петров,
читатель из Темиртау».*

Действительно, недавно в «Караване» среди имен знаменитых узников Карлага назвали и писателя-переводчика из Ленинграда Давида Выгодского. Я давно собираю материалы об этом талантливом человеке. В моей архивной папке я нашел справку, выданную КГБ СССР (управление по Ленинградской области) 11 марта 1990 года №10/28-517. В ней сообщается, что Выгодский Давид Исаакович был арестован 14 февраля 1938 года. Постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 23 июля 1940 года ему определено содержание в ИТЛ сроком на 5 лет в Карлаге. Там он и скончался 27 июля 1943 года.

Больше ничего нет об этом человеке в секретных документах НКВД. Между тем, Давид Выгодский был замечательным переводчиком, поэтом, делегатом I съезда советских писателей в 1934 году. Как мы знаем, на этом съезде выступил Николай Бухарин. Выгодскому понравился доклад «сего государственного деятеля» о поэзии. Бухарин сумел тогда понять и поддержать такого талантливого поэта как Борис Пастернак, уважительно говорил о Тихонове, Сельвинском, Луговском. Взгляды на поэзию Бухарина и Выгодского совпали, «друг Сталина» стал его кумиром. За что вскоре и пострадал Давид Исаакович, так как Николай Иванович Бухарин попал в немилость к великому вождю, был уличен в попытке убийства руководителей партии. 2 марта 1938 года газета «Правда» сообщала в передовой «Троцкистско-бухаринским бандитам нет пощады»: «Советский народ проклянет навеки этих извергов, навеки заклеймит их отвратительные деяния. Они пролили кровь кристально чистого борца за коммунизм, пламенного народного трибуна С.М. Кирова... Это они злодейски оборвали

жизнь гения нашего народа А.М. Горького... Они организовали злодейское убийство непоколебимых большевиков В.В. Куйбышева и В.Р. Менжинского. За все это злодеи должны держать ответ. Если враг не сдастся, его уничтожают, сказал величайший гуманист нашей эпохи А.М. Горький, павший жертвой подлых заговорщиков».

И хотя Д.И. Выгодский ни в каких убийствах не участвовал, ни в каких боевых организациях против партии Ленина-Сталина не состоял, его обвинили в террористических актах, антисоветской агитации и пропаганде, организационной деятельности, направленной к совершению контрреволюционного преступления. Мол, Выгодский стремился бежать за границу, чтобы оттуда поставлять оружие для троцкистов-бухаринцев с целью свержения сталинского режима.

На самом деле, Выгодский был весьма далек от политики, тем более от злобных планов нападения на партию большевиков. Его не интересовали ни классовая борьба, ни насильственная организация колхозов, ни разгон предпринимателей... Он до мозга костей был отличным переводчиком, в этом качестве работал в Петрограде в издательстве «Всемирная литература», сотрудничая в журналах «Россия» и «Звезда». В 1920-30 годы он перевел около 20 романов французских, испанских, немецких и латиноамериканских писателей. Он переводил и украинских авторов – поэтов Максима Рыльского и Павла Тычину, из белорусских писателей – Петра Панча.

В это время он повстречал в книжном магазине на Невском проспекте писательницу Эмму Хейфец, влюбился в нее. Вспоминая те дни, М. Слонимский в «Книге воспоминаний» (Москва, 1966 год) написал о Выгодском: «Он ничего не умел скрывать. Хитрость была чужда ему. И когда вдруг он стал исчезать по вечерам, а потом возвращался растерянный, сияющий, склонный уже не переводить чужие стихи, а писать собственные, то легко было нам догадаться, что такое приключилось с ним. И вскоре он познакомил нас со своей женой, отчество которой нас не заинтересовало. Попросту Эмма, новый наш друг и товарищ». Добавлю, что Эмме он посвятил стихотворение в первой книге своей поэзии «Земля».

Жили они в холодной комнате в Доме искусств, но невидимый очаг любви согревал их. Это было самое плодотворное время для них. Выгодский пишет свою знаменитую книгу «Литера-

гура Испании и Испанской Америки. 1898-1929». Хейфец (после брака – Выгодская. Прим. В.М.) - документальную повесть «Приключения Марка Твена». Обе книги выходят большими тиражами. Выгодскую принимают в члены Союза писателей, Давида Исааковича избирают председателем испано-американского общества переводчиков.

Вскоре молодая семья перебирается жить в дом на Моховой улице. Квартира Выгодских стала пристанищем для молодых поэтов и прозаиков. Собственно говоря, это была не квартира, а большая библиотека. Книги всюду, на подоконниках, на полках, даже на полу до самого потолка. Здесь, среди книг, и продолжалась большая любовь Выгодских. Давид Исаакович был старше Эммы на девять лет, он был опытным литератором, хорошим стилистом, и всячески помогал своей подруге в издании новых книг. По его совету Эмма стала писать документальную повесть о жизни автора «Дон-Кихота», испанского писателя Мигеля Сервантеса. Все знали его знаменитую книгу, но сведений о самом авторе – с гулькин нос. И вот Выгодские взялись за поиск подробностей биографии великого Сервантеса. И открыли для себя не просто человека с пером, а доблестного воина, мужественного моряка, солдата Испании, храбро сражавшегося с турками. Вся жизнь его, образно говоря, - морские бои, обстрелы, пираты, подвиги... Особенно отличился Сервантес в Лепантском бою. Вражеские пули ударили его в плечо и грудь, но он, раненый, продолжал сражаться с турками, пока не потерял сознание. Сам главнокомандующий флотилии, дон Хуан Австрийский похвалил Мигеля за храбрость, велел выдать ему прибавку к жалованью. Но левая рука, поврежденная, навсегда повисла. И что вы думаете? Несмотря на это Сервантес снова рвется в бой.

Его называли храбрым кабальеро. Он бился на Корфу, в Тунисе. Он защищал крепость Голету и форт возле нее на африканском берегу. И даже, когда в Алжире Сервантес попал в плен, он не успокоился, устраивая побег пленников из змеиных ям, где их держали в холоде и голоде.

Когда Сервантес вернулся в Испанию, он сказал брату:

- Вот теперь я буду писать, Родриго. Мне есть что сказать людям. Я потерял левую руку, но ведь цела правая!

Многие читатели России ничего не знали о славной биографии Сервантеса, его считали вздорным фантазером, писателем с большим воображением. Выгодская доказала, что за этим «вооб-

ражением» была большая жизнь, полная отваги и героизма. И она говорила молодым: не спешите, прежде чем хвататься за перо, писать, надо прожить долгие годы, надо пройти сквозь огонь и пекло, надо познать жизнь во всем ее многообразии. Только вобрав в себя житейский опыт, много увидев и узнав, берись рассказывать об этом людям. Иначе будет сплошная фальшь, далекая от истины...

Свое произведение о Сервантесе Выгодская назвала «Алжирский пленник». И оно покорило читателей правдой жизни, простым и чистым языком, большой любовью к Сервантесу, страницы биографии которого Эмма впервые открыла людям.

Слава пришла к молодой писательнице. Но вскоре жизнь ее омрачили черные тучи сталинизма. Ее доброго Давида арестовали по навету завистников.

Давид Исаакович чувствовал, что за ним должны прийти чекисты как за врагом народа - бухаринцем, он стал часто посещать порт, уточнять, какие куда корабли идут, как попасть на них. Он намечал бежать из кровавой России в Испанию или Латинскую Америку, боялся, что его арестуют прямо тут на причалах, где швартуются пассажирские и грузовые суда.

Но его арестовали не в порту и даже не в редакции, а дома. Маризетта Шагинян в журнале «Наш современник» №8 за 1964 год рассказала: «Во второй половине 30-х годов ночной стук в квартиру был страшным событием. За ним следовало несчастье и разлука. У Давида Выгодского была жена и маленький сын. Ночью к нему постучали. Он простился с женой и сыном, веря, что скоро увидит их, зная, что за ним нет вины перед Родиной. И с этой ночи ни жена, ни сын никогда больше не увидели его добрых, ласковых глаз из-под нависших над ними дремучих бровей, не услышали его негромкого голоса с неизменными нотками юмора в нем, не встретили его в дверях в обычной старенькой курточке со связкой книг под мышкой. За Давидом Выгодским замкнулась стена молчания».

Обвиненный в непоятных преступлениях по статьям 58-8, 58-10, 58-11 УК РСФСР, Давид Исаакович долгое время находился под следствием. Он все отрицал, кроме симпатии к Николаю Бухарину. Неужели за это расстрел?

Эмма Иосифовна не верила в падение Давида Выгодского, как не верили в это его друзья-писатели. Она умоляла их встать на защиту опального мужа, и в НКВД посыпались письма от прозаи-

ков и поэтов. Первым обратился в органы писатель-орденоносец Борис Лаврениев. В письме от 13 ноября 1939 года он так охарактеризовал нашего героя:

«Давида Исааковича Выгодского я знаю с момента моего возвращения в Ленинград из Красной Армии, с конца 1923 года. Встречался с ним в основном на работе в Правлении Союза писателей, в ряде комиссий и секций ССП.

Все это время Д.И. Выгодский производил на меня впечатление человека с исключительно сильно развитой общественной жилкой, энтузиаста распространения в нашей стране классической западной литературы (в особенности он был горячо увлечен испанской литературой). Все поручения и работы, которые ему давались Союзом советских писателей, Д. И. Выгодский проводил очень добросовестно и с большим увлечением, не формально.

Со стороны общественной оценки Выгодский пользовался в ССП настолько большой популярностью и уважением, что, как мне известно, парторганизация ССП предлагала Д. И. вступить в партию и на партсобрании ему были даны лучшие отзывы. Никогда мне не приходилось слышать от Выгодского или о Выгодском хоть что-либо, что нарушило бы мое представление о нем, как о советском человеке и хорошем товарище».

Борису Лаврениеву вторил другой писатель-орденоносец, не менее знаменитый в то время Константин Федин. 19 ноября 1939 года он отправляет в органы письмо следующего содержания:

«Давида Исааковича Выгодского я знаю на протяжении многих лет, начиная с 1921 года. Знаю по работе в редакции журнала «Книга и революция», в котором он выступал как критик и библиограф, знаю, как переводчика и поэта по отдельным его работам, например, по переводам с украинского. Он специализировался в романских литературах, главным образом как испанист и, накопив в этой области громадный опыт, стал признанным в среде переводчиков работником. Он является также весьма видным знатоком русской поэзии, особенно библиографии поэзии советского периода.

Весьма часто встречал я Д. И. Выгодского на общественной работе в литературных организациях Ленинграда. К этой работе он относился образцово и снискал к себе уважение всех писателей. На меня Выгодский всегда производил впечатление хорошее. Это человек от природы общественный, деятельный, неустанно ра-

ботающий и очень скромный. В честности, прямотушии, нравственной чистоте его у меня никогда не было повода усомниться. По-моему, Выгодский предан советской литературе совершенно бескорыстно и глубоко искренне».

В защиту Выгодского выступили Юрий Тынянов, Виктор Шкловский, Михаил Зощенко, Михаил Слонимский и другие писатели. Но следовательно, прочитав все эти письма, сказал Давиду Исааковичу:

- Не поможет тебе литературная братия, не поможет! Предлагали ведь тебе в партию вступить – а ты отказался. Выходит по всему, все равно ты – контрик! Будем думать.

И додумались, приговорили: пять лет Карлага. И, может быть, Давид Исаакович выдержал бы, если бы в глубоких медных шахтах Джебказгана не заболел силикозом.

Его всячески поддерживали друзья-писатели, жена. Первый год Отечественной войны Э.И. Выгодская провела в осажденном Ленинграде, принимала участие в оборонных работах – копала противотанковые рвы, дежурила в госпитале. Последующие годы прошли в эвакуации в Пензенской области на сельскохозяйственных полях, растила пшеницу, картофель. При этом никогда не забывала Давида, присылала ему посылки, письма. Он отвечал ей с тоской и печалью в строках. За полтора года до смерти Давид прислал ей стихи из Карлага:

*«О Родина, в последний час,
Пока рассудок не угас,
Клянусь последним взлетом мысли,
Что я от разрушенья спас,
Клянусь слезами, что нависли
На уголках потухших глаз,
Я верен был своей Отчизне
И верным ухожу из жизни...»*

Ранняя смерть Давида Выгодского подкосила последние силы Эммы. Она еще упорно боролась за жизнь, за реабилитацию своего возлюбленного. Но так и не дождалась часа справедливости, в 1949 году Эммы Иосифовны не стало. Потребовались усилия всей Ленинградской писательской организации, чтобы в 1957 году Военный Трибунал Военного Ленинградского округа принял постановление о полной реабилитации узника Карлага, талантливому поэту, переводчику Давида Исааковича Выгодского.

Глава двадцать третья

Кортик адмирала

Когда Теодору Спаде становилось тяжело на душе, он доставал из ящика стола свой кортик и долго любовался его стальным лезвием, ножнами с многоцветьем уральских кампей... Это красивое оружие ему вручили в 1938 году, когда он стал адмиралом и был назначен командующим флотом Латвии. Тогда республика была самостоятельной, ей требовалась морская охрана. И правительство Латвии создало свой Военно-морской флот, довольно прочный по тем временам. Он включал в себя три мишных корабля – Вирсайтис, Имапта, Внестура, дивизион подводных лодок, десятки катеров пограничной службы страны. Теодор Спаде, руководя этим флотом, всегда находился на капитанском мостике адмиральского корабля «Вирсайтис» (Вождь). Он гордился своей страной – страной прославленных моряков и рыбаков. Курляндия всегда поставляла российскому флоту лучшие кадры морских офицеров. Достаточно было вспомнить имена Крузенштерна и Белингаузена – выходцев из Латвии или фамилии 20 латышей, входящих в состав команды легендарного крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец», штаб-горниста Николая Наглиса, погибшего в бою, но закрывшего своим телом командира «Варяга» от разрыва японского снаряда.

Таких отважных моряков в Латвии хватало. И Теодор Спаде делал все возможное, чтобы их нелегкая служба приносила им душевное удовлетворение, чтобы флот Латвии пополнялся новыми кораблями, а береговая артиллерия надежно защищала республику от нападения с моря. Он представлял военно-морские силы Латвии в будущем мощными и непобедимыми.

Однако, как известно, вскоре Латвия присоединилась к СССР, и ее флот был передан в состав Балтийского флота. Адмирал Теодор Спаде как командующий латвийским флотом был вызван в Москву якобы для доклада о состоянии ВМС республики народному комиссару Военно-морского флота СССР Н.Г. Кузнецову. На самом деле – в Кремле все было готово к освобождению Спаде от высокого поста и даже аресту. Не успел он войти в кабинет Николая Герасимовича, как тот заявил Спаде:

- Вы пам не подходите. Вы – воспитанный царем адмирал, ваше место давно на плахе.

Тут двери кабинета Кузнецова распахнулись и двое молод-

чиков в кожаных пальто скрутили руки адмиралу. Оказалось, его разжаловали по приказу самого Сталина.

Пролистав дело Теодора Спаде, Иосиф Виссарионович спросил Берню:

- Что будешь делать с этим адмиралом?

Тот произнес готовый уже ответ:

- Приговорим к расстрелу.

Сталин резким жестом руки остановил Лаврентия:

- Нет, так дело не пойдет. Если мы начнем всех руководителей буржуазной Латвии расстреливать, что скажут за рубежом? К тому же, Спаде – заслуженный моряк, адмирал, он из семьи простого рыбака. Его надо сохранить, может, еще пригодится нам как военспец по морским делам.

Но Спаде больше не пригодился. Его долго держали в тюрьмах Москвы, затем выслали в Казахстан навечно. Только в 1954 году он был освобожден из сталинских особлагерей и отправлен опять же на вечное поселение в Темиртау, где обрел «спокойствие души и сердца». 16 лет он проработал в городе металлургов главным бухгалтером инфекционной больницы, где, по сути, никто не знал о его героическом прошлом...

Все годы, проведенные в сталинских лагерях и Темиртау, он считал напрасно потерянным временем. Все эти годы, полные бесправного тяжелого труда и бессонных ночей, он бредил своей родиной Латвией, ждал, что его вернут на отцовскую землю... Когда засыпал на покрытых соломой нарах в Карлаге, ему снились свинцовые волны Балтийского моря, малый сейнер с неводом, кутец, полный рыбы, счастливое лицо отца Юлия – бригадира рыбаков-латышей, для которого хороший улов был воплощением высшей удачи жизни. Так считали и дед, и прадед Теодора – потомственные рыбаки.

Родившись 7 марта 1891 года в городе Виндава (ныне – Вентспилс), будущий адмирал с детства привык к запаху свежей рыбы. Когда рыбаки возвращались с моря, то пятилетний Теодор, стремясь бежать в порт, чтобы их встретить громким «ура». И вместе с ними радовался богатой добыче – есть рыба, будет достаток в доме...

Позже, бывая в Вентспилсе, Теодор обязательно заходил в музей истории морского рыболовства Латвии, где на одном из стендов была помещена фотография его отца Юлия с бригадой рыбаков. Среди них стоял и босоногий подросток с огромной ры-

бой в руках. Было тогда Теодору всего 15 лет, а отец уже брал его с собой в море на пугину. И нисколько не жалел об этом – юнга никогда не отлынивал от дел, наравне со взрослыми трудился и на выемке невода из глубоких вод, и на укладке рыбы в бочки...

Да, ничто на свете так сильно не проверяет молодых людей на выдержку и отвагу, как море. Оно, словно лакмусовая бумага, сразу дает понять: этот устоит в жизни от ураганов, добьется своего, а этот нет.

Рыболовный сейнер отца в поисках косяков рыб не раз попадал в шторм. И всякий раз Теодор вел себя доблестно – он не зарывался от страха, как другие юноши, в ворох подушек, не прятался в кубрике, проявляя малодушие. Наоборот – всегда на палубе, всегда со взрослыми, опытными рыбаками. Словом, во время шторма он держался молодцом, как говорил отец.

Да, никогда Теодора не рвало, не укачивало, хотя сейнер болтало, как ваньку-встаньку. Однажды во время сильной качки отец сказал сыну:

- Быть тебе, Теодор, морским волком – настоящим капитаном. Придет время – вспомнишь мои слова...

- Почему капитаном? – удивленно переспросил Теодор.

- Да потому что ты не боишься моря, а это самое главное, – ответил отец.

Юлий угадал будущее юнги. Окончив реальное училище, сын рыбака продолжил учебу в Петербургском морском кадетском корпусе, затем в морской академии во Франции. В 1914 году он поступил на службу в Балтийский флот, и уже в следующем году был произведен в мичманы. Служил на линкоре «Иван Златоуст». Командовал миноносцами на Черном море, был комендантом Севастополя. В Первую мировую войну ходил с врангелевским флотом в Бизеру.

Но настоящим капитаном Теодор Спаде стал все-таки в родной Латвии, во времена буржуазной республики. В латвийском флоте он служил начальником морской службы наблюдения, командиром тральщика «Летчик». В 1927 году он стал капитаном, в 1929 – капитаном 2 ранга, в 1933 – капитаном 1 ранга. Его отец рыбак Юлий Спаде еще был жив, и, обнимая сына, он сказал ему:

- Помнишь, я говорил, что ты будешь настоящим капитаном! Как я рад, что мое предвидение сбылось. И сегодня я уверен, что ты потянешь и на кортик адмирала... Дождусь ли я этого часа?

Отец не дождался желанного часа, вскоре скончался. Но про-

гноз его оправдался – в 1938 году Теодор Юльевич Спаде стал адмиралом. И если бы не присоединение Латвии к СССР, его карьера успешно продолжалась бы... А так она неожиданно прервалась в 1940 году - Теодор Спаде стал «врагом народа».

Его не били и не пытали, не заставляли признаваться в сотрудничестве с Колчаком и Врангелем... Его послужной список сам говорил о том, что он воевал не на стороне красных, а белых. Так сложились его жизнь, его время... И он нисколько не жалел, не клял судьбу за то, что был знаком с адмиралом Александром Васильевичем Колчаком, который научил его закладывать минные заграждения на море. Он преклонялся перед этим адмиралом, которого считал талантливейшим человеком. Ибо Александр Васильевич был не только выдающимся российским флютоводителем, ученым, но и композитором. Мало кто знает, что музыку бессмертного романса В.П. Чувеского «Гори, гори, моя звезда» написал никто иной как адмирал царского флота Александр Васильевич Колчак. Т.Ю. Спаде бывал у него в гостях в Севастополе. Похожий на татарского воина времен Батыя, с большими карими глазами Колчак был очень гостеприимным хозяином. В один из вечеров гости попросили его сыграть «что-нибудь» на пианино. И вместо «что-нибудь» услышали чудесный неповторимый романс... «Гори, гори, моя звезда!» - пел хорошо поставленным голосом Александр Васильевич.

Теодор Спаде был яростным приверженцем политики Колчака, который стремился возродить славу русского флота после позора Цусимы. Уже в 1914 году Колчак был известен как отважный капитан эскадренного миноносца, вдумчивый полярный исследователь, гидрограф, мастер морского минного дела... Он был награжден орденом Святого Георгия, именованным золотым оружием. Он свято берег свой кортик адмирала. Но когда взбунтовавшиеся матросы потребовали от него сдать георгиевский кортик, то Колчак сказал:

- Не вы вручали мне почетное оружие, не вам его отдавать.

С этими словами он бросил золотой кортик за борт в бушующие волны Черного моря, где тот поконится и поныне.

В отличие от Колчака адмирал Спаде никогда не расставался со своим кортиком, всегда носил его в ножнах на португее. Но во время ареста большевистские головорезы Сталина отобрали у Теодора Юльевича кортик.

Он никогда в жизни не плакал, а тут... крупные слезы без-

молвно закапали у него из глаз. Вместе с кортиком у него забрали все его мечты о будущем латвийского флота, предлагая взамен крутой поворот в судьбе вниз в гущу народных масс, попорченных большевиками. С него сняли даже тельняшку, бросив ему зэковскую робу. Он только и успел сказать любимое слово «черного барона» Петра Николаевича Врангеля: «Не сломите». Тот производил его всякий раз, когда начинались тяжелые бои с немцами в первую Мировую, когда защищал Крым от «красной нечисти»...

Бедный главнокомандующий Русской Армией! Как шепотом сообщили Спаде новые друзья – зэки, он был отравлен в 1928 году агентом большевиков.

Находясь в ссылке в Казахстане, Спаде узнал о начале войны с фашистской Германией, внимательно следил за ходом боевых действий советских моряков. Он остро переживал за судьбу латвийского флота, его восхищало, что корабль «Вирсайтис», которым он когда-то командовал, активно участвовал в героической обороне Ленинграда, поддерживая артиллерийским огнем сухопутные части Красной Армии.

Когда Спаде уже жил в Темиртау, то узнал от одного военного пациента инфекционной больницы, что его «Вирсайтис» погиб, перевозя с полуострова Ханко (Гангут) советских воинов в Крондштат, подорвавшись на немецкой мине. Спаде написал письмо правительству СССР, чтобы поднять легендарный корабль со дна Балтийского моря. Такая попытка позже была предпринята, но безуспешно. Так и лежит на дне моря любимый корабль Спаде – с пробоинами, обросший ракушками и морской травой...

В годы Великой Отечественной войны Теодор Юльевич несколько раз отправлял письма Сталину с просьбой послать его на фронт. Но ответа на свои обращения не получал. «Не доверяют», - мучительно думал Спаде, и сердце обжигало горькой обидой.

Только в 1954 году, после смерти Сталина, Теодору Юльевичу вернули адмиральские погоны и его любимый кортик. Но на этом «полная реабилитация» адмирала Спаде и закончилась, ему запретили жить в Латвии, отправив в ссылку в Темиртау. Здесь он обрел новых товарищей, особенно подружился с писателем Владимиром Исааковичем Левицким, тоже сосланным в город металлургов на вечное поселение. Тот заинтересовался судьбой Теодора Юльевича, хотел написать о нем роман, но вскоре писателя освободили из-за отсутствия состава преступления.

Написал ли он книгу о Спаде? Нет, видимо, забыл о своем герое.

Теодор Спаде так и не дождался разрешения на возвращение в Латвию. Он умер в полном одиночестве в Темиртау в 1970 году. Его кортик соседи по дому, где жил Спаде, отправили в исторический музей в Ригу. А позже из Латвии приехали представители новой власти. Они перевезли прах Теодора Спаде из Темиртау в Ригу, где перезахоронили его со всеми почестями на Лесном кладбище. Так доблестный адмирал спустя многие годы вернулся на родную землю. Он стал национальным героем Латвии.

Глава двадцать четвертая Оазисы Ольги Берггольц

Я держу в руках ценную фотографию, которая еще нигде никогда не публиковалась. На ней изображена знаменитая писательница Ольга Берггольц с коллективом редакции республиканской газеты «Казахстанская правда» после их творческой встречи в Алма-Ате в 1959 году.

Фотоснимок прислал мне из Москвы писатель Василий Ефимович Скоробогатов, работавший в свое время первым заместителем главного редактора «Казахстанской правды». Он же написал пояснительную записку к фотографии о том, что Ольга Федоровна Берггольц была приглашена в Алма-Ату на творческую встречу главным редактором газеты Федором Боярским и писателем Иваном Шуховым. Кроме огромной славы Ольги Берггольц сыграло роль и то обстоятельство, что она в тридцатые годы работала в республиканской газете «Советская степь», позже переименованной в «Казахстанскую правду», выходившей тогда в Кызыл-Орде.

Василий Ефимович сообщал, что в Казахстан Ольга Берггольц впервые приехала сразу после окончания Ленинградского университета, где училась на отделении журналистики филологического факультета. До Казахстана она успела жениться и разойтись с поэтом Борисом Корниловым (его в 1938 году расстреляют за то, что он якобы с 1930 года являлся активным участником антисоветской, троцкистской организации, ставившей своей задачей террористические методы борьбы против руководителей партии и правительства).

А тогда наша начинающая поэтесса была влюблена в Корнилова, но не в террориста, а в поэта. И ему посвящала стихи: «затем что я молодость праздную, затем что люблю тебя». Но вскоре образ Бориса Корнилова в ее сердце стал таять, его сменил другой рыцарь – однокурсник, будущий журналист Николай Степанович Молчанов, с которым она отправилась в край романтики Казахстан. Но в этой стране, пыльной и забытой, с непонятными густыми туманами и быстрыми рассветами мало было чего романтического и привлекательного, во всяком случае степь не хлопала «Алыми парусами»... Тем не менее Ольга Берггольц каждый день твердила: «Ты рядом, даль социализма!» и верила, что Казахстан – великая страна, ее пробуждение еще впереди... В сво-

ей автобиографии она позже признавалась: «Я работала разъездным корреспондентом газеты, и эти длительные командировки в глубинки помогли мне больше всего». О многом из того времени она рассказала в повести «Журналисты» (1934), в рассказах «Зерна» (1935), «Ночь в «Новом мире» (1935). Она открывала в своих корреспонденциях и очерках прекрасную страну братства и трудолюбия, ее по вечерам охватывало вдохновение так, что писалось до утра, до розовых звезд горячо и страстно.

На творческой встрече в «Казахстанской правде» в 1959 году она говорила коллегам, что запомнила Казахстан как ярчайший оазис творческого вдохновения и просто человеческого счастья. Она на всю жизнь запомнила «степной, полынный, суховатый воздух, и узкий полумесяц над аулом, и на рассвете розовые звезды» (из поэмы «Первороссийск»).

Мой коллега, бывший ответственный секретарь газеты «Казахстанская правда» Юрий Павлович Кукушкин, присутствовавший на памятной встрече с Ольгой Берггольц, позже говорил мне, что жизнь писательницы была сложной и трудной, тем не менее Казахстан остался в ее сердце светлым пятном. И всегда с нескрываемой любовью и восхищением она писала о людях далекой окраины – научных работниках, агрономах, рядовых животноводах и хлеборобах, селекционерах... Ведь Ольга работала в отделе сельского хозяйства газеты, и ее пути-дороги постоянно пересекались с колхозами, кошарами и фермами, полевыми ветеринарными станциями и опытными станциями.

Большой удачей для Ольги Берггольц станет рассказ «Зерна», написанный на материалах, собранных в Казахстане. Она умело обрисовала первых энтузиастов селекционной станции, которые взяли на вооружение новейшие достижения генетики, идеи Н.И. Вавилова, чтобы путем скрещивания вывести засухоустойчивые сорта пшеницы, ячменя и подсолнечника, пригодные для казахстанских степей. В пустыне, безводной и желтой, они взялись за выращивание новой кормовой культуры – сорго. Для этого использовали семенной материал, привезенный из Индии, Китая, Нигерии. В СССР сорго не разводили доселе. И вот вам результат – из каждых десяти гибридов удавался один. И это было неплохо – оправдалась надежда, что сорго шагнет на поля Казахстана. Как же назовут новый сорт? «Победа»? «Первая пятилетка»? Нет, конечно же, «Анна» - в честь главной героини рассказа, агронома Анны Морозовой.

Не менее покорительно написан рассказ «Ночь в «Новом мире». Это о том, как впервые заговорило радио в далекой, на отшибе деревне Казахстана. Первый репродуктор установила здесь молодая женщина, связистка Айна. Впервые музыка Чайковского ворвалась в переселенческий поселок, «окруженный степями, замкнутый горами». И колхозники, удивленные и покоренные волшебными звуками музыки, сидели неподвижно в красном уголке, думая о жизненных своих делах. «Скоро им нужно поднять тысячи га новой земли, привить диким садам тысячи культурных черенков... И, глядя на них, Айна чувствовала, что никогда еще не была она так счастлива, как в эту ночь».

Немало говорили на творческой встрече с Ольгой Берггольд и о ее повести «Журналисты», просили, чтобы она написала продолжение. Когда в 1930 году Ольга приехала в Кызыл-Орду, окунулась в жизнь редакции, то работа журналиста вначале ей пришлась не по душе. Атмосфера в редакции была скучная, монотонная, она сидела на одних справках, информациях о ходе сельхозработ, командировок ей не давали. Действенность газеты была нулевая, в ней не печатались аналитические и критические материалы. Ольга решила поломать эту систему и остро выступила на страницах газеты против треста Водстрой, медленно и некачественно строящего плотины и каналы в степи под орошение сельхозкультур.

«Говорить в газете правду», - эти слова стали ее девизом, и сразу жизнь ее обрела большой смысл.

Конечно, не все одобряли воинственное поведение молодого журналиста, в газете хватало приспособленцев, «выживал», а то и мелких бизнесменов, пытающихся разбогатеть на подачках руководителей предприятий и хозяйств. Но время брало свое – в редакции появлялся творческий дух, а это самое главное для газеты. И когда, набравшись опыта и мастерства, Ольга решила вернуться в Ленинград вместе со своим мужем Колей Молчановым, в редакции вновь наступили ненастные дни монотонной работы.

Об этом говорили на творческой встрече сотрудницы редакции Фрося Иншакова и Екатерина Дзарахохова (Волина), которые в тридцатые годы работали с Олей в «Советской степи» - предшественнице «Казахстанской правды».

- Оля заряжала всех нас своим оптимизмом, верой в справедливость, борьбу за правое дело – коммунизм, - говорила Екатерина Волина. - Будучи прототипом главной героини повести «Жур-

налисты», Берггольц сумела воплотить в ней эти черты, утверждая, что признания людей, счастья добывается только тот, кто живет творчески, болеет за интересы народа.

Однако писательница ошиблась в своих предсказаниях, хотя ее творчество высоко оценил Максим Горький. Он даже вместе с признательным письмом прислал ей триста рублей. Кстати, эти деньги оченьгодились Ольге, потому что у нее родился второй ребенок, муж Николай был в армии, она работала на мизерный оклад в многотиражке завода «Электросила». Горький в письме советовал ей «не расточать сил на «мелочи жизни», больше заниматься творчеством». Однако в 1937 году Ольгу исключили из партии, через несколько месяцев арестовали. Она попала в тюрьму беременной. Однако ребенку не суждено было родиться – тяготы заключения, кровавые допросы, когда тебя бьют до потери сознания – все это отняло жизнь у материнского плода.

Ее упрекали в укрывательстве подлых действий поэта Корнилова, ее первого мужа, его злонамеренности загубить вождей революции... Но Ольга никогда не беседовала с Борисом на эту тему, да и он не считал себя троцкистом. НКВД все делало по никчемным доносам малопросвещенных и завидующих Корнилову людей. Ведь он был талантом!

Ольга Берггольц пробыла в тюремных застенках 197 дней и столько же ночей. Если бы не письма Горького и не развод в 1930 году с Корниловым, быть бы ей врагом народа, женой изменника Родины и не миновать Карлаг!

В тюрьме она написала цикл стихотворений, которые долгое время прятала на книжной полке. И только на встрече в «Казахстанской правде» она впервые прочитала стихи из этого цикла:

*«Неужели вправду это было:
На окне решетки, на дверях?
Я забыла б – сердце не забыло
Это унижение и страх.
До сих пор неровно и нечетко,
Все изодрано, обожжено,
Точно о железную решетку –
Так о жизнь колотится оно...
В этом стуже, горестном и темном,
Различаю слово я одно:
«Помни!», – говорит оно мне. Помню!
Рада бы забыть – не суждено».*

- Удивление и чувство позора за темное прошлое тридцатых годов тогда охватывало многих из нас, - рассказывал мне Юрий Павлович Кукушкин. - Мы ведь не знали, что Ольга Берггольц подвергалась сталинским репрессиям, ее чистую душу и с незапятнанной совестью надо было беречь и помогать ей... Но сталинским опричникам было не до стихов, не до прозы ее, у них был иной план - всех здравомыслящих под расстрел...

Слава Богу, до расстрела не дошло. Но Ольга, вся темная и обессиленная, вернулась в Ленинград, как она говорила, «в пустой дом (обе доченьки мои умерли еще до этой катастрофы). Душевная рана наша, моя и Николая, зияла и болела нестерпимо. Мы еще не успели ощутить во всей мере свои утраты и свою боль, как грянула Великая Отечественная война, началась блокада Ленинграда. Я пробыла в городе на Неве всю блокаду. Николай умер от голода в 1942 году...»

Несмотря на сталинские репрессии, огромную душевную боль, охватившую и не отпускающую ее даже в дни свободы, страшную несправедливость по отношению к ней, она осталась патриотом своей Отчизны, помогая Родине «глаголом жечь сердца людей» в самую тяжкую годину. Все, кто мог, бросали Ленинград, лишь бы добраться до спокойного тыла. Бывало, и Ольге хотелось уехать в Казахстан, но она была прежде всего гражданином, а затем поэтом. По ледяным тротуарам, ледяным лестницам поднималась она в радиокomitee Ленинграда, чтобы своим пламенным стихом воодушевлять голодных и полуголодных людей на жестокий бой за правое дело Отчизны:

«Мы предчувствовали полыханье

Этого трагического дня.

Он пришел. Вот жизнь моя, дыханье.

Родина! Возьми их у меня».

Имя Берггольц стало легендарным. Оно было занесено в энциклопедию «Великая Отечественная война. 1941-45». Все помнят, что Ольге Федоровне принадлежит бессмертная надпись на мемориале Пискаревского кладбища в Ленинграде: «Никто не забыт, ничто не забыто».

Казалось бы, счастье и мудрое спокойствие должны поселиться в ее доме и в ее сердце. Но настал 1946 год - А. Жданов произнес свою зловещую разгромную речь, вышли памятные всем постановления 1946-1948 годов. Члены Союза писателей СССР начали громить Ахматову и Зощенко. Берггольц отказалась уча-

ствовать в этой «разоблачительной гнусной компании». И сразу на нее обрушился ком грязи и сплетен. В уважаемой всеми областной газете «Ленинградская правда» появилась статья, где ее очернили с головы до ног, обозвав «плакальщицей» и пессимисткой вслед за Ахматовой. Вскоре ее книгу «Избранное» на долгие годы вычеркнули из плана издательства, а ее вывели из правления Ленинградского отделения Союза писателей...

На встрече с казправдинцами она сказала, что в ее душе вновь «открылись тяжкие раны 1937-1939 годов».

И снова она выжила, несмотря на гонения сталинских убийц. Что бы о ней не говорили, как бы ее не судили-рядили, как бы не клеймили, она будет идти вперед, работать, утверждая в литературе правду, любовь, надежду и веру в великий русский народ, матушку-Россию.

Она тогда много писала, но ничего не печатала, оставляя впрок и стихи, и прозу. Придет время, напечатаю, правда восторжествует!

И, действительно, «оттепель» пришла. И задолго до поездки в Алма-Ату Ольга Берггольц в 1956 году выступает на собрании московской писательской организации, требуя пересмотра злополучных постановлений и доклада Жданова, коренного изменения отношения писательской организации к Ахматовой, Зощенко и многим другим, «напрасно и варварски травмированным и загубленным художникам». Это стало ее болью и знаменем бороться за реабилитацию невинно погибших и оскверненных писателей, в том числе своего первого любимого, поэта Бориса Корнилова. Как мы знаем, все стрелы ее воззваний, абсолютно все, достигли цели.

В пятидесятых годах Ольга Берггольц стала бороться за утверждение роли писателей в духовной сфере, их высокой миссии влиять на людей и облагораживать их. Абсолютное большинство чиновников, не создавая ничего путного, значительного, тем не менее пытаются руководить духовными наставниками людей, всячески их унижают, вытесняют из общественной жизни, не допуская к высоким трибунам, не дают возможности выступать, общаться с народом. Всюду укоренилась политика недоверия к писателям, их книги со столов чиновников исчезли. Они боятся живительного огня поэтов, правды, они боятся, как бы их не затмили люди с пером. Выступая на собрании московских писателей 15 июня 1956 года, Ольга Берггольц потребовала возвращения доверия к писателям, навсегда искоренив симптомы страха

ной болезни – «ждановщины». И на творческой встрече с казправдинцами она опять заговорила о доверии к писателям, хватит их преследовать и давить, унижать, игнорировать, надо создавать им все условия для творчества, оазисы любви и уважения к ним, поднимать их авторитет, а не загонять в дальние углы замалчивания. Она повторила свои слова о том, что мы, писатели, «хотели и должны работать на прочной базе доверия к нам».

Но и писатели не должны никнуть перед каждым словом «ждановых», откладывая создание новых книг и статей до лучших времен, подчеркнула О. Берггольд. Хватит с нас гонений Ахматовой, Зощенко... Ничто не должно страшить подлинного писателя, идущего в ногу со своим народом. Надо смелее и талантливее воспевать рабочего человека с Невской заставы!

Она также отметила, что в последние годы появилась некая тенденция у так называемых критиков – они требуют меньше писать о прошлом, а больше о современности. Правильно ли это? Конечно, нет. Зачем же обесценивать наше прошлое, народные подвиги, героизм наших людей в годы великих испытаний? Не все еще сказано о блистательной Победе нашего народа в Великой Отечественной войне, не воспеты должным образом российские полководцы Суворов, Ушаков, Жуков и Рокоссовский... А почему забыт героический Севастополь? Писатели – народ равнодушного сердца и ума, и это должны понять чиновники от литературы. «Я верю в нашу созидательную силу», – завершила свое выступление Ольга Федоровна.

Иван Шухов полностью поддержал Берггольд, ибо хорошо относился к ней, ее книгам. Он называл ее, как себя, учеником и духовным последователем великого Горького. А Максим Горький был правдив и неподкупен, добр и гуманен до конца дней своих... Шухов предложил Ольге Берггольд прочно осесть в Казахстане, в Алма-Ате, ибо ее здесь все любят и ценят. Ее авторитет непревзойден никак из журналистов и писателей. Она, как в молодости, нужна Казахстану!

Но Ольга Берггольд сказала, что писатель должен работать там, где родился, где его родной очаг, где похоронена родная мать... И заплакала.

В беседе со мной Юрий Павлович Кукушкин сравнил Ольгу Берггольд с древним церковным колоколом из Углича, о котором она писала в своей книге «Дневные звезды». Этот колокол перенес многие годы ссылки, его клеймили, лишили языка, но не

смогли вырвать его сердце. И он опять заговорил, запел, загудел во весь голос, чтобы слово правды дошло до людей.

Гуляя по улицам и площадям Алма-Аты, Ольга Федоровна Берггольц вспомнила, что в годы Отечественной войны в столице Казахстана жили и писали Зощенко и Паустовский. Они воспели в своих книгах яблоневые сады и арыки этого замечательного города. Ей трудно было расставаться с Алма-Атой, с журналистами и писателями казахстанской столицы.

Василий Ефимович Скоробогатов (недавно скончавшийся) писал мне из Москвы:

«В 1959 году Ольга Берггольц, известная писательница, приехала в столицу Казахстана, гостила в «Казахстанской правде», воспетой ею в повести «Журналисты». Для нас, казправдинцев, встреча с этой умной писательницей была настоящим событием. Помню глубокую осень, туманы и сырость, и солнечный день, когда мы фотографировались. Я встречал Олю в день приезда, устраивал ее в правительственном пансионате в горах близ Медео, я ее провожал в аэропорт. Прощаясь с Алма-Атой, Оля прямо-таки рыдала на моих руках».

Глава двадцать пятая

Прошла Карлаг, живой осталась

Одно время Эстер Паперная жила у племянника во Львове. И моя мама ходила к ней с моими стихами, тогда наивными, но полными печали и грусти. Эстер, почитав их, сказала:

- Пусть смело ноступает на филологический в университет.

На что моя мама возразила:

- Он не хочет быть филологом...

- А кем?

- Журналистом.

- Вот и ладно. Пусть будет журналистом, и пусть пишет стихи.

Дома мне мама сообщила:

- Я была у Паперной, и она мне сказала, чтобы ты поступал на журфак.

С тех пор в моей памяти надолго осталось: Паперная, Паперная... Сама Паперная благословила! Кто такая Паперная, я толком не знал, но мать утверждала, что это большая писательница, что ее любил сам Маршак, почитал ее талант.

Уже в зрелом возрасте я узнал о трудной, весьма сложной судьбе Паперной. Ее, действительно, признавал Самуил Яковлевич Маршак, особо выделяя ее книги для детей. Читал он Эстер Соломоновну и как переводчицу, она знала несколько языков, в том числе английский, французский, итальянский, польский, еврейский, превосходно владела ими. Она первой в СССР перевела сказку Э. Блайтона об утенке Тиме, сама написала повесть «Живая пропажа», тем самым надолго завоевав сердца юных читателей. Но в 1940 году ее арестовали «за злой язык» (она сочинила анекдот о Сталине), и отправили в Карлаг, вычеркнув ее имя из детской литературы.

О судьбе Паперной хорошо знал украинский поэт Антон Шмыгельский, с которым она дружила во Львове. И он мне рассказал, что, попав в лагерь, Эстер Соломоновна вначале растерялась, она никак не могла привыкнуть к тяжелому физическому труду. Ее толстые очки постоянно падали, она поднимала их и плакала. У нее было слабое зрение, слабые руки... И, наверное, она бы сгнула с этого белого света, если бы не дружеская помощь подруг - эзек. А помогали ей и Мария Максимовна Гальпер, и Фанни Шебеко, и Нюся Макаренко... Недавно в Из-

раиле вышла книга дочери М.М. Гальпер - Е.П. Липшиц «Родословная». Так вот в этой книге есть целая глава об Эстер Паперной. Е. П. Липшиц пишет: «В лагере(в Долинке – В.М.) в первое время мама была на общих тяжелых работах: на прополке, перетаскивании зерна. Эти работы хорошо описала в своих стихах Эстер Соломоновна Паперная(1901-87гг.). Она работала все время, как и моя мама, на общих работах. Эстер была очень добрым и отзывчивым человеком. Была всеобщей любимицей. Ее любили за умение разогнать любую грусть, за стихи. Она была прекрасной рассказчицей, но очень неловкой и неумелой в работе. Кроме того, была очень близорука. Все заключенные старались помочь ей выполнить норму, что- то сделать для нее».

Сама Эстер Паперная написала в Долинке цикл стихотворений «В Карлаге». Они нигде не публиковались, заключенные Долинского отделения их переписывали себе в тетради и блокноты, по вечерам читали вслух в бараках.

Стихи Эстер Паперной точно передают атмосферу тех сталинских лагерей, тот тяжелый подневольный труд, который они выполняли в жару и холод на полях и животноводческих фермах Карлага. Характерно в этом отношении стихотворение «Подражание Пушкину», написанное в 1942 году.

*«Долго ль мне еще в Карлаге
Век свой женский коротать,
И с участка на участок
Словно бабочка порхать?
То на стройку, то к телятам,
Покорясь своей судьбе,
То на снегозадержание,
То на транспорт к цоб-цобе.
Или солнце меня спалит,
Иль мороз в тиски возьмет,
Иль буря навек засылет,
Или волк в клочки порвет.
Долго ль мне в тоске голодной
Пост невольный соблюдать.
Обезжиренным обратом
Крем и сливки поминать?
То ли дело в Ленинграде
По проспекту разъезжать,*

*О журнале, о театре,
О курорте помышлять.
То ли дело на свободе
В ресторане закусить.
То ли дело, братцы, дома.....
Э, да что там говорить!»*

Не теряя оптимизма, с большой иронией пишет она в 1942 году стихотворение «Письмо к Фанни Шебеко». Вот небольшой отрывок из этого стихотворения:

*«Хоть и живем недалеко мы,
Шлю Вам письмо — напала блажь.
Сегодня год, как мы знакомы,
И это — лагерный мой стаж.
Да, целый год!..
За это время
Воды немало утекло,
И часто нашей доли бремя
Нести нам было тяжело.
Зимой на снегозадержаньи
Мы стены строили из льда,
И Вашим сущим наказаньем
Подчас бывала я тогда.
Когда мой шаткий валик падал,
Как Ваше хмурилось лицо!
И с нежных уст порой с досадой
Срывалось крепкое словцо.
Когда мы чистили дорогу,
Вы, прерывая отдых свой,
Ко мне спешили на подмогу,
Азартно действуя киркой.
Потом без Вас я две недели
Бороновала на быках,
О чем рассказано отдельно
В плохих, но искренних стихах.
Июнь был месяц самый длинный.
В шоне мы пололи рожь.
Как вспомню ужас комариный,
Так до сих пор бросает в дрожь!
Мы в сенокос копнили с Вами*

*Люцерну, донник и пырей,
Вы с вилами, а я с граблями
Не расставались много дней.
Итак, покончим с годом этим,
Подходит 43-й год.
Но где и как его мы встретим
И что-то нам он принесет?»*

А ничего хорошего не приносили лагерные годы, тяжелый труд на полях, на площадках по откорму бычков, овсц... Хотя были и просветы – это художественная самодеятельность в Долинке, которой могла позавидовать любая столица. Среди ее организаторов и подруги Эстер Дора Михайловна Дихтярева, Вава Вагина. Последней она посвятила в декабре 1944 года стихотворение «В. Вагиной».

*«Семь лет назад расстались Вы с Москвой -
Полны обиды, страха и недоуменья.
Не ждали Вы, что станете звездой
Второго Долинского отделения.
Офеля, Леонтин, мадам Багратион,
Сиянье рамп, цветы, хлопки и крики «браво»!
Растаяли, как дым, как аромат, как сон ...
Но и в Караге Вас сопровождает слава.
Ведь все, что Вам дала Вахтагановская школа,
Смогли, как ценный клад, Вы до сих пор сберечь,
Чтоб из бревна любого возраста и пола
На сцене искорку правдивую извлечь.
Не плачьте, дорогая Вава,
Не опускайте косами венчанной головы —
Еще лишь год, и вновь Вам улыбнется слава
В афишах Ленинграда и Москвы.
А если для меня свобода вспыхнет ярко,
Я к Вам в театр как-нибудь приду.
Тогда, надеюсь, Вы дадите контрамарку
Хоть в самом захудаленьком ряду.»*

И, наконец, сбылось! В 1945 году Эстер выезжает из Долинки в Караганду, в других городах, в Ленинграде, Москве, ей жить запрещено. Но она счастлива, ее душа на небесах!

*«Я еду на свободу,
Везет мне, слова нет.
И в теплую погоду
И раньше на пять лет.
Я еду на свободу.
Прощай, мой спецбарак!
Пройдет не больше года —
Со всеми будет так.
Я еду на свободу.
Прошу не забывать
Стихи мои уроды
И их слепую мать.
Я еду на свободу.
Надеюсь, не вернусь.
Забуду анекдоты,
Торжественно клянусь.»*

В Караганде она работала статистиком в областной детской больнице в Михайловке. Однажды на проспекте Сталина (ныне Бухар - Жирау) встретила с Михаилом Ефимовичем Зуевым-Ордынцем. Вернее, он первым поздоровался с ней, а так бы она его не узнала, так он изменился! Поседел, согнулся, лицо в морщинах... Не признать былого, молодого, красивого, каким Миша был в Ленинграде, сотрудничая с ней в журналах «Резец» и «Чиж». Вот что делает жизнь с людьми, отсидевшими в Карлаге! И только по приветливому взгляду добрых глаз Зуева-Ордынца она поняла, кто перед ней.

- Никак передо мной известный писатель!- крикнула она смущенному Михаилу Ефимовичу. – Сколько лет, сколько зим!

По совету М.Е. Зуева-Ордынца она стала ходить на собрания литературного объединения при редакции областной газеты «Социалистическая Караганда». Здесь познакомилась с поэтом Наумом Коржавиным, сыном Сергея Есенина Александром Вольпиным – Есениным. О встрече с ней рассказал в 1990 году на страницах газеты «Индустриальная Караганда» Михаил Бродский. Вот что он вспомнил: «Надо сказать, что литобъединение было полнокровным. Собирались на его заседания часто и охотно, занимались с азартом. Спорили, ругались. Критиковали друг друга и, кажется, никогда не ссорились. Но мнения о прочитанных стихах, рассказах были диаметрально противоположные. И... авто-

ритетов не было. Даже Коржавин, который, бесспорно, был на 10 порядков выше всех нас, не всегда мог поставить все точки над «и». И лишь руководитель литобъединения Николай Алексеевич Пичугин, хлопая по столу своей костлявой, старческой рукой, прекращал «базар».

И вот однажды после очередного бурного обсуждения чьих-то виршей я увидел незнакомку, которая безмолвно и тихо взирала на наш бедлам... Естественно, я знал каждого не только в лицо, но и по имени-отчеству. Правда, не знал, кто есть кто. Такое любопытство не поощрялось только по одной простой причине – распространяться о чем-либо в то время было не принято. А главное – небезопасно: каждый боялся нарваться на сексот-осведомителя. А такие осведомители в те годы были не исключением, а правилом. Поэтому вновь приходящий говорил только фамилию, имя, отчество и только то, что считал для себя необходимым. К тому же в устоявшемся объединении новички появлялись редко».

И далее:

«Появление Эстер Паперной не могло остаться не замеченным, хотя и сидела она в самом дальнем углу кабинета, на краешке стула вдалеке от массивного стола, за которым расположились мы, завсегдагаи. Дело было не то в конце зимы, не то в начале весны. Только я хорошо помню, что на ней было черное, потрепанное, демисезонное пальто и такая же черная фетровая шляпка с небольшими твердыми полями. Сидя в своем уголке, она изредка снимала очки с толстыми стеклами и, не торопясь, протирала их платочком. При этом глаза ее сильно щурились и сеточка морщин разбегалась по ее лицу...

Постепенно Эстер оттаивала, а может, и смелела. На заседаниях вела себя все активнее. Ее критика была не по-женски резкой и безжалостной, ироничной, а порой даже безапелляционной: «Это барабанные стихи, далекие от поэзии». Или: «Из вас, голубчик, никогда не получится писатель, зачем вы себя насилуете?».

Свои стихи она читала редко, с опаской и неохотой. Теперь, задним числом, я понимаю, отчего это происходило. Ведь через то, что она прошла, слава Богу, мы не прошли».

Да, конечно же, Михаил Бродский не проходил через стены лагерей. Но в литобъединении было немало зеков и зечек. И поэтому все они с восторгом восприняли стихи Эстер Паперной, которая языком поэзии выражала правду жизни, а не лживую пате-

тическую чушь о великом Сталине, стройках СССР и так далее. Особенно многим запомнились ее стихи «9 мая 1945 года». Вот эти строки:

*«Девятое мая — ликующий день,
Как будто природа сама
Навеки согнала природную тень
И солнцем пьяна без ума.
Четыре мучительных года прошли,
Как длительный черный кошмар,
Но Родины нашей сгубить не смогли
Ни бомбы, ни кровь, ни пожар.
Сегодня мы счастливы все как один,
Хоть многих прошибла слеза.
И как ни коряво, от самих глубин
От сердца хочу я сказать:
Пусть будет здоров наш Советский Союз,
Пусть хлеба и мира полна,
Забудет страна, как отброшенный груз,
Проклятое слово «война».
Пусть будет здоров наш родной Сэсэсэр
На долгие годы — века,
И пусть наши внуки не знают совсем
Постыдное слово «зека»»*

«Постыдное слово «зека»... Теперь это слово стало не постыдным, а гордым. С гордостью носила это звание и Эстер Паперная до конца дней своих. После смерти Сталина в 1953 году она уехала во Львов, а затем после полной реабилитации вернулась в родной Ленинград. Она постоянно печаталась в «Литературной газете», в толстых журналах. В редакциях она, словно оправдываясь, говорила о своем минувшем: «Прошла Карлаг, как видите, живой осталась... Такая доля - Долинка моя.»

Глава двадцать шестая

Ласточки свободы генетика

Высокий красивый еврей с копной черных волос на голове, карими печальными глазами и большими руками – это и есть Владимир Павлович Эфроимсон, заключенный Степлага, крупный ученый-генетик, доктор биологических наук. Он пострадал еще в юности, учась в Московском университете, откуда был изгнан за то, что выступал в открытую против лысенковщины.

Исключенный из университета, Эфроимсон тем не менее не порвал со своей профессией и поступил на работу в государственный рентгеновский институт. И опять «сорвался»! Арестовали его любимого учителя, заведующего кафедрой генетики, профессора С.С. Четверикова и по приговору ОСО выслали из Москвы. Эфроимсон выступил в его защиту, но поплатился за это увольнением из института, хотя его труды по генетике высоко оценил будущий Нобелевский лауреат Герман Меллер.

В том же 1932 году Владимир Павлович был арестован по абсурдному обвинению «за участие в антисоветской организации». Следователь требовал от него дать показания на основателя эволюционной генетики в СССР, биолога Н.К. Кольцова, но Эфроимсон отказался.

Едва успел Владимир Павлович отсидеть положенные ему годы как началась Великая Отечественная война. Все военные годы он провел на фронте, работая то в санбате, то переводчиком во фронтовой разведке. Немецкий язык он знал блестяще, чем удивил экзаменаторов еще во время защиты своей кандидатской диссертации в 1941 году.

Победа! Она принесла Владимиру Павловичу ощущение полной свободы, и он опять взялся за генетику, остро критикуя Лысенко за то, что назвал ее *буржуазной наукой*. Он пишет в ЦК КПСС об огромном вреде «новаций» Лысенко для развития сельского хозяйства, науки в СССР.

В 1947 году, работая доцентом кафедры дарвинизма и генетики Харьковского университета, Эфроимсон защищает блестяще докторскую диссертацию по генетике, однако степень доктора наук ему присвоили спустя только 15 лет, после отбытки лагерного заключения в Степлаге на медных рудниках Джезказгана.

Да, да, - в 1949 году его вторично арестовали за антисоветскую деятельность, и отправили в казахстанскую степь. Как пи-

шет его друг, доктор биологических наук М.Д. Голубовский, там Владимир Павлович сполна познал, что такое физический труд в шахтах. И замечает в предисловии в книге В.П. Эфроимсона «Генетика этики и эстетики»: «После отсидки в казахстанских концлагерях (в основном, работа кайлом) Эфроимсон долго еще похвлялся бицепсами на руках».

Это коротко. А если более подробно о лагерной жизни Владимира Павловича, то надо отметить, что в Степлаге он работал не только в карьерах по добыче медной руды. Видя, как он истощен, вечно падает при ходьбе с кусками руды в руках, начальник медсанчасти лагеря, врач Бондарева Юлия Ивановна сжалилась над ним. Она узнала в оперотделе, что он – биолог, кандидат наук, и направила его работать в биологическую лабораторию лагеря. А это позволило ему вновь заниматься любимой генетикой, ее влиянием на медицину, этику, эстетику, литературу, их взаимосвязью. Большая библиотека в КВЧ лагеря помогла ему расширить свой кругозор ученого в области литературы, искусства, психиатрии. Солатерник Владимира Павловича, князь Андрей Трубецкой познакомился с ним, когда Эфроимсон уже был заведующим биологической лабораторией. И вот, узнав, что Андрей был арестован на IV курсе мединститута, Владимир Павлович забирает его из карьера к себе в лабораторию медбратом, тем самым спасая его от губительных пыльных и тяжелых работ и возвращая к избранной им профессии.

Это был благородный поступок Эфроимсона! Но еще приятнее и полезнее для Трубецкого было общение с этим всесторонне развитым, любознательным и благородным человеком. Уже в лагере Эфроимсон интересовался и очень много времени уделял изучению проблем наследования через гены интеллектуальных особенностей человека, генетики таланта и гениальности, одаренности, различных частных способностей – музыкальных, математических, художественных. Позже по выходу из лагеря он написал несколько книг по генетике педагогики, по взаимосвязям биологических и социальных факторов в развитии человеческой личности. Большой интерес вызывали у него проблемы происхождения и становления в людях таких важнейших свойств как этичность, гуманизм, альтруизм, взаимопомощь, жертвенность, трудолюбие.

Особое внимание в становлении гениальных и талантливых людей он отводил трудолюбию. Способности – это хорошо, но их

надо развивать даже в самых жестоких условиях, трудиться. Иначе ничего не добьешься в жизни.

С другой стороны, он не отрицал значения социальных факторов, поддержки общества. В капиталистических странах, как правило, гениев, талантливых людей окружают вниманием и заботой, им создают условия для творчества, раскрытия своих способностей. А в СССР? Где гении, талантливые люди? Они большей частью находятся в лагерях, где их используют в качестве дешевой рабочей силы. «Посмотри вокруг, - говорил Эфроимсон Трубецкому. – Почему поэт и художник Юрий Грунин, писатель Александр Ильич Зонин, композитор Бруно Дементьев томятся в нашем лагере, киркой и лопатой поднимают тонны руды на-гора? Для них ли предназначен этот труд? Они ведь живые, творческие люди, зачем их губить в шахтах?»

По мнению Эфроимсона, многие гении попадали тогда в лагерь, ибо они не нужны были сталинскому режиму, где все считались одинаковыми, «винтиками и болтиками». Один существовал тогда гений – генералиссимус Сталин, хотя его труды были далеки от шедевров политической литературы, а управление государством напоминало примитив рабовладельческого типа. Превратив всех в рабов казарменного коммунизма, Сталин вознесся под ними как Идол зла и террора.

Такое государство не нуждалось в талантливых людях. Тем более гениях. А если они пробивались сквозь бетон сталинизма, то все делалось для их подавления. Так был загублен любимый поэт Эфроимсона Николай Гумилев, расстреляны или выдворены за границу многие ученые и писатели – лучшие умы России.

Эфроимсон то и дело вспоминал высказывание гения моторостроения Дизеля: «Совершенно ложно утверждать, что гений пробьется сам. Из ста гениев девяносто девять гибнут неизвестными. Только преодолев несказанные трудности, каждый сотый достигает признания».

И похлопывая по плечу Трубецкого, говорил ему:

- Так что, мой друг, не падай духом, трудись, преодолевай лагерные несказанные трудности, глядишь, несмотря на сталинизм, выбьешься в гении...

В те годы в Степлаге кандидатов в гении хватало, их очень жалел Эфроимсон. На свою скамейку близ биологической лаборатории он часто приглашал их побеседовать, отвести душу. Они нередко просили его предугадать их будущее. И он говорил:

- Юрий Грунин станет большим поэтом. Он трудолюбив, даже по ночам пишет стихи, я видел.

- Зонин создаст новые повести о моряках, ему будут аплодировать благодарные читатели - офицеры и матросы Балтийского и северных морей...

- А вот ты, Бруно, ничего, наверное, уже не сочинишь. Я не вижу тебя у рояля в КВЧ месяцами. Судя по твоей песне «Огонек», ты очень талантлив. Но ленив, увы...

Бруно Дементьев не обижался, правда, бубнил: «Ну это мы еще поглядим».

Как в воду смотрел Эфроимсон, действительно, Грунин стал известным поэтом, Зонин написал книгу об адмирале Нахимове, завоевав славу у читателей - моряков. А Бруно? Он так и не создал больше ни одной песни, бесследно исчез в мареве будущих лет.

Время все и всех расставляет по своим местам. Ушел в небытие «гений человечества», великий Иосиф Сталин, упали решетки и замки с окон и дверей тюрем, колючая проволока лагерей разрезана... И заявили о себе новые таланты и гении. Среди них яркой звездой на небосклоне науки вспыхнул и сам Владимир Павлович Эфроимсон, сумевший соединить генетику с медициной, этикой, эстетикой, педагогикой, открыть и расшифровать массу загадок гениальности людей, начиная с интеллекта и заканчивая их колоссальным трудолюбием, несмотря на разные болезни. После выхода из лагеря Эфроимсон издает книгу за книгой, он возвращает и развивает генетику в СССР. С 1967 по 1976 годы он работает заведующим отделом генетики Московского НИИ психиатрии Минздрава РСФСР, и это было для него очень плодотворное время. Но в 70-х годах после хрущевской оттепели и больших надежд на подлинную свободу в стране опять наступило время единоначалия и единомыслия. Инакомыслящих, так называемых диссидентов, правозащитников, оппозиционеров чуть ли ни поголовно стали прятать в «психушках». Сверху из КГБ врачам-психиатрам диктовали диагнозы: ставьте этому вялую шизофрению, ставьте тому эпилепсию, паранойю... И ставили!

Эфроимсон отказался участвовать в этой трагедии человеческих душ, поставленной Брежневым и Андроповым. Он ушел из института психиатрии по собственному желанию и навсегда. Но творчеству своему не изменил, даже в возрасте 80 лет он работал по 12-14 часов в сутки.

За это время Владимир Павлович подготовил две крупных монографии. Одну из них посвятил генетике этики и эстетики, другую – генетике гениальности. Тем самым он продолжил дело своих учителей Н.К. Кольцова и С.С. Четверикова, внес достойный вклад в дальнейшее развитие генетики.

Когда Андрей Владимирович Трубецкой, кстати, добившийся больших успехов в карьере, ставший доктором биологических наук, вспоминает лагерные годы В.П. Эфроимсона, то непременно восклицает:

- Владимир Павлович очень любил жизнь, все красивое и прекрасное в ней! Даже в лагере он не изменял этому. И там он радовался каждому дереву и кустику у колючей проволоки, тем более весенним цветам – подснежникам и тюльпанам. Он называл их ласточками свободы.

- Вот и появились первые ласточки свободы – весенние цветы, - говорил он Трубецкому весной 1953 года. – Скоро, скоро нас выпустят... Повеяло свежим ветром!

Будучи на свободе в Москве, уже в зрелом возрасте он любил ходить на прогулки в парк культуры и отдыха имени Горького, непременно посещал выставки художников в музее имени Пушкина, в Третьяковке... Он говорил Трубецкому: «Человек без общения с прекрасным обречен на духовное вымирание, он становится дикарем». И в своих книгах он утверждал, что восприимчивость и любовь к красоте и гармонии заложены в генах человека, в этом его отличие от других представителей животного мира... И этим должны дорожить люди!

Глава двадцать седьмая **Талисман Колмановского**

В. Г. Вагрина всю жизнь дружила с племянником своего мужа Эдуардом Колмановским, будущим известным композитором СССР. Когда в 1937 году ее мужа, председателя «Союзпромэкспорта» Давида Марковича Колмановского арестовали, а затем расстреляли как троцкиста, Эдуарду было всего 14 лет. Но он уже учился в музыкальном училище имени Гнесиных по классу фортепиано, и Валентина Григорьевна пророчила ему как музыканту прекрасное будущее.

К тому времени В. Г. Вагриной было уже за тридцать, ее знали как великолепную актрису театра имени Вахтангова. В «Гамлете» Шекспира она удачно играла Офелию, в «Человеческой комедии» Оноре Бальзака – графиню. В 1934 году знаменитый режиссер и сценарист Давид Самойлович Марьян поставил фильм «Мечтатели» о том, как люди разных национальностей, объединившись в строительный отряд, начинают восстанавливать разрушенные гражданской войной шахты в Донбассе. Наряду с Аллой Тарасовой, Михаилом Жаровым, Львом Свердлиным он приглашает принять участие в создании этого фильма Валентину Вагрину. Она вначале не соглашается, но подруги по сцене уговаривают ее:

- Ты что, Вава, с ума сошла? Отказать такому режиссеру, значит, перечеркнуть всю свою карьеру. Или тебе не хочется войти в историю советского кино?

В конце концов Вагрина согласилась, и она, действительно, вошла в историю советского кинематографа как знаменитая актриса немого советского кино. Больше всех за нее радовался племянник Эдуард, который жил вместе с Колмановскими в большой квартире дома № 35 на Арбате. Он всем в музыкальной школе говорил, что его тетя играет не хуже Орловой и других актрис, а то и лучше. Не верите: посмотрите фильм «Мечтатели» или сходите на спектакли в театр имени Вахтангова, в которых занята Вава (так называли В.Г. Вагрину ее друзья и соратники).

Но в 1937 году ее творческое счастье исчезло. Когда арестовали ее мужа, она от горя слегла в постель надолго и безутешно. Забарахлило сердце, сдали нервы, спасало только снотворное. Эдуард Колмановский дневал и ночевал у кровати любимой тети, поддерживал ее душевно.

- Вы любите жизнь, Вава? Не сдавайтесь – все образуется, еще заиграют трубы счастья в вашу честь.

Но трубы предпочли замолчать надолго. Вскоре В.Г. Вагрина арестовали как члена семьи изменника Родины. Коллеги по сцене пытались вызволить ее из мрачных казематов Лубянки, но не тут - то было. В своих мемуарах писательница Анна Масс сообщила: «За все годы не удалось отстоять только Валентину Григорьевну Вагрина - Вавочку, как ее называли в театре. Когда в 1937 году арестовали, а потом расстреляли ее мужа, крупного работника торгпредства, ее тоже взяли как жену «врага народа». В эти годы театр уже не был так всесилен, как прежде: многие из его влиятельных поклонников распрощались с жизнью в лубянских застенках. Но все равно театр пытался вызволить Вавочку. «Вышли» на следователя. Тот сказал: «Освободим, если она откажется от мужа».

...Вавочка от мужа не отказалась. Ее отправили в лагерь».

Этим лагерем для нее стал Карлаг, Долинка. Туда везли «врагов народа» в товарных вагонах с обледенелыми нарами. Вагон был перегорожен решетками, на окнах тоже решетки. Соседкой Валентины Вагриной оказалась переводчица Мария Максимовна Гальпер, которая потом возглавит в Долинке огородную бригаду, будет работать в ремонтно – механической мастерской. Ее дочь Е.П. Липшиц позже расскажет в книге «Родословная» (Израиль, 1997 год): «Куда везут, не говорили. Ехали много дней. Приехали – объявили Караганда, Долинка. Выстроили их на переключку, а рядом толпятся бытовики, поливают их бранью, называют кремлевскими б... , весь строй плачет.

По каждому пустяку, например, за опоздание на поверку, сажали в карцер. Среди заключенных жен было много работников искусства, артисток, балерин, певиц. Из них организовывали такую самостоятельность, которой могла позавидовать любая столица. Газеты, радио были запрещены, но новости все равно проникали в лагерь разными путями. Так, например, на Долинской сельскохозяйственной опытной станции, где было выведено множество устойчивых к суровым условиям Казахстана сортов с. х. культур (просо Долинское и др.), кроме заключенных, работали вольнонаемные. Оттуда приходили к маме точить какие - нибудь детали, и приносили прочитать газету. Мама прочитывала газету в туалете, а затем новости распространялись по беспроводному телеграфу. Несмотря на тяжелую работу, плохое питание, огорчанность от родных и близких, все жили верой и надеждой на скорое освобождение, на победу, на то, что скоро все выяснится и их признают невинными».

Валентину Григорьевну Вагину тоже использовали, как всех, больше на сельскохозяйственных работах – она убирала пшеницу и рожь на полях, переворачивала промокнувшее от дождей зерно на токах для сушки, доила коров... Однажды к ней подошла невысокая женщина, в очках с толстыми стеклами, представилась: «Эстер Паперная, писательница». Показывая на черные, узловатые пальцы актрисы, она сказала:

- Вам ли, Вава, звезде нашего театра и кино, в этом дерьме возиться? Вы должны петь... Я скажу о вас в культурно-воспитательной части Долинки.

И вот благодаря заступничеству Эстер Паперной Валентину Григорьевну Вагину переводят в так называемый крепостной театр. Она опять играет главную роль в «Принцессе Турандот», радуя своим талантом и вольных, и невольных зрителей. Вечером в своем бараке она вспоминает, как ее племянник Эдуард ходил на репетиции и спектакли в театр имени Вахтангова, обязательно заглядывая к ней в гримерную с букетиками цветов. Весной это были ландыши, а летом красные и белые розы. Эх, Эдик, Эдик... Увидел бы он ее сейчас в эковском клубе имени Кирова под конвоем солдат с овчарками. Почему так по-разному складываются судьбы людей? У Аллы Тарасовой тоже немало белых пятен в биографии, однако ее не тронули, продолжает играть в театре. Между тем, брат Тарасовой Евгений служил в армии генерала Деникина в контрразведке. Ее сестра Лена бежала от красных в эмиграцию, живет во Франции, в Париже. Но... Талант Тарасовой признал сам Сталин, посмотрев в 1933 году фильм «Гроза» по пьесе А. Островского, где главную роль Катерины сыграла Алла. В 1937 году Сталин побывал на премьере спектакля «Анна Каренина», и еще больше убедился в том, что он не ошибся. Вскоре после этого Тарасовой было присвоено звание народной артистки СССР.

Валентина Вагина вместе с Аллой Тарасовой снималась в 1934 году в фильме «Мечтатели». И она очень боялась, что у нее ничего не получится. Алла сказала ей:

- Гони от себя страх.

И прошептала:

- Вот я ничего не боюсь, потому что никогда не расстаюсь с крестиком.

Может, Бог и правда помогает ей во всем?

Валентина Григорьевна научилась креститься, когда страх за-

ливал ее сердце, и ей становилось несравненно лучше, чем прежде. Она стала получать письма от Эдуарда Колмановского. Он рассказывал ей о своей учебе в консерватории имени Чайковского, о том, что пробует сочинять музыку к песням. Однажды она получила посылку от племянника, в которой нашла в коробке чая небольшой серебряный крестик со словами «Храни тебя Бог». Талисман Эдика она будет носить до конца жизни, до самой смерти, как будет хранить дружбу с племянником.

Как надела актриса на себя крестик божий, присланный Эдуардом, словно ожила ее душа. Она стала больше общаться с такими же обездоленными, как сама, вникать в их мысли и надежды. Ее удивило, что рядом с ней в лагере находились не менее знаменитые люди, чем она. В Долинке, например, отбывали свой срок жена маршала Блюхера Глафира Лукинична Блюхер-Безверхова, переводчица Профинтерна Мария Максимовна Гальпер, жена поэта Багрицкого Лида... А драмтеатром руководила Евгения Мезенцева, которая вместе с Фаиной Раневской и Татьяной Окуневской снималась в фильме Михаила Ромма «Пышка» в 1936 году. Они наряду с Эстер Паперной стали ее самыми лучшими, преданными подругами.

В 1946 году Валентину Григорьевну освободили. Писательница Анна Масс вспоминает: «Какая радость прошла волной по нашему дому, по театру: Вавочка вернулась!» Она вернулась поблекшая, постаревшая, о прежней её легендарной красоте можно было лишь догадываться. В Москве её не прописывали, да и где ей тут было жить. Но театр остался верен себе: добился прописки. Её снова приняли в труппу и сразу дали роль Джесси в пьесе Константина Симонова «Русский вопрос». На репетициях, слегка лукавя, горячо убеждали, что у неё получается в тысячу раз лучше, чем у Серовой в Ленком. После премьеры шумно поздравляли, а ещё через некоторое время пересказывали друг другу хвалебные отзывы в прессе о её игре».

Да, Вавочка вернулась поблекшая, постаревшая, но в ее глазах горел огонь молодости и любви к людям. Ибо она не раз и не два обращалась к Богу с просьбой вернуть ее в Москву, к нормальной жизни, не чернить ее душу тоскливыми мыслями и серой тоской по столице и родственникам... Почти каждый день в ее гримерную врвался Эдуард Колмановский с букетиками цветов в руках:

- Ну как мой талисман, не подводит?

- Не подводит! – радостно отвечала тетя - актриса.

В день первой встречи с Эдуардом она не сразу узнала его, так он подрос, возмужал. Он устроился редактором музыкального вещания Всесоюзного радио, стал сочинять песни. Их исполняли Трошин, затем Марк Бернес... Эдик женился на однокласснице Тамаре Майзель, и, слава Богу, счастливо! Жена во всем и всегда поддерживала его творчество, заботилась о нем как о ребенке.

В 1958 году Эдуард написал песни, которые сделали его имя горячо любимым народом. Это «Тишина» на стихи В. Орлова и «Я люблю тебя, жизнь» на стихи К. Ваншенкина. Последнюю песню Эдик посвятил горячо любимой тетушке Валентине Григорьевне Вагриной, которая по его словам всегда любила жизнь и надеялась, что это взаимно.

К сожалению, еще долго после мучений и страданий в лагере Карлага Жизнь не отвечала ей взаимностью. Ее почему - то держали под подозрением и после Победы, освобождения из лагеря. А вскоре, как пишет Юрий Геранимус в книге «В молодые годы» (Москва, 2004 год), «Ваву из театра под давлением «органов» уволили». И далее: «Хлопотать за нее пошли к тогдашнему шефу госбезопасности Абакумову артисты – вахтанговцы Горюнов и Абрикосов. Выискивая аргументы в пользу восстановления Вавы в театре, они неосторожно сказали Абакумову: «Вагриной разрешили жить в Москве. Значит, она должна где – нибудь работать». На что Абакумов сказал: «Это легко исправить»- и тут же отдал распоряжение: Ваву из Москвы выслать».

В это тяжелое для Вагриной время опять ее выручает Эдуард Колмановский. Он знакомит ее с Николаем Ивановичем Осеневым, который занимал в то время высокий пост председателя Московского отделения Союза художников СССР (МОСХ). Он был автором хрестоматийной просоветской картины «Первый декрет Советской власти». На ней был изображен закурывающий сигарку солдат Красной Гвардии, который делал это, стоя у афишной тумбы с приклеенным манифестом о мире. Эта картина пользовалась успехом почти у всех зрителей, особенно у коммунистов. Благодаря ей он и занял большую должность в Союзе художников.

Но все знали и вторую слабость любви Осенева – щедрой души человек, он очень привязался к бытовой живописи и к пейзажам России, Европы.

Николай Иванович с первого взгляда прямо – таки влюбился в Валентину Григорьевну. Вскоре они поженились. Когда ее выдворили из Москвы, он нашел Ваве жилье в любимой им Тарусе, и жил вместе с возлюбленной там, создавая свои великолепные картины русской природы.

В 1955 году Ваву реабилитировали, и она стала снова жить в Москве, вернулась в театр и проработала там до пенсии. Очень часто она выезжала вместе с Николаем Ивановичем в Париж, где Осенев написал серию пейзажей Франции. А когда они, отдохнувшие и довольные судьбой, возвращались в Москву, на перроне вокзала их непременно встречал Эдик с цветами. Вава кричала, увидев и обнимая его:

- Я люблю тебя, жизнь!

Эдик отвечал:

- И надеюсь, что это взаимно!

Да, в последние годы жизнь повернулась к Ваве своим добрым, светлым лицом. Казалось, это Бог таким образом выплачивал ей компенсацию за тяжелые, черные времена в Карлаге.

Глава двадцать восьмая

Обитель вечного странника

Те, кто долго живет в Тихоновке под Карагаддой, хорошо помнят высокого сухопарого старика, который любил одиноко бродить по поселку и даже выходить в степь, где собирал букеты ромашек и васильков. К обеду он возвращался в Тихоновский дом инвалидов, где жил в небольшой комнате, обставленной кроватью, шкафом и даже письменным столом. Он называл ее своей обителью. «Этой комнаты мне достаточно для литературной работы,» - объяснял старик соседям-инвалидам, которые подсказывали ему, чтобы он выпросил у начальства еще и кресло-качалку, книжные полки, телевизор и холодильник. Но ходить с протянутой рукой тот отказывался, хотя после разоблачения культа личности Сталина его как-то выделили среди контингента инвалидов, предоставив ему отдельное помещение.

И все это было сделано по указанию члена Политбюро, председателя президиума Верховного Совета СССР Анастаса Ивановича Микояна, который позвонил Кунаеву с просьбой позаботиться о постояльце дома инвалидов. А вскоре калеки были шокированы тем, что старику утвердили персональную пенсию, и спрашивали его: «За что? За что?»

И тут наш герой бойко отвечал:

- За то, что осенью 1917 года после корниловского мятежа я лично арестовал в Бердичеве генерала Деникина, скрутив ему за спину руки. Надо было сразу расстрелять мерзавца, да я пожалел...

Не буду больше томить читателя догадками – симпатичный, очень интеллигентный старик, который в 1917 году скрутил руки генералу Деникину, был никто иной как правнук прославленного декабриста, первый смоленский губпродкомиссар, редактор «Торговой газеты», а затем высокопоставленное должностное лицо в советских учреждениях Михаил Петрович Якубович.

Тяжелая и чертовски сложная была у него жизнь. Еще молодым он отрекся от партии меньшевиков. А произошло это оттого, что «любимая партия» никак не поддерживала его идей и проектов. Особенно удручен был Якубович, когда меньшевики после октябрьского переворота отвергли его идею соединиться с партией большевиков, поддержать ее и помочь ей в создании нового государственного строя. Он был проклят самим Л. Мартовым, ли-

дером меньшевизма, даже в эмиграции тот продолжал называть Якубовича «изменником партии». Зато большевики охотно поддерживали Михаила Петровича, доверяя ему ответственные должности в советских аппаратах. Сам Крыленко Николай Васильевич, большевик из большевиков, член КПСС с 1901 года, нарком юстиции РСФСР, высоко отзывался о Якубовиче. Он ему говорил:

- Михаил Петрович, скажу вам прямо: я считаю вас коммунистом!

И вдруг с высокой скалы да прямо в грязный бушующий омут сталинских лагерей. Как известно, с 20-х годов по указанию Генсека в стране стали проводить открытые судебные процессы над так называемыми «врагами народа». Шума вокруг них было наделано немало, даже за рубежом пресса захлебывалась в восторге от их презентаций. Классовая борьба накаляется, может быть, в ее пучине и сгинет Сталин со всеми своими вырожденками – вождями пролетариата? Но гибли миллионы людей, а предводители коммунистических идей продолжали гнуть линию уничтожения народа, оставаясь целехонькими и мудрыми. В книге «Архипелаг Гулаг» Солженицын подробно расскажет об этих судебных процессах: «Шахтинском деле», «Промпартии»... Дойдет он и до процесса Союзного Бюро меньшевиков (1-9 марта 1931), куда волею чекистов был вовлечен наш Якубович. Повод для его ареста был: его как заместителя наркома Наркомторга СССР А. И. Микояна обвинили в том, что он перебросил товары и продукты, предназначенные для рабочих, ИТР Магнитостроя и Кузнецостроя в родную Москву, которая задыхалась тогда от голода и нищеты. Перебросил он их по указанию Микояна, а тот по велению Сталина. В своих воспоминаниях Михаил Петрович напишет:

«Я колебался, но Микоян сказал: «Что? Вы не знаете, кто такой Сталин»...

Якубович уже тогда хорошо знал, кто такой Сталин. И потому, испугавшись, нарушил разрядку по устному распоряжению Микояна. И его буквально через несколько дней арестовали как «врага народа», продолжающего мстить передовому рабочему классу. Но затем вдруг от этих обвинений отказались (видимо, забеспокоился А.И. Микоян), зато выдвинули другие, которые сводились к одному слову: меньшевик. Прошло уже более десяти лет как Якубович покинул ряды меньшевиков, он честно и плодотворно работал в советских учреждениях, дойдя до долж-

ности начальника управления промтоваров Наркомторга СССР. В своих многочисленных трудах по экономике социализма и социалистическому строительству Якубович крепко стоял на позициях марксизма-ленинизма. Но, нет, надо было организовать по задумке Сталина процесс над меньшевиками (спохватился, почти все меньшевики к тому времени удрали за рубеж в Европу, Америку и там, сидя в ночных клубах, вспоминали свою молодость в России). И чекисты из кожи вон лезли, чтобы разыскать хотя бы с десяток меньшевиков. Но где же они? Да вот хотя бы Якубович – в 1916 году был меньшевиком, добрался как враг народа до высокой должности, где вредительство чинит. А еще? Владимир Гусликович Громан (псевдоним Гора) - член коллегии ЦСУ РСФСР, знатный статистик. Да он едучи высказался в том духе, что Октябрьская революция дала крестьянину значительно меньше, чем февральская революция. Его в одном из докладов покритиковал сам Сталин за такую трактовку. Что, разве Громан не меньшевик? Сделаем.

Да, маловато. Где же выход? В ГПУ придумали обязательную разнарядку: два меньшевика от ВСНХ, два от Наркомторга, два от Госбанка, один из Госплана, один из Центросоюза. А если нет там меньшевиков, то принять их в Союзное бюро прямо в тюрьме. То есть прямо в ходе следствия создать это, как его, Союзное бюро меньшевиков. И создали! Несмотря на упорство, отказы задержанных.

Якубович вначале держался, не мог понять, с какой стати ему опять быть меньшевиком. Ему долго объясняли – он не понимал. Тогда его из Бутырки перекинули в Верхнеуральский политизолятор особого режима. Там он впервые подвергся неимоверно жестоким пыткам. Спустя десятилетия он напишет из Тихоновки в Прокуратуру СССР: «Били по голове, по половым органам, валяли на пол и топгали ногами, лежащих на полу душили за горло, пока лицо ни наливалось кровью... Больше всех утормостили в сопротивлении А.М. Гинзбург и я... Мы пришли к одинаковому выводу: мы не в силах выдержать применяемого воздействия, и нам нужно умереть. Мы вскрыли себе вены. Но нам не удалось умереть... После покушения на самоубийство меня уже больше не били, но зато не давали спать... Я дал согласие на любые показания».

Короче говоря, Якубовича «сломали». Сыграло роль и его жизнелюбие. Он рассуждал так: жизнь дается человеку только

один раз, и стоит ли ее превращать в мучения ради правды? Все равно правды (понятие относительное) в этом мире не добьешься, как ни борись, ни сопротивляйся. У всех будет в конце концов один конец, одно покрывало из толстого слоя черной земли. Уж лучше еще пожить, понаблюдать, а затем и написать всю правду о той жизни, какую предложил народу Сталин и его окружение, эта свора палачей, ненасытных волков, убивающих все живое. В своих воспоминаниях Якубович напишет: «Когда я начал так рассуждать, мне стало легче, светлее жить. Я все воспринимал весело и беззаботно... Я со всем соглашался, и меня не трогали. Я впервые почувствовал вкус хлеба и запах гречневой каши, мне дышалось полнее и вольно».

Якубович, ясное дело, из борца превратился в ничто, в некий послушный материал для следователей. Но он продлил себе жизнь!

Ему, например, следователь сказал: надо показать, что некто Рубин – член Союзного бюро. Якубович подписывает, как надо следователю. При встрече в камере Рубин орет на него: «Как можно так лгать! Я никогда не был меньшевиком». Якубович его успокаивает: «Какая разница, как тебя называют, главное – не бьют, ты живой».

Якубовича просят принять в члены Союзного бюро Моисея Исаевича Тойтельбаума, он принимает. Моисей Исаевич, весь избитый, в крови, благодарит его за это – это лучше, чем получить «двести грамм свинца» в затылок за «взятки иностранных фирм».

В тюрьме Якубович решает написать всю правду о том, что было, будет, произойдет. И ему с этой мыслью стало интересней жить, он больше и внимательнее всматривается в страшную действительность, изучает психологию разных людей. До судебного процесса дошли не все, половина сгинула «в борьбе роковой». Остались только те, кто соглашался, кивая головой, надал ниц духом и телом при виде краснопогонников.

Но главный спектакль – суд – явно не получился, как того требовал Сталин. Не получился, потому что все шло как по маслу, тихо, усыпляюще. «Да разве это люди, – крикнул один из свидетелей, указывая на членов искусственно созданного Бюро меньшевиков, – это же живые мертвецы! Они даже не соображают, что говорят...»

Соображать Якубович снова начал, когда получил десять лет отсидки, отбыл этот срок в Орловской тюрьме, затем в Унжлаге

(близ Костромы). В 1941 году его вновь арестовали как меньшевика и повторно осудили на десять лет. Он побывал в разных лагерях, но больше всего запомнились ему Песчанлаг в Майкудуке и Спасск под Карагандой. Эти лагеря он описал в неопубликованной до сих пор повести «Красная роза». Он писал в книге о том, что ничего нет в мире прекраснее цветов. Красная роза не обидит, не обожжет, не утопит... Она может только удивлять человека своим молчаливым благородием и прелестью лепестков. Люди – не розы, но они должны стремиться к прекрасному, поднимаясь над серой унылой действительностью и украшая ее своими добрыми поступками и трудами.

Он пребывал в Спасском лагере как бы отдаленный от жизни, в каком-то тумане своих грез и мечтаний... Женщина-разносчица посуды – подарила ему красную розу, узнав, что он литератор... Это была Елизавета Николаевна Тухачевская-Арватова, родная сестра расстрелянного Сталиным маршала М.Н. Тухачевского.

Михаил Петрович не расставался с этой розой, пока она не завяла и не осыпалась... Он вспоминал ее много раз, ибо она снова вернула его к жизни в те тягостные часы, когда он опять впал в уныние, готовый к самоубийству. Красная роза – цветок жизни и вдохновения, – возродила его. И он с легкой душой выполнял даже самые непосильные работы на карьере, настойчиво дробя огромные камни-валуны киркой и молотком. Из этих камней заключенные соорудят высокую стену вокруг лагеря, закрыв навсегда от себя степные дали и сопки. Эта каменная стена до сих пор стоит в Спасске. Надо бы на ней высечь имена тех, кто мучился в этом лагере.

Только в марте 1954 года Якубовича перевели в Тихоновский инвалидный дом, где держали несколько лет на положении политического ссыльного. В 1961 году он направил XXII съезду партии заявление о пересмотре процесса Союзного бюро меньшевиков. «Никакого Союзного бюро меньшевиков никогда не существовало, – писал Михаил Петрович. – В органах ОГПУ была сфабрикована эта «вредительская организация». Из всех осужденных, так называемых меньшевиков выжил только я один, чтобы рассказать Вам всю горькую правду о былом».

Якубовича поддержала знаменитая большевичка, Герой Социалистического Труда Елена Дмитриевна Стасова, которая прославилась как агент «Искры», участница Октябрьской революции. Она обратилась с аналогичным письмом к Никите Сергеевичу Хрущеву. И дело меньшевиков пересмотрели в их пользу.

А Якубович? Он оставался в инвалидном доме в Тихоновке, оправданный, реабилитированный. А куда ему было подаваться? Ни кола, ни двора, ни семьи, ни детей.

Его детьми стали книги. Он написал их в Тихоновке с десятков. Три работы из этой серии о Сталине, Каменеве, Троцком дошли до нас, ибо были показаны Рою Медведеву, он помог Якубовичу в их редактировании и даже печатании на машинке. А вот остальные рукописи его были арестованы вместе с письмами 24 апреля 1968 года. К рецензированию книг Якубовича были привлечены «эксперты» - карагандинские профессора кафедр общественных наук политехнического института Горохов и медицинского Мустафин. Они написали заключения в духе худших образцов сталинской эпохи, обвинив Якубовича в контрреволюции, клевете на марксизм-ленинизм, на великого Сталина (писать такое в 1968!). Рукописи Михаила Петровича были сожжены (чем ни фашизм!). Его опять хотели отправить в тюрьму, но помешал звонок из Москвы: «Освободить!» Как вы догадались, это Мико-ян вызволил из цепей КГБ бывшего товарища по революционным делам.

Более четверти века отсидел в сталинских лагерях Якубович. Он называл себя странником, потому что его перебрасывали из лагеря в лагерь, он исколесил Евразию за это время вдоль и поперек. Арестантов в отличие от туристов возили только на товарных поездах, а спать укладывали на соломенных матрацах. От этого грубела их кожа, руки и ноги, грубела душа. Они забывали, что такое нормальный русский язык, и пересыпали свою речь матерщиной. Якубович такого не позволял себе. «Тучки небесные, вечные странники,» - шептал он, глядя из вагонных окон с решетками на далекие небосклоны.

И в Тихоновском Доме инвалидов Михаил Петрович был идеалом для калек. В этой обители он прожил 26 лет, весь погруженный в литературное творчество. Выезжал иногда в Москву, чтобы устроить рукописи в издательствах для публикации, но ему всякий раз вежливо отказывали, указывая на различные недостатки языка и стиля. В глазах редакторов он оставался опасным политическим преступником из-под Караганды, но не скажешь ведь ему прямо об этом...

В последние годы жизни Якубович решил восстановить свою родословную. И в новой книге он самое большое место уделил своему легендарному прадеду. Как мы знаем, прадедом нашего

карагандинского узника был декабрист, дворянин, капитан Нижегородского драгунского полка Александр Иванович Якубович (1792 – 1845). Он дружил с декабристом В.К.Кюхельбекером. Когда А.И.Якубович скончался, Кюхельбекер посвятил ему прекрасные стихи: «Все, все валятся сверстники мои, как с дерева валится лист осенний ...» Он находит для него очень теплые, сердечные слова, хотя особой большой симпатии к нему не питал. Кюхельбекер говорит о Якубовиче: « Он был из первых в стае той орлиной, которой ведь и я принадлежал ...» « Ты отстрадался, труженик, герой, ты вышел наконец на тихий берег, где нет упретков, где тебе покой!».

Единственное, чего никак не мог простить Якубовичу Кюхельбекер – это дуэль с Грибоедовым осенью 1818 года в Тифлисе. Во время этой дуэли Якубович сознательно прострелил руку Грибоедова (тот был талантливейшим пианистом).

Да, жесток был прадед Михаила Петровича, декабрист А.И.Якубович. И, слава Богу, что большую часть своей жестокости он направлял против царя, тоталитаризма. В новой книге Якубович доказывал, что и Сталин стал царем – самодержцем, предупреждал, чтобы ни царизм, ни его новая форма – сталинизм не возрождались в России. Именно их он считал губителями родословной Якубовичей.

Нынче в Тихоновском Доме инвалидов никто не помнит М.П. Якубовича, даже библиотекари. Инспектор отдела кадров этого учреждения Анна Филипповна Побоккина показала мне так называемую «Черную книгу» - книгу учета усопших. Из нее я узнал, что Михаил Петрович Якубович, правнук прославленного декабриста, скончался 15 октября 1980 года... Сразу вслед за ним ушли на тот свет и его друзья-ровесники – бывшие узники Карлага, прибывшие сюда из заключения, - Алексей Семенович Багрянцев, Эрнст Евгеньевич Земмиринг и другие. Все они были похоронены на Тихоновском кладбище, в Пришахтинске.

... Я побывал на могиле «вечного странника» Якубовича. Она давно уже заброшена, но на ней еще видны высеченные на камне слова: «Михаил Петрович Якубович. 1891-1980. Небрежен вечный ветер книги жизни. Мог и не той страницей повернуть...» На могиле лежала свежая красная роза. Кто ее сюда принес, неизвестно. Но видеть её было радостно до слез. Есть еще души, которые помнят Якубовича, чтят его невестребованный талант.

Глава двадцать девятая
«Гвозди бы делать из этих людей...»

О роли репрессированных в развитии угольного бассейна, строительстве Караганды недавно шла речь на творческой встрече сотрудников музея памяти жертв политических репрессий поселка Долинка с коллективом ТОО «Карагандагипрошахт и К». Её открыла директор музея Светлана Климентьевна Байнова.

В своем выступлении она отметила, что коллектив ТОО «Карагандагипрошахт и К» внес большой вклад в строительство и развитие угольной Кочегарки, всего Казахстана. По проектам этого института построено свыше 90 угольных шахт, 10 угольных разрезов, 20 крупных промышленных предприятий, 39 совхозов и МТС в Карагандинской, Павлодарской и Акмолинской областях, созданы генеральные планы развития 10 городов, в том числе Караганды, Экибастуза, Сарани, многих поселков. В институте работало немало первоклассных инженеров и ученых, людей высокой культуры и нравственности – бывших узников Карлага, ссыльных.

Начальник технического управления ТОО «Карагандагипрошахт и К», кандидат технических наук А.А. Ганжула подтвердил, что бывшие узники Карлага, ссыльные составляли лучшую, прогрессивную, творческую часть многочисленного института. Так, в активных рядах его сотрудников находился знаменитый заключенный Карлага – выдающийся ученый XX века, почетный член многих иностранных академий, профессор Александр Леонидович Чижевский. В институте он занимался проблемами аэроионизации воздуха, космической биологией. Так называемые лампы Чижевского были установлены в нарядных шахты № 38 и систематическое вдыхание аэроионов дало положительные результаты: у шахтеров улучшилась картина крови, снизилось количество дней нетрудоспособности.

В институте «Карагандагипрошахт» работал консультантом ленинградский профессор К.И. Страхович. Он участвовал в создании жидкостного реактивного двигателя для ракет вместе с академиком, трижды Героем Социалистического Труда В.Л. Глушко. Константин Иванович разработал научные основы создания и турбореактивного авиационного двигателя. В 1953 году его как свидетеля бесчинств Берии и сталинистов доставили в Ленинград, где он показал, что был незаконно арестован и осужден в

числе десяти ленинградских ученых. Из десяти ученых в живых остался только он один, остальные были замучены в лагерях.

Долгое время трудился главным конструктором проектного института узник Карлага Павел Иванович Жуков, друг писателя А.И. Солженицына. Они познакомились в одной шарашке в Москве. Когда Александра Исаевича выдворили из СССР после отсидки в лагерях, Павел Иванович Жуков написал ему в Америку в Вермонт ободряющее письмо вопреки всем установкам партии и правительства, осуждающим тогда писателя за правдивые книги о жизни эков.

Солженицын ответил ему теплыми словами, а затем стал высылать Жукову из своего фонда материальную помощь.

Павел Иванович Жуков прожил в нашей Караганде 60 лет. Он разработал немало проектов угольных шахт, разрезов, предприятий. Он стал автором 21 изобретения, и они все были внедрены в производство.

Не менее интересной была жизнь выдающегося ученого по теплотехнике Владимира Леонидовича Пржецлавского. Он был освобожден из Карлага по просьбе генерального конструктора космических кораблей Сергея Павловича Королева, работал вместе с ним над созданием новых ракет. В институте «Караганда-гипрошахт» Владимир Леонидович работал главным инженером проектов. О дружбе с ним тепло рассказал П.И. Жуков в своих публикациях в журнале «Наука и жизнь».

Большой вклад в развитие института внесли бывшие заключенные Павел Захарович Боровский, Георгий Николаевич Вертоградский, Алексей Глебович Глебов и другие. Так, П.З. Боровский очень многое сделал для освоения и развития Экибастузского бассейна, будучи главным инженером проектов для иртышских угольных разрезов. В 1942 году за фронтовые заслуги он как стрелок-радист авиаполка был награжден орденом Красной Звезды. А в 1944 году его самолет был сбит, члены экипажа выбросились на парашютах. В смертельном бою с врагами стрелок Боровский был ранен, потерял сознание и попал в плен к фашистам. Когда пришла Победа, Боровского направили в Карлаг. Он работал навалотбойщиком на шахте № 18 треста «Сталинуголь», учился в горном техникуме, затем окончил высшие инженерные курсы в Свердловске.

А вот еще одна судьба. Алексей Глебов учился в Ленинградском военно-механическом институте, работал на металлическом

заводе. Но в сентябре 1942 года был арестован, и осужден за антисоветские настроения сроком на десять лет. После Карлага подался в город молодых патриотов – строителей и металлургов Темиртау, работал слесарем в Сибспецстрое, главным механиком управления «Востокметаллургмонтаж», инженером на строительстве КарГРЭС-1, технологом на литейно-механическом заводе. С 1959 года трудился в институте «Карагандагипрошахт», возглавлял конструкторскую группу по разработке проектов агрегатов для шахт нового типа.

О таких людях можно смело сказать словами поэта: «Гвозди бы делать из этих людей, не было б крепче в мире гвоздей». Многие из них заслуживают звания почетный гражданин Караганды, ибо они делали шахтерские города благоустроенными и красивыми.

Писатель-краевед, кандидат технических наук Владимир Яковлевич Новиков подтвердил эту мысль. Институт «Карагандагипрошахт», где долгое время проработал Владимир Яковлевич, занимался не только проектированием угольных производств, но и социальных объектов. Начиная с 1947 года, он настойчиво ведет проектирование жилищного, культурно-бытового строительства городов и поселков бассейна. По его проектам был построен ряд монументальных сооружений в Караганде: Дворец культуры горняков, здания угольного департамента АО «Арселор Миттал Темиртау», института «Карагандагипрошахт», главпочтамта, областного народного суда, музыкальной школы. Эти здания и поныне украшают город, радуя нас своей архитектурной красотой.

Потому и поныне не меркнет слава института, которому в 2011 году исполнилось 70 лет.

В.Я. Новиков назвал имена многих первостроителей угольных бассейнов, в том числе присутствовавшего на встрече главного инженера проектов института В.В. Мудрого. По его разработкам был построен, к примеру, крупнейший в СССР разрез «Восточный» в Экибастузе мощностью 30 миллионов тонн угля в год.

Немал вклад в развитие угольной промышленности заключенных Карлага. Так, в июле 1946 года на шахтах Караганды и Сарани трудилось 5500 заключенных. Лагерь предоставлял постоянно рабочую силу тресту «Молотовуголь» комбината «Карагандауголь». Только на добыче угля в этом тресте на шахтах № 17-бис и № 19-бис трудилось около 1500 эзков. Они добыва-

ли ежегодно 50 тысяч тонн угля. В Сарани заключенные Карлага строили кирпичные, известковые и цементные заводы, работали на горной проходке на шахте № 106.

Надо сказать, в последнее время коллектив сотрудников музея жертв политических репрессий поселка Долинка заметно усилил научную и воспитательную работу к 80-летию Караганды. Его силами были созданы и выпущены в свет монография о роли репрессированных в развитии Карагандинского угольного бассейна, сувенирный буклет – фотоальбом об экспозициях в залах музея. Здесь провели ряд интересных полезных встреч со знаменитыми людьми и легендарными коллективами Караганды.

Встреча с коллективом ТОО «Карагандагипрошахт и К» завершилась экскурсией по залам музея. Почетным гостям были вручены новые книги и буклеты – фотоальбомы об узниках Карлага и музее памяти жертв политических репрессий в поселке Долинка.

Надо добавить, что сотрудники музея ведут активный поиск бывших узников Карлага, спецпереселенцев, трудармейцев – живых свидетелей страшного прошлого страны, изуверств и убийств, совершенных сталинистами, проводят творческие встречи с ветеранами, записывая их бесценные рассказы.

Мне довелось познакомиться на таких мероприятиях со спецпереселенцем, кавалером трех почетных Знаков «Шахтерская слава» Имраном Газимиевым и шахтером, орденоносцем Александром Иосифовичем Криворучко. Оба они – герои книги научных работников музея М.И. Ислямова и М.Г. Козминой о роли репрессированных в развитии угольного бассейна.

Имран Газимиев – личность неординарная. Он оказался в числе переселенцев из Чечни, когда ему было всего девять лет. Подрос – решил выучиться на шахтера, поступил в школу ФЗО в Сарани. Потом – тяжелый труд навалотбойщика на шахте № 105. В 1970 году переехал в поселок Новодолинский, вроде бы временно, а остался на всю жизнь. Повезло ему на супругу белоруску Юлию, родила ему двух сыновей, дочь. Как-то предложили ему перейти на работу в Геологоразведку буровым мастером, он согласился. И не пожалел. Отличным был мастером – при плане 200-250 метров бурил 800-1000 метров. Однажды даже всесоюзный рекорд установил – две тысячи метров. О нем журнал «Советский шахтер» хвалебно писал, областная газета. Из рук самого Министра Имран получил в награду «Волгу» – тогда желанный, дефицитный автомобиль.

Недавно Газимиеву пришла весть из Чечни, что после кончины брата он стал единственным наследником огромного дома с садом. Можно возвращаться в родные Пенаты! Однако Имран решил не расставаться с родным Казахстаном, а свой дом в Чечне подарить многодетной семье, которая пуждалась бы в жилье. И вот префект чеченского села сообщил, что сам Кадыров поблагодарил нашего Имрана за благородный поступок.

Интересна судьба А.И. Криворучко – шахтера из семьи спецпереселенцев, кавалера ордена Трудового Красного Знамени, почетных Знаков «Шахтерская Слава» трех степеней, золотой медали ВДНХ.

Он помнит многих узников Карлага, ссыльных Караганды, в том числе известного ученого горного дела (Ленинград) Бориса Вячеславовича Бокия, который был первым главным инженером проектной конторы «Карагандашахтопроект». Когда Криворучко работал начальником управления треста «Сараньшахтострой», то в его подчинении находилось немало бывших гулаговцев. Так, мастером тут работал участник Кенгирского восстания заключенных Клеоник Деомидович Скорников, заведующим складом в Долинской шахте Константин Ефимович Лухарин, который отбывал срок в Ухтинском лагере, где и познакомился с будущим маршалом СССР Константином Рокоссовским.

А.И. Криворучко подарил музею ряд ценных материалов, в том числе фотоснимки из семейного альбома, на которых он запечатлен в робе, с шахтерской каской, когда трудился проходчиком на второй шахте, затем бригадиром горнопроходческой бригады ШСУ № 4 треста «Долинкшахтострой».

Большой трудовой путь прошел А.И. Криворучко от рядового проходчика до начальника управления. Он очень благодарен Аркадию Матвеевичу Фридлянду, бывшему управляющему трестом «Долинкшахтострой», его душевному наставнику за то, что посоветовал учиться в горно-строительном техникуме в Шахтинске, приучил к серьезным книгам по специальности. А иначе, считает Криворучко, никогда не стал бы горным мастером, почетным работником угольной промышленности СССР и РК.

- Голова руководителя свет знаний любит, - говорит Криворучко.- Тогда и опыт приходит быстрее, и намеченные рубежи быстрее покоряются, и подчиненные идут за тобой....

Слушаю бывалого шахтера-строителя и думаю о том, что настоящие это были люди. Они прошли огромные трудности, лише-

ния, но остались верными памяти своих отцов и матерей, смело подхватили из их рук Знамя Труда и пронесли его с достоинством и честью. Их мечтой было строительство общества Всеобщего вольного Труда, трудолюбия. И они не жалели сил, чтобы воплотить эту мечту в реальность...

Глава тридцатая *Незнакомая Анна Герман*

Кто не помнит знаменитую певицу Анну Герман? Ее тихий, печальный голос, проникающий в самые глубины души? «Надежда – наш компас земной, а удача – награда за смелость»... С этими песенными словами Анна Герман вошла в каждую семью, в жизнь каждого, кто любит музыку.

Она прожила короткую, но яркую жизнь. Ей было всего срок шесть лет, когда перестало биться ее нежное и пылкое сердце. Она прожила бы больше, непременно больше, если бы не попала в страшную автокатастрофу в Италии 27 августа 1967 года. Тогда ей было всего тридцать один. Но после тяжелой, невероятно сложной операции она находит в себе силу воли вновь подняться на эстраду и петь для людей. У нее был чарующий, нежный, притягательный голос... Наверное, это до сих пор остается загадкой – этот голос, эта душевно-лирическая манера исполнения песен, пронизывающая слушателя до самого сердца.

Она пропела после автокатастрофы 15 лет! Ее охватывали сильнейшие боли, она почти не могла из-за этого ходить, но она опять и опять поднималась на эстраду, возрождаясь, как птица Феникс. И, конечно, победно парил над нами ее голос, вызывая к гуманизму, честности, любви...

О, ангел любви и милосердия! Где ты? Таких певиц, наверное, уже никогда не будет. Ведь потеряно самое главное – уважение людей друг к другу, душевное спокойствие, святая вера в божественное начало и предначертание высоких идеалов. Молодые певцы не успевают осмыслить, что они поют, как поют, для кого поют, наконец, во имя чего поют!

Она знала, во имя чего петь. Ее «Ave Maria» - это гимн – молитва всему самому святому, самому возвышенному на земле: любви к матери, отцу, рекам и озерам, небу и звездам, всему богообразному и богоподобному.

Ее слава расцвела в семидесятые годы. Советские люди считали ее своей, ее признавали и русские, и казахи, и узбеки, и эстонцы... Многие думали, что она живет в СССР, а не в Польше.

Это было время, когда оживали подмостки советской эстрады, когда во всю раскрывались таланты Яна Френкеля, Майи Кристалинской, Валентины Толкуновой, Льва Лещенко, Елены Образцовой, Иосифа Кобзона, Сергея Захарова. Помню, на пла-

стинке всесоюзной фирмы «Мелодия» были записаны исполненные ими любимые новогодние песни, а также песня «А он мне нравится» в исполнении Анны Герман. Ее популярность была так велика, что за дисками с голосом певицы становились в очередь задолго до открытия магазинов. Песню «Надежда – наш компас земной» пела вся страна. А впервые ее представила слушателям Аня Герман.

Высокая, красивая, с голубыми приветливыми глазами – она смотрела на нас с обложек почти всех журналов СССР. Но, глядя на нее, я почему-то не думал, что она счастлива. В глубинах ее глаз таились боль, грустная тайна детства. А все дело в том, что она тоже, как тысячи детей сталинского времени, была «ребенком НКВД». Ее отца Ойгена (Евгения) Фридриховича Германа, музыканта, хормейстера, арестовали якобы за антисоветскую деятельность 26 сентября 1937 года, а через двенадцать месяцев расстреляли.

Тогда семья Герман жила в Ургенче в Узбекистане. Когда Ойгена арестовали, Анне было всего немногим более одного года (она родилась 14 февраля 1936). Ее отец работал тогда бухгалтером на местном хлебозаводе, он был далек от политики. Но его все равно сделали врагом народа. Только потому, что он был немцем. И мать Анны, учительница, меннонитка Ирма Бернер всячески скрывала от окружающих и даже от дочери сей скорбный факт. За родного отца Анны она выдавала ее отчима, нового своего мужа Германа Мартенса.

В 1946 году вновь созданная семья перебралась в Польшу во Вроцлав. В этом польском городке Анна оканчивает среднюю школу, университет (геологический факультет), становится певицей, не имея специального музыкального образования. Как говорится, она поет на слух, а не по нотам. Вскоре Анна Герман выходит замуж за поляка Збигнева Тухальски, у нее появляется сын Збышек.

Имидж польской актрисы настолько привязался к Анне Герман, что она долго не верила сама в свое немецкое происхождение. И только когда на «горизонте» появился ее родной дядя Артур Герман, показал ей семейное фото, в том числе снимок ее родного отца, она «оттаяла». Их встреча произошла впервые в Целинограде в гостинице в 1975 году после концерта певицы.

- Вы сняли с моей души большое напряжение, - сказала Анна Герман своему дяде. - Я всю жизнь догадывалась, что Герман

Мартенс – это не мой родной отец. Я чувствовала, что меня обманывают, что-то скрывают от меня. Люди не понимают, что лучше горькая правда, чем сладкая ложь. И, скрывая истину, калечат детские души. И, становясь взрослым, человек остается с печалью на всю жизнь. Безотцовщина – самое страшное зло на земле.

Сам Артур Фридрихович Герман тоже пострадал в годы сталинизма. И натерпелся горя из-за своего брата Ойгена. Раз Евгений – враг народа, то и его брат – враг народа, – так рассуждали в НКВД. И Артур Герман был арестован, и попал в Карлаг на отсидку.

И, готовя эту статью, я, конечно, побывал в Карагандинском управлении Комитета по правовой статистике и специальному учету при Генеральной прокуратуре РК, попросил специалистов разыскать в спецархиве карточку политического заключенного Артура Фридриховича Германа. И вот она передо мной. Оказывается, Артур Фридрихович дважды побывал в лагерях смерти Сталина. В первый раз он был арестован как ЧСИР 26 мая 1939 года, осужден на три года. 26 мая 1942 года он покидает Карлаг, более года живет в Караганде. В сентябре 1943 года его опять подвергают аресту. Особое совещание при НКВД СССР за антисоветские высказывания дает ему новый срок – опять три года с отбыванием в ИТР. Вначале он попадает в лагерный пункт Карабас, затем в Просторное, наконец, в Долинское комендантское отделение.

О своей отсидке Артур Фридрихович вспомнит в 1988 году в газете «Индустриальная Караганда» в статье «Бытие определяет сознание?», опубликованной под рубрикой «Мемориал памяти». В ней он напомнит о высокой миссии интеллигенции – бороться со сталинщиной во всех ее проявлениях, бороться с беззаконием. Представители искусства, культуры даже в условиях концлагерей не молчали, как могли, несли слово правды людям. А Герман отбывал свой последний срок большей частью в Долинке, здесь в зоне работал большой русский хор под руководством И.И. Попова, драмтеатр Е.П. Мезенцевой, театр оперетты режиссера М.О. Лера. «Лагерные «боссы», как римские рабовладельцы, жаждали зрелищ», – писал А.Герман. Но всегда ли они их получали в таком виде как хотели? Драмтеатр поставил спектакль по пьесе Н. Островского «Бесприданница». Начальник лагеря кричал: «На что намекаете, сволочи?». И спектакль запретили.

Сам Артур Герман в Долинке был использован как разнорабочий на кухне. И это, он считает, ему крупно повезло. Но что

больше всего запомнилось? «Я помню жалкие, заискивающие улыбки заключенных, подходивших с котелками к раздаточному окну». И вот - откровенный вопль души: «Не все заключенные играли в оркестрах, не все работали на кухне. Была шахта Дубовка, откуда редко кто возвращался, да и в самой Долинке были строительные и другие производственные участки, где люди и голодали, и умирали».

Артур Герман освобожден в 1946 году, долгое время трудился в горкомхозе на рядовых работах. Заочно учился в Карагандинском учительском институте, получил высшее образование. Преподавал немецкий язык в Карагандинском индустриально – педагогическом техникуме. Начал писать в газеты (хорошо помню его публикации о немецком художнике, ссыльном Генрихе Фогелере и других художниках). Когда открылась немецкая республиканская газета «Фройндшафт», он стал работать в ней

В те годы Артур Герман сошелся с карагандинским журналистом Робертом Келлером. Их дружба длилась до самого отъезда Артура Фридриховича в Германию в 1995 году.

- Он все порывался написать о судьбах Анны Герман, ее отца, ее родственников, - рассказывал мне Роберт. - Он называл «чудом господним» встречу с племянницей, переписку с ней, восхищался ее неповторимым талантом, ее мужеством. Ведь, будучи тяжело больной, она продолжала петь.

То, что Артур Фридрихович задумывал в Караганде, он осуществил только в Германии. В Берлине вышла его книга «Незнакомая Анна Герман». В ней знакомый нам журналист открывает секреты популярности артистки – безусловно, это ее своеобразный тембр, редкой красоты голос, стремление к художественной правде, искренность. Она пела с душой и только те песни, которые ей нравились. Она никогда не пела по заказу.

Глава тридцать первая *Сердце, полное любви*

В свое время в газете «Вести Сарыарки» я опубликовал очерк о детях, родившихся в годы политических репрессий в Карлаге. В нем упоминал Асву Валентину Ивановну, которая родила в 1939 году в январе сына Станислава. Их дальнейшая судьба была неизвестна. Я так и написал. И вот неожиданно для меня недавно мне пришло письмо из Харькова от Асва Станислава Георгиевича. Оказывается, жив, здоров!

Сегодня Станиславу Георгиевичу уже 75 лет, он давно на пенсии. Но отлично помнит поселок Долинское, огромные по колесу сугробы на улицах, черные, приятно пахнущие кусочки хлеба, которые приносила мать из столовой, где работала зимой посудомойщицей. Летом она трудилась на полях хозяйства, где выращивала картофель, огурцы и помидоры на поливе. До ареста Валентина Ивановна жила в Сормово, работала лаборанткой в Заготзерно. Как написал Станислав Георгиевич, обвинили ее и несколько человек сразу во вредительстве – за то, что принимали некондиционное зерно. А отцу Станислава – строителю Георгию Александровичу Фельдману предъявили обвинение в том, что вел в городе Александрове среди рабочих антисоветскую агитацию, «высказывал пораженчество СССР в войне с фашистскими государствами, клеветал на советскую культуру».

Валентина Ивановна Асва была осуждена на три года лишения свободы, Г.А. Фельдман – на семь лет.

Встретились они на полях Карлага. В то время В.И. Асва работала в полсводческой бригаде, а Фельдман на ремонте бараков для заключенных. И, как говорится, сердцу не прикажешь – влюбилась Валентина в Георгия – все дальше в степь уходила молодая пара к стогам пшеницы, подальше от глаз людских...

Станислав родился, как я уже писал, в январе 1939 года, под завывание белой метели. Поскольку брак не был зарегистрирован, записали новорожденного на фамилию матери.

Сколько таких любовных историй было в Карлаге! Роддом для заключенных не простаивал. Вместе со Станиславом родились там Саша Яхович, Лариса Алексеева, Иван Авдеев... Их отцы неизвестны, все они записаны на материнские фамилии... Как-то работники спецархива Карлага во главе с полковником Виктором

Горецким взялись составить список детей, родившихся в Карлаге, их оказалось более 1500! И это только те, кто выжил, поднялся на ноги. А сколько их умерло от болезней. Побывайте в Долинке на «Мамочкином кладбище» - уйма детских могил, крестов! А вот вам еще печальная статистика: в домах младенцев, детских домах Карлага в 1941-1944 годах скончалось 924 ребенка, в 1950-1952 годах – 1130. А в 1939 году, когда родился Станислав, умерло 114 малышей.

Почему? Потому что их содержали в ужасных условиях. «Дети НКВД», как их называли, делали первые шаги на цементном ледяном полу, на сквозняках, полуголодные, простуженные. Многие надзиратели Карлага грубо обращались с детьми. В своей книге «Архипелаг Гулаг» А.И. Солженицын уверял: «Малолеток бьют сапогами, держат в страхе, чтобы были молчаливыми и послушными. Часть пайка малолеток уходит с кухни в утробы воспитателей...»

Вот в таких условиях рос и наш Станислав Георгиевич. Он мне написал: «Моя мать была уверена, что я не выживу, так как от голода и холода много плакал, орал, в результате заработал паховую грыжу, которую мне вырезали».

Слава Богу, вскоре мать Станислава освободили. «В трудовой книжке моей матери первая запись после освобождения – ноябрь 1940 года... Чтобы устроиться на работу на фабрику «Гознак», моя мать вывела хлоркой в паспорте штамп о судимости. Предприятие режимное (там печатались ценные бумаги, деньги и т.п.) и чекисты обнаружили подделку, мать уволили с работы по статье 37 в (по недоверию). Странно, что еще не посадили».

И начались скитания по СССР в поисках лучшей доли. В конце концов они «осели» на Украине, в Харькове. Станислав продолжает рассказывать в письме: «В 1993 году моя мама умерла, я очень жалею, что мы с ней мало говорили о лагерной жизни, многое для меня осталось как бы в тумане».

И далее: «Судьба моих родителей кардинально отразилась и на моей жизни. Было все – голод, холод, жизнь в лесной глухомани, отсутствие своего жилья. Я окончил в Харькове строительный техникум, стал строителем, хотя по характеру и интересам я гуманитарий, мечтал быть учителем иностранного языка... И эту мечту осуществила моя старшая дочь».

Мать говорила Станиславу: «Ты будешь, наверное, как отец, тоже строителем и немного мечтателем». Почему мечтателем?

Потому что Георгий Фельдман мечтал стать писателем. И создавать книги, полные любви и правды. На его взгляд, советские прозаики были далеки от истины, они подгоняли жизнь под марксистские и сталинские схемы построения общества. Но человек – не бревно, из которого можно выстругать Буратино. В этом плане, пожалуй, самый правдивый писатель – Антон Павлович Чехов. А советская литература да и культура насквозь пропитаны примитивной политикой Сталина.

Она Георгия останавливала, касаясь пальцами его губ:

- Милый, о политике не надо. Ты ведь за нее уже пострадал.

- Да, это так, - кивал головой Георгий. – Сегодня лучше быть строителем, чем писателем. Во всяком случае, не упекут в Карлаг.

Где он теперь, Георгий? Жив ли? Тоска охватывала мать все больше, она буквально таяла на глазах. Но любовь к сыну – выше всего. И она бодрилась до последнего часа жизни, пока не обустроила Станислава, не нашла ему невесту, не подняла на руки внучку...

У нее было сердце, полное любви к сыну.

Вот такая новая история из серии «Карлаг и люди» постучалась в мой дом в виде письма от Станислава Георгиевича Аева. Дай Бог ему долгой жизни и счастливых безоблачных дней хотя бы на старости лет.

Слово об авторе

Известный казахстанский писатель и журналист Валерий Михайлович Могильницкий родился и вырос в селе Каскелен Алма-тинской области в бескрайней стране под названием СССР, но его судьбой стала Сарыарка, а точнее Карагандинская область. Здесь он вот уже более тридцати лет живет и успешно трудится. Сюда он приехал в 1980 году, уже будучи опытным журналистом. После окончания Львовского государственного университета в 1962 году он начал журналистскую деятельность в редакции областной газеты «Львовская правда». Здесь он познал ментальность западной культуры. Затем ветер странствий занес молодого журналиста на самый край земли, во Владивосток, где он восемь лет трудился в приморской краевой газете «Красное знамя». Последующие десять лет он работал в областной газете «Молот» южного города России – Ростова-на-Дону. Но где бы он ни работал, его душа неизменно тянулась в родные места, где он родился, где прошло его детство. И он вернулся в Казахстан, около 20 лет проработав собственным корреспондентом республиканской газеты «Казахстанская правда» по Джезказганской и Карагандинской областям.

Журналист Валерий Могильницкий в самом центре Евразийского континента обнаружил удивительную и самобытную страну степей и гор – Сарыарку, уникальную по богатству природных ресурсов. Золотая степь – многие века по праву называет ее казахский народ. А поэт Могильницкий всем своим большим сердцем полюбил этот край, его природу и его сильных, волевых людей. Многочисленные поездки по Сарыарке, встречи с людьми дали ему богатейший материал для осмысления и написания художественно-документальной книги «В самом центре Евразии». Так называется одна из его книг. Даже названия очерков и статей в этой книге говорят об отношении автора к краю, который стал его судьбой. «Лучшая в мире степь», «На холмистых просторах Сарыарки», «Родника живой глоток», «И дерево, посаженное у дороги». Из встреч со старожилами, подвижниками этой древней земли, историками и учеными родились книги «Сарыарка», «Созвездие талантов», «Город в степи», «Медь Жезказгана», «Просторы Сарыарки». Каждая из книг – это не только встречи с учеными, шахтерами, металлургами, работниками села, но и экскурсе в прошлое, скрупулезное знакомство с новой истори-

Потому что Георгий Фельдман мечтал стать писателем. И создавать книги, полные любви и правды. На его взгляд, советские прозаики были далеки от истины, они подгоняли жизнь под марксистские и сталинские схемы построения общества. Но человек – не бревно, из которого можно выстругать Буратино. В этом плане, пожалуй, самый правдивый писатель – Антон Павлович Чехов. А советская литература да и культура насквозь пропитаны примитивной политикой Сталина.

Она Георгия останавливала, касаясь пальцами его губ:

- Милый, о политике не надо. Ты ведь за нее уже пострадал.

- Да, это так, - кивал головой Георгий. – Сегодня лучше быть строителем, чем писателем. Во всяком случае, не упекут в Карлаг.

Где он теперь, Георгий? Жив ли? Тоска охватывала мать все больше, она буквально таяла на глазах. Но любовь к сыну – превыше всего. И она бодрилась до последнего часа жизни, пока не обустроила Станислава, не нашла ему невесту, не подняла на руки внучку...

У нее было сердце, полное любви к сыну.

Вот такая новая история из серии «Карлаг и люди» постучалась в мой дом в виде письма от Станислава Георгиевича Аева. Дай Бог ему долгой жизни и счастливых безоблачных дней хотя бы на старости лет.

Слово об авторе

Известный казахстанский писатель и журналист Валерий Михайлович Могильницкий родился и вырос в селе Каскелен Алматинской области в бескрайней стране под названием СССР, но его судьбой стала Сарыарка, а точнее Карагандинская область. Здесь он вот уже более тридцати лет живет и успешно трудится. Сюда он приехал в 1980 году, уже будучи опытным журналистом. После окончания Львовского государственного университета в 1962 году он начал журналистскую деятельность в редакции областной газеты «Львовская правда». Здесь он познал ментальность западной культуры. Затем ветер странствий занес молодого журналиста на самый край земли, во Владивосток, где он восемь лет трудился в приморской краевой газете «Красное знамя». Последующие десять лет он работал в областной газете «Молот» южного города России – Ростова-на-Дону. Но где бы он ни работал, его душа неизменно тянулась в родные места, где он родился, где прошло его детство. И он вернулся в Казахстан, около 20 лет проработал собственным корреспондентом республиканской газеты «Казахстанская правда» по Джезказганской и Карагандинской областям.

Журналист Валерий Могильницкий в самом центре Евразийского континента обнаружил удивительную и самобытную страну степей и гор – Сарыарку, уникальную по богатству природных ресурсов. Золотая степь – многие века по праву называет ее казахский народ. А поэт Могильницкий всем своим большим сердцем полюбил этот край, его природу и его сильных, волшебных людей. Многочисленные поездки по Сарыарке, встречи с людьми дали ему богатейший материал для осмысления и написания художественно-документальной книги «В самом центре Евразии». Так называется одна из его книг. Даже названия очерков и статей в этой книге говорят об отношении автора к краю, который стал его судьбой. «Лучшая в мире степь», «На холмистых просторах Сарыарки», «Родника живой поток», «И дерево, посаженное у дороги». Из встреч со старожилами, подвижниками этой древней земли, историками и учеными родились книги «Сарыарка», «Созвездие талантов», «Город в степи», «Медь Жезказгана», «Просторы Сарыарки». Каждая из книг – это не только встречи с учеными, шахтерами, металлургами, работниками села, но и экскурс в прошлое, скрупулезное знакомство с новой истори-

ей края, открытием богатейших месторождений, строительством на их базе мощных современных предприятий, индустриальных комплексов. Автор щедро делится своими интересными наблюдениями, мыслями о природе, ее тайнах, о богатой фауне и флоре необъятной Сарыарке. Даже опытные знатоки родного края смогут узнать из этих книг немало нового. Читатели вместе с автором посещают удивительные по красоте уголки природы республики. В книгах «На земле Сатпаева» и «Медь Жезказгана» автор рассказал читателю о трудной истории открытия богатейших месторождений меди и полиметаллов, первооткрывателях, геологах и горняках, покорителях могучего огня – металлургах.

Журналист и писатель Валерий Могильницкий открыл читателям еще одну страну, которая называется Карлаг. Это огромная страна, границы которой были опоясаны колючей проволокой с наблюдательными вышками. Территория лагеря протянулась с севера на юг на 260 км, а с запада на восток – более 100 км. А отдельные островки этой страны, которые назывались лагпунктами, были расположены далеко, за сотни километров от названных границ. И по площади Карлаг не уступал иным европейским государствам. Его население состояло в основной массе из рабов и надзирателей. Заключение трудилось на тяжелейших работах в шахтах и рудниках, строили первоклассные ирригационные сооружения, поднимали целину в засушливой полупустыне, жили и питались в каторжных условиях. Здесь процветал рабский бесплатный труд. В качестве рабочей силы использовались талантливые ученые, поэты и писатели, артисты и художники, математики и физики, инженеры и врачи. И все – высочайшие профессионалы, цвет науки и искусства, отраслей народного хозяйства. Вспомним узника сталинских лагерей, великого русского писателя двадцатого века Александра Солженицына, который на Экибастузских стройках прошел жестокие круги Гулага. Это и создатель новой науки, гелиобиологии, учения об аэроионизации воздуха, поэт и художник, номинант Нобелевской премии Александр Леонидович Чижевский. Это и выдающийся русский историк-евразиец, географ и этнолог Лев Николаевич Гумилев, именем которого был назван Евразийский университет в Астане. Это и основатель радиационной генетики Николай Владимирович Тимофеев-Рессовский, герой книги Даниила Гранина «Зубр». Это – Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии, основатель первого в мире детского театра, ко-

торый был назван ее именем, Наталья Сац, это – великий художник Генрих Фогелер, киноактриса Рахиль Мессерер-Плисецкая, сын Сергея Есенина – талантливый поэт и ученый Александр Есенин-Вольпин и множество других. А рабовладельцами были малограмотные солдафоны, которые посредством жестокой дисциплины, пыток и избиений выжимали из «врагов народа» все физические и душевные силы. Трогательна история, рассказанная В. М. Могильницким о выдающемся казахском писателе Саkene Сейфуллине в очерке «Его звезда не погаснет», о том, как мужественно он выносил пытки палачей. И, когда Валерий Михайлович приезжает в Жезказган, то приносит цветы к памятнику великому поэту и гражданину Казахстана.

А рабовладельцы Карлага жили вольготно, на широкую ногу, их многочисленные талантливые рабы могли выполнить любую их блажь, любую их прихоть. Они, в могучей Империи Гулага, устраивали барские соревнования, кто создаст лучшую труппу из репрессированных артистов, кто лучше исполнит романс, арию, опять же под контролем «опера». А что же рабы? Они были вынуждены петь песни, романсы и арии. Даже в рабских условиях они отдавали все свои таланты, чтобы добром изменить мир зла, в котором погряз мир. И даже в лагерных условиях они творили чудеса. Они посадили лесозащитные полосы, вырыли арыки, стали выращивать большие урожаи овощей, картофеля, вывели высокопродуктивные породы коров, элитных овец, были удостоены многих наград на Выставке достижений народного хозяйства СССР. Репрессированные врачи, хирурги из Карлага были лучшими в своих направлениях медицины и спасли многих людей. К ним приезжали отчаявшиеся люди из Караганды и районов области, и врачи Карлага их спасали.

К огромной теме восстановления светлых, можно сказать, святых имен великих людей, ставших жертвами тупых, подлых доносов, незаконных репрессий, - ученых, писателей, геологов, певцов, художников Валерий Могильницкий пришел еще в конце 80-х годов. Их было великое множество и каждый был уникальной Личностью, каждый был Мастером в своем деле, в своей науке, в своем искусстве, каждый мог стать героем не только статьи, очерка, но и повести или романа. История судеб узников Карлага стала главной темой творчества В.М. Могильницкого последних двух десятилетий. Этой теме посвящены его книги: «Созвездие талантов», «В долине слез», «Выстрел Алексан-

дра Фадеева», «Черные розы маршала», «Не склонив головы». А в прошедшем 2013 году Валерий Могильницкий издал большую книгу «Великие узники Карлага», в которой рассказал о судьбах свыше ста знаменитых заключенных Карлага. Валерий Михайлович недавно вновь посетил «Музей памяти жертв политических репрессий» в поселке Долинка. На встрече, посвященной 80-летию города Караганды, Валерий Михайлович рассказал о своем многолетнем труде по возвращению из небытия имен многих талантливых людей, ставших узниками Гулага. В беседе с директором музея Светланой Климентьевной Байновой Валерий Михайлович отметил большую работу, проделанную ею и ее коллегами по созданию уникального музея, запоминающихся экспозиций. Он пожелал, чтобы каждый житель Караганды, Темиртау, городов и поселков области, гости нашего края посетили этот замечательный музей. Он отметил, что имена многих заключенных, которые пока остаются неизвестными, необходимо восстановить. И хочется пожелать ему дальнейших успехов в этом крайне нужном для потомков деле.

Самые выдающиеся люди Сарыарки стали объектом пристального изучения писателя В.М. Могильницкого. Это – академик АН СССР, создатель Академии наук Казахстана и ее первый президент, ученый с мировым именем Каныш Имантаевич Сатпаев, академик АН КазССР, основатель Карагандинского Государственного университета и химико-металлургического института АН КазССР, доктор технических наук, профессор, поэт и прозаик Евней Арстанович Букетов, академик АН КазССР, создатель крупнейшего в Казахстане политехнического института (ныне Карагандинского Государственного технического университета), двух научно-исследовательских институтов (Карагандинского научно-исследовательского института (КНИУИ) и Института проблем комплексного освоения недр (ИПКОН АН КазССР), доктор технических наук, профессор Абылкас Сагинович Сагинов. Они стали героями книг писателя В.М. Могильницкого: «Созвездие талантов», (Караганда, изд. Полиграфия, 1993 г.), «Академик Абылкас Сагинов» (Караганда, изд. Глаسير, 2008 г.). Высоко отозвался о книге В.М. Могильницкого «Верность призванию» генеральный директор Ассамблеи деловых кругов СНГ, профессор, журналист А.И. Саввов. Героем этой книги стал генеральный директор ТОО «КарагандаГИИЗ и К*», крупный ученый, доктор технических наук, почетный строитель РК, лауреат

многих отечественных и международных наград Виктор Никитович Попов. Один из лучших очерков Валерия Могильницкого, на мой взгляд, посвящен многолетней дружбе Президента АН КазССР Капыша Имангаевича Сатпаева с известным русским геологом, первооткрывателем богатейшего Коунрадского месторождения меди, академиком АН КазССР М.П.Русаковым, который был незаслуженно осужден, стал узником Гулага. К.И. Сатпаев приложил немало стараний, чтобы не допустить этой трагедии, хотя и над ним тоже нависла тень НКВД.

Могильницкого всю жизнь привлекали творческие, активные люди. Таких людей репрессированный ученый-историк Лев Гумилев по-научному называл пассионариями. Эти люди своими идеями, энергией, волей, талантом, высочайшей работоспособностью увлекают других за собой, являются мощными духовными рычагами, которые меняют общество, окружающий мир. На глазах у журналиста и писателя В. М. Могильницкого молодой металлург-доменщик Нурсултан Назарбаев вырос до первого руководителя государства, первого Президента Республики Казахстан, одного из самых авторитетных политических деятелей современности. И этот феномен не мог не увлечь писателя-исследователя. И он одним из первых написал книгу о Нурсултане Абишевиче Назарбаеве, в которой показал нелегкий путь его становления как личности, государственного и общественно-го деятеля, попытался раскрыть черты его характера, позволившие ему стать лидером нации. Эта книга названа просто - «Наш Назарбаев» (Астана, 2009 г.).

Вспомним недавнее прошлое, когда был развал экономики, в магазинах на прилавках пусто, а шахтеры бастовали. И Валерий Михайлович в книге «Наш Назарбаев» в яркой публицистической форме рассказал о том, как Президент Н.А. Назарбаев сумел вывести страну из тупика в ряды быстроразвивающихся стран мира, как совершил исторический перевод столицы Казахстана из Алматы в Астану, как буквально на глазах растет и хорошеет новая столица – детище Нурсултана Абишевича.

Если в стране нет стабильности, то не помогут даже самые большие природные богатства. И В.М. Могильницкий аргументировано рассказал о взвешенной многонациональной политике, проводимой Президентом Н.А. Назарбаевым, благодаря которой в Казахстане в отличие от ряда других стран СНГ царят мир и спокойствие. Книга «Наш Назарбаев» - это серьезная и удачная

попытка автора осмыслить и рассказать читателям о нашем замечательном современнике, пассионарии Нурсултане Абишевиче Назарбаеве, его многогранной деятельности на благо народа Республики Казахстан.

Еще одной ипостасью Валерия Михайловича Могильницкого стало поэтическое творчество. Молодым журналистом он, по выражению великого Александра Блока, искал «пылинку дальних стран». Об этом говорят названия его стихотворений: «Айсберги», «С Владивостока начинается Россия», «В Находке», «Побратимам», «Из японской тетради», «В доме-музее А.П. Чехова в Ялте». Немало стихов он посвятил родному краю. Это «Я не казах, но был рожден», «Улытау», «У речки Сарысу» и др. Им выпущены поэтические сборники «Свет окна», «Строки любви», «Лирика», «Говорите нежные слова». В стихах видна вся душа автора. Его поэзия, мудрая, содержательная, добрая, нашла своего читателя.

Более 50 лет Валерий Михайлович Могильницкий трудится в журналистике и литературе. За это время издал уже три десятка книг. Даже перечень названий этих книг займет больше страницы. Их общий тираж превысил 200 тысяч экземпляров. К тому же, он опубликовал более трех тысяч статей и очерков. Они выходили в Казахстане, России, на Украине. Гигантский труд! Поистине Валерий Михайлович многие годы живет и трудится под девизом «Ни дня без строчки». Произведения В.М. Могильницкого переведены на казахский, английский, украинский и корейский языки. На его стихи местные композиторы написали песни и романсы.

Его активная общественная работа нашла достойную оценку. В 1998 году Валерий Михайлович избран председателем общественного объединения «Союз писателей Карагандинской области». В 2000 году ему присвоено звание «Почетный гражданин города Жезказгана». В 2002 году он был избран членом-корреспондентом Международной Академии информатизации (МАИН), в 2006 году - академиком МАИН.

Многолетний труд писателя и журналиста В.М. Могильницкого отмечен наградами и грамотами. Он - лауреат премий журнала «Крестьянка», имени Николая Погодина, республиканской газеты «Казахстанская правда», воина-публициста Баубека Булкишева, Карагандинского металлургического комбината.

В 2013 году за личный вклад в развитие духовности, науки

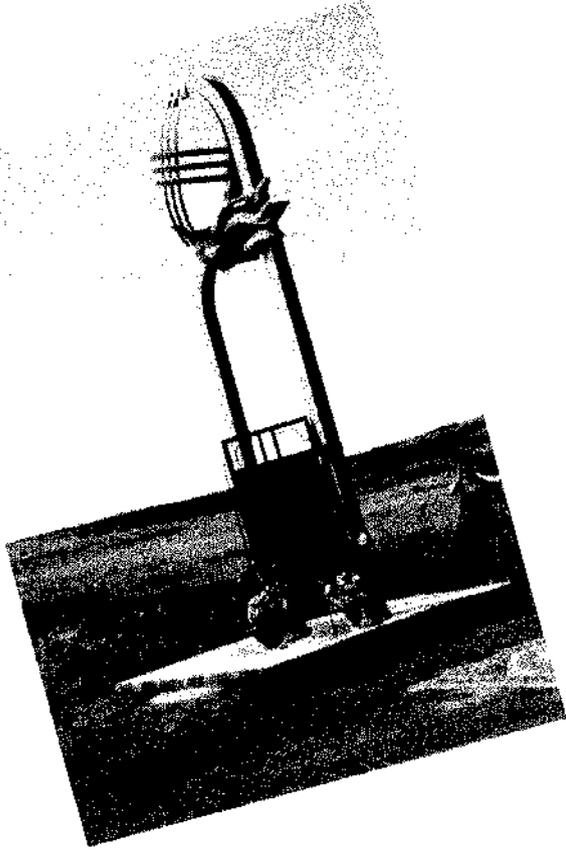
и культуры Валерию Могильницкому было присвоено звание лауреата международной награды «Святая София». Эта награда учреждена Ассамблеей деловых кругов СНГ и Президиумом Международной имиджевой программы «Лидеры XXI столетия». И в этом 2014 году знаменитый писатель был удостоен высшей награды Международной корпорации социального партнерства «Интеллект нации» с вручением ему статуэтки, Диплома и ордена за интеллектуальное развитие общества, высокие профессиональные достижения.

Член Союза журналистов СССР и РК, писатель Валерий Михайлович Могильницкий продолжает активно трудиться, печататься в различных изданиях области и республики, в газетах и журналах России. Он посещает колледжи, школы, музеи, встречается с многочисленными поклонниками его творчества. И хочется от всей души пожелать ему накануне своего 75-летия крепкого здоровья, новых книг и творческих находок.

*Владимир Новиков,
писатель, член Союза журналистов РК,
кандидат технических наук,
лауреат республиканской литературной премии
имени Абая*

Содержание

Вместо предисловия. С верой, надеждой, любовью.....	3
1. Мимозы Генриэтты.....	7
2. Любовь декабристки.....	12
3. Лихолетия кино.....	16
4. Правда Фибиha.....	22
5. Его звезда не погаснет.....	27
6. Танго любви.....	33
7. Восторг души Шашкина.....	37
8. Телогрейка Аграновского.....	42
9. Последний из живых поэтов.....	50
10. В ожогах от чужих костров.....	57
11. Каторжный ученый.....	62
12. Обманутое поколение.....	71
13. Трубка Эйхлера.....	75
14. Можжевельник Юло.....	83
15. Безымянные тюльпаны.....	88
16. «Желающего судьба ведет».....	97
17 Антисоветская выдумка Кикоина.....	103
18. Штирлиц работал в Караганде.....	108
19. Выстрел в тумане.....	113
20. А жить приходится здесь.....	120
21. Сын Есенина.....	130
22. «Я верен был своей Отчизне».....	139
23. Кортик адмирала.....	145
24. Оазисы Ольги Берггольц.....	151
25. Прошла Караг, живой осталась.....	159
26. Ласточки свободы генетика.....	166
27. Талисман Колмановского.....	171
28. Обитель вечного странника.....	177
29. «Гвозди бы делать из этих людей. . .».....	184
30. Незнакомая Анна Герман.....	190
31. Сердце, полное любви.....	194
Слово об авторе.....	197

Автор книги В.М.Могильницкий – член Союза журналистов СССР и РК, председатель общественного объединения «Союз писателей Карагадинской области», академик Международной Академии информатизации, почетный гражданин города Жезказгана, лауреат все-союзных и республиканских творческих конкурсов. Более пятидесяти лет работает в печати, отмечен медалью «За трудовое отличие», почетными международными наградами «Святая София», «Интеллектуации».

Предлагаем вашему вниманию новую книгу В.М.Могильницкого.